

К. А. Болдовский

**ПАДЕНИЕ
«БЛОКАДНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ»**

**Партаппарат Ленинграда
до и после «ленинградского дела»**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 94
ББК 63.3(2)63
Б791

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № № 18-19-00142 Д,
не подлежит продаже

Болдовский К. А.

Б791 Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после
«ленинградского дела». — СПб.: Нестор-История, 2018. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1387-9

Партийные руководители, стоявшие во главе Ленинграда в период блокады, подверглись репрессиям в 1949–1951 годах в рамках «ленинградского дела», после чего их имена стали запретными для упоминания вплоть до конца 1980-х г. Причины, ход и последствия самых масштабных чисток времен послевоенного сталинизма подробно описаны в данной книге. Эта тема до сих пор не была изучена, потому что аппарат коммунистической партии был закрыт для исследования. Автор на основе рассекреченных архивных документов шаг за шагом восстановил те события и проанализировал социальный состав руководящих партийных работников города до и после «ленинградского дела», а также практики подбора и расстановки номенклатурных кадров в эпоху позднего сталинизма.

Книга предназначена специалистам-историкам, аспирантам, а также всем читателям, интересующимся советской историей послевоенного периода..

ISBN 978-5-4469-1387-9

© К. А. Болдовский, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Глава 1. Роль партийного аппарата в системе власти СССР</i>	
в первые послевоенные годы	26
1.1. Новый класс, номенклатура или элита: исторические дискуссии	27
1.2. Послевоенный сталинизм: характерные черты периода.....	49
<i>Глава 2. Партийный аппарат Ленинграда в 1945–1948 гг.</i>	<i>69</i>
2.1. Обзор исследований по истории региональных партийных организаций СССР и деятельности ленинградского руководства в первые послевоенные годы.	69
2.2. Структура, количественные и качественные характеристики партийного аппарата Ленинграда в 1945–1948 гг.	79
2.3. Формирование кадрового состава партаппарата Ленинграда и его основные характеристики.	94
2.4. Практика кадровой работы партийного аппарата. Количественные и качественные характеристики номенклатуры партийных органов Ленинграда	139
<i>Глава 3 . Партийный аппарат Ленинграда в 1949–1953 гг.....</i>	<i>179</i>
3.1. Чистки 1949–1950 гг. в Ленинграде: итоги исследований	179
3.2. Изменения в кадровом составе партийного аппарата Ленинграда в 1949–1953 гг.	194
3.3. Обвинения и методы кадровых перестановок в 1949–1950 гг.	220
3.4. Партийный аппарат Ленинграда в 1950–1953 гг.	248
Заключение	263
<i>Приложение 1. Структура аппарата Ленинградского горкома ВКП(б).</i>	
Руководители подразделений. Количество работников отдельных подразделений.....	271
Список сокращений, используемых в работе.....	288
Источники и литература	290
Список персоналий, упоминаемых в тексте	306

ВВЕДЕНИЕ

Изучение политической истории Советского Союза невозможно без исследования партийно-государственного аппарата, степени его влияния на жизнь общества, методов и форм осуществления властных полномочий.

В период сталинского руководства (1930–1950-е гг.) роль властных структур была чрезвычайно расширена. Для объяснения этого было разработано идеологическое обоснование, сводившееся к тезису о неизбежном возрастании роли социалистического государства в условиях капиталистического окружения¹.

Следует отметить, что до сих пор отсутствует общепризнанное понимание того, какую роль в структуре советского общества играл управленческий аппарат. Кем были многочисленные руководители всех уровней? «Новым классом», как утверждал Милован Джилас, членами единой, всепроникающей «номенклатуры» или просто профессиональными менеджерами? Насколько эта общность управленцев была сплоченной? Существовали ли у нее единые, четко выраженные собственные интересы и, если существовали, то когда они начали формироваться? Все эти проблемы нуждаются в дополнительном изучении.

Одним из важнейших элементов властной конструкции была Коммунистическая партия — организация, которая, провозглашая

¹ И.В. Сталин утверждал: «...отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено» (*Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 211).

всю структуру власти, скрепляла ее воедино, была средством и гарантом успешного проведения многочисленных мобилизационных кампаний, требующих максимального напряжения всех общественных сил².

Исследования в этом направлении позволяют охарактеризовать тенденции развития политических властных структур. Подобный анализ важен для понимания того, как управлялась страна, как принимались решения, ставшие ключевыми для России и определившие ее развитие на много лет вперед. Детальное изучение системы управления Советским Союзом даст возможность объективно оценить преимущества и недостатки существовавшей системы и объяснить причины возникновения различных процессов в ходе ее развития.

Исследование партийного аппарата является актуальным в силу того, что в рассматриваемый период он был одним из важнейших механизмов осуществления политических решений руководства страны. Партаппарат был не только «приводным ремнем», обеспечивающим проведение решений центра в жизнь, но и тем цементирующим составом, который обеспечивал единство управления в разных регионах, проводил общую идеологическую политику и внедрял унифицированные принципы комплектования и функционирования управленческих кадров. Конечно, исполнение всех этих принципов на практике существенно отличалось от теоретических замыслов, но в целом партийный аппарат как в центре, так и на местах был единственной структурой, пронизывающей все другие государственные, силовые и хозяйственные организации.

Особое значение имеет изучение взаимоотношений партийного и государственного аппаратов управления. Деятельность высшего уровня управленческой пирамиды — И. В. Сталина и его ближайшего окружения — если и не полностью, то

² Как писал В. И. Ленин, «мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия всё исправляет, назначает и строит по одному принципу...» (*Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 342).

достаточно подробно исследована в работах последнего времени. На этом уровне партийные и государственные посты занимали одни и те же люди, совмещая в своем лице высшую власть в обеих структурах. Значительно менее изучено распределение властных полномочий на региональном уровне. В какой мере руководители крупнейших предприятий подчинялись партийным руководителям регионов? Как и в какой степени контролировали друг друга местные органы госбезопасности и партийный аппарат? Зависела ли степень влияния от личных качеств и связей в центре конкретного руководителя или система была однотипной и работала по единым правилам?

В некоторых, весьма многочисленных исследованиях высказываются мысли о руководящей роли партаппарата в системе власти. Другая точка зрения заключается в том, что на определенных стадиях развития партийные и государственные органы управления практически в равной степени ориентировались на указания центра, взаимодействовали на местном уровне для решения общих задач и активно занимались контролем друг над другом.

Анализ конкретных исторических процессов послевоенного времени показывает, однако, что властные отношения никогда не являлись чем-то изначально заданным, они постоянно менялись. Властные полномочия «перетекали» из одной бюрократической структуры в другую и обратно, в зависимости от складывавшихся общественно-политических условий, а иногда и от расстановки сил в верхних эшелонах власти. Попытки распространения явлений, характерных скорее для 1960–1970-х гг., когда руководящая роль партии выглядела вполне определенной, на период «позднего сталинизма» могут привести к ошибкам при анализе политических процессов.

Деятельность региональных партийных структур представляет особый интерес. Ведь именно они служили цементирующим раствором, связывавшим воедино всю громоздкую административную структуру Советского государства и являлись инструментом, реализующим решения руководства непосредственно «на местах».

Безусловно, регионы существенно различались между собой. В особенности это можно сказать о национальных республиках, в которых на проблемы, свойственные государству в целом, накладывался и национальный колорит. Тем не менее в условиях жестко централизованной системы управления изучение конкретных региональных структур позволяет выделить наиболее характерные черты происходивших процессов.

Исследование партаппарата Ленинграда представляется особенно актуальным, поскольку в его деятельности рельефно проявлялись феномены, свойственные изучаемому периоду.

Это вызвано особым положением ленинградской партийной организации, являвшейся в то время одной из крупнейших в стране как по численности, так и по доле коммунистов, занятых в промышленности.

Ленинград исторически рассматривался как «колыбель революции». Героическая оборона в годы Великой Отечественной войны, в ходе которой город смог выстоять благодаря, в том числе, организованности партийно-государственных структур способствовала росту авторитета городской организации в партии.

Немаловажным аспектом было выдвижение в 1944–1946 гг. двух ленинградских партийных лидеров на ключевые должности в иерархии ВКП(б). А. А. Жданов, длительное время руководивший ленинградской организацией, стал главным партийным идеологом, разрабатывавшим концепцию развития партии и роста ее значимости в стране. Важнейшее подразделение центрального партийного аппарата — Управление кадров ЦК возглавил А. А. Кузнецов, пришедший на эту должность с поста первого секретаря ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Кузнецов, который в годы блокады вел практически всю повседневную работу по управлению партийным и государственным аппаратом региона, пользовался огромным авторитетом среди местных руководителей (несколько подробнее об этом говорится во второй главе).

Это дает основание полагать, что в период 1945–1948 гг. именно ленинградская парторганизация стала своеобразным «полигоном», на котором в первую очередь испытывались

концепции перестройки партийного аппарата, создатели которых рассчитывали придать ему больший профессионализм и динамичность.

Безусловно, не следует забывать о том, что деятельность руководства партии и государства в тот период как в центре, так и на местах была направлена на реализацию неотложных задач, стоявших перед страной. К ним относились вопросы восстановления народного хозяйства и усиления оборонного потенциала путем модернизации в условиях начавшейся «холодной войны». Учитывая колоссальные разрушения и человеческие жертвы блокадного периода, для партийных органов Ленинграда проблемы, связанные с восстановлением города и его промышленного потенциала, были важны как никогда раньше.

Представляется вполне возможным из всей многообразной деятельности партийного аппарата города выделить и исследовать отдельно вопросы кадровой работы, способы, с помощью которых партийное руководство осуществляло стоящие перед ним задачи, проблемы, связанные с самими партийными кадрами. Актуальность исследования преимущественно кадровой работы партаппарата объясняется также и тем, что кадровая политика была основным способом реализации партийным руководством его властных функций.

Исходя из вышесказанного, для более глубокого понимания процессов, происходивших в послевоенный период во властных структурах, представляется необходимым исследование количественных и качественных характеристик партийного аппарата и региональной номенклатуры Ленинграда, форм и методов осуществления ими своих властных полномочий.

В истории «позднего сталинизма» ленинградская партийная организация занимает особое место и в силу того, что именно на нее пришелся основной удар чисток, происходивших в ходе так называемого «ленинградского дела». Несмотря на то что, по нашему мнению, сам термин «ленинградское дело» страдает неполнотой, нельзя не признать, что наиболее масштабные чистки прошли именно в Ленинграде. Представляется актуальным дальнейший анализ причин и последовательности тех

событий, в ходе которых аппарат одной из крупнейших в стране парторганизаций подвергся тотальному разгрому. Не менее актуально, на наш взгляд, и исследование форм и методов, которые использовали инициаторы и исполнители репрессий. Это тем более важно, поскольку именно в переломные, критические моменты с наибольшей отчетливостью проявляются те явления, противоречия и конфликты, которые в более спокойные периоды были оттеснены повседневной деятельностью.

Сравнение властной политики в отношении кадров номенклатуры партруководства Ленинграда до и после чистки позволяет сделать выводы о новых приоритетах руководства страны того периода.

Перед началом описания необходимо определить точные значения некоторых важнейших терминов, которые будут использованы в дальнейшем. Первая сложность здесь объясняется тем, что четкого официального определения понятия «партийный аппарат» не существовало. В уставе ВКП(б), принятом на 18-м съезде партии (1939 г.), лишь один раз упоминалось понятие «аппарат Секретариата ЦК ВКП(б)», а о региональных партийных структурах говорилось только, что «для практической работы по осуществлению партийных решений <...> в окружках, обкомах, крайкомх и ЦК компартий союзных республик <...> существуют <...> управления и отделы <...>»³.

Вторая сложность вытекает из известного противоречия между декларативными, уставными принципами организации партии и реальной практикой. С точки зрения устава, высшим органом областной, краевой, республиканской партийной организации является областная, краевая партийная конференция или съезд компартии союзной республики, а в промежутке между ними — областной комитет, краевой комитет, ЦК компартии союзной республики. В реальности же вся повседневная работа осуществлялась путем принятия решений или постановлений бюро соответствующего партийного комитета — в нашем

³ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет, М., 1939. С. 637–647.

случае бюро ленинградского городского комитета ВКП(б) (далее — бюро ГК). Более подробно эти вопросы рассматриваются во второй главе. В состав бюро входили не только избранные на пленуме горкома секретари, но и, как правило, руководящие работники других структур, например председатель исполкома и начальник местного управления МГБ. Наше исследование посвящено в основном деятельности именно профессиональных партийных управленцев, т. е. работников исполнительных органов партийных комитетов. Исходя из практических соображений исследования, уместно, на наш взгляд, остановиться на следующем определении.

Аппарат партийной организации — это постоянно действующие исполнительные органы городского, областного и районных комитетов ВКП(б)–КПСС Ленинграда и подчиненные им структурные подразделения.

Работники аппарата применительно к описываемому периоду — это ответственные (в отличие от технических) работники горкома, обкома и райкомов партии, как назначаемые руководящими органами, так и избираемые на пленумах и конференциях соответствующих комитетов и партийных организаций.

Исходя из этого определения, избранные руководители и штатные работники первичных партийных организаций к городскому партийному аппарату не относятся.

Хронологические рамки исследования охватывают период «позднего» или «послевоенного» сталинизма — с 1945 по 1953 г. Выбор первой даты закономерен по нескольким причинам: в этот год окончились Великая Отечественная и 2-я Мировая войны, что обусловило изменения как социально-политической обстановки в стране, так и системы партийно-государственного управления. Для Ленинграда это было время смены первых лиц в руководстве городом: вместо А. А. Жданова пришел сначала А. А. Кузнецов, а затем П. С. Попков. Конечная дата связана со смертью Сталина и началом перехода как Коммунистической партии, так и страны в целом к поиску новых форм общественных отношений. Внутри исследуемого периода целесообразно выделить два подпериода, рубежом для которых служит конец

1948 — начало 1949 г. Это обусловлено изменениями во внутренней и внешней политике СССР, происходившими в указанный момент и вызванными сменой приоритетов в стратегии высшего руководства страны. Следствием этих изменений стало начало так называемого «ленинградского дела», что в свою очередь означало существенные изменения как в кадровом составе, так и в формах, методах и приоритетах действий ленинградского руководства.

Территориальные рамки исследования ограничены Ленинградом. Таким образом, основное внимание уделяется аппарату Ленинградской городской партийной организации (далее — ЛПО). Такое ограничение представляется оправданным в силу ряда причин. Во-первых, городская парторганизация в 6,3 раза превосходила по численности областную⁴. Во-вторых, именно в городе было сосредоточено подавляющее число предприятий и учреждений. В-третьих, в годы войны Ленинградская область была практически полностью оккупирована противником, после ее освобождения партийные структуры создавались во многом заново. Партийные органы Ленинграда функционировали в течение всего срока блокады и не только не ослабли, но и приобрели новый опыт регионального руководства в критических условиях.

В то же время при рассмотрении многих вопросов, связанных с деятельностью партийных органов ленинградского региона, обращают внимание и на практику работы областных партийных структур. Некоторые вопросы, например руководство номенклатурными кадрами УМГБ-УМВД по правилам, установленным ЦК ВКП(б), решались именно в обкоме, что объяснялось тем, что формально соответствующие органы имели структурное деление по областям (краям, республикам) и не имели отдельных управлений по г. Ленинграду. Таким образом, часть номенклатурных кадров, особенно организаций

⁴ По данным на 1 июля 1947 г., в Ленинградской городской организации ВКП(б) состояло на учете 193 045 коммунистов, а в областной — 30 582 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 873. Л. 26).

с областной структурой (например управлений МГБ и МВД по Ленинграду и Ленинградской области), постоянно находились в ведении аппарата обкома.

Следует отметить, что аппараты ленинградских горкома и обкома ВКП(б) работали в тесном взаимодействии как в период 1946–1950 гг., так и после реорганизации начала 1950 г., когда горком стал подчиненной структурой обкома. Многие работники, принадлежавшие к высшему региональному руководству (например из группы секретарей горкома и обкома), переходили на работу из одной структуры в другую.

Управленческие подразделения, находившиеся на более низких ступенях партийной иерархии (отделы горкома и обкома), работали в основном независимо друг от друга. Территориальные партийные структуры на уровне райкомов партии также совсем не часто взаимодействовали между собой на горизонтальном уровне. Крайне редки и случаи кадровых перемещений между низовыми территориальными структурами города и области.

Эти соображения дают основания считать, что выделение в качестве предмета исследований именно аппарата городской парторганизации вполне закономерно.

Историография темы исследования достаточно обширна за счет того, что проблема деятельности партаппарата Ленинграда и его характеристик в период «послевоенного сталинизма» находится на пересечении нескольких направлений научных исследований: от работ, посвященных общим проблемам организации власти в СССР и «номенклатурной системы», до трудов, в которых рассматриваются конкретные аспекты региональной истории Ленинграда. Для удобства восприятия вопросы историографии по отдельным направлениям рассматриваются в начале каждой главы.

Основными источниками для данной работы послужили архивные документы ВКП(б)-КПСС, в первую очередь материалы руководящих органов партии, как центральных: Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, так и региональных: ленинградских обкома и горкома ВКП(б)-КПСС, районных комитетов

ВКП(б)-КПСС Ленинграда, не только опубликованные в сборниках документов и партийной печати, но и еще не публиковавшиеся и выявленные автором в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Документы Совета Министров СССР, министерств и ведомств дали возможность исследовать механизм взаимодействия партийных и государственных структур.

Документы руководящих органов партии как в центре, так и на местах: решения и постановления Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б)-КПСС, помогают проанализировать повседневную деятельность партийных органов разного уровня. Эти документы содержат значительный объем информации по вопросам кадровой работы: не только данные, касающиеся широкого круга лиц или целых партийных организаций, но и факты о персональных кадровых перемещениях.

Особый интерес представляют сопроводительные документы, подготовленные для руководящих партийных органов. Информация, содержащаяся в них, позволяет сделать выводы о причинах, мотивах и процедуре принятия тех или иных решений.

Большой интерес представляют организационные и распорядительные документы партийных организаций разного уровня.

К этой группе источников можно отнести различные положения, правила, циркуляры, инструкции, исследование которых предоставляет возможность проанализировать механизмы внутрипартийного регулирования.

Документы управления делами ленинградских горкома и обкома партии: штатные расписания, рабочие книги приказов, различные справки и отчеты о партийном бюджете ЛПО, стали важными источниками для исследования вопроса о структуре партийного аппарата и о материальном положении его работников (ЦГИИПД СПб. Ф. 24. Оп. 3 — «Управление

делами — бухгалтерия. 1939–1948»; Оп. 43 — «Управление делами — бухгалтерия. 1948–1952»; Ф. 25. Оп. 43 — «Финансово-хозяйственный сектор. 1948–1952 гг.»).

Для анализа биографических данных и кадровых перемещений работников аппарата источниками служили материалы доступных личных дел, как правило так называемых «объективов», т.е. кратких информационных материалов, подготовлявшихся кадровыми подразделениями на каждого работника при назначении его на какую-либо новую должность (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728 — «Коллекция личных дел»).

В исследовании также использовался большой массив отчетных и контрольных документов, с помощью которых вышестоящие органы осуществляли контроль над нижестоящими. В эту группу входят отчеты подразделений горкома и обкома партии и районных партийных структур: отделов кадров горкома и обкома ВКП(б) и отделов партийных, профсоюзных и комсомольских органов (далее — ППКО) горкома и обкома партии, а также соответствующих подразделений райкомов партии. Анализ этой группы документов позволяет сделать выводы как о количественных и качественных характеристиках партийного аппарата и номенклатурных кадров, так и о тех задачах в области кадровой работы, которые руководители считали наиболее важными. Кроме того, эти документы содержат сведения о недостатках в работе соответствующих подразделений, что дало возможность выявить и проанализировать проблемы, существовавшие в этой сфере.

Значительный интерес представляют также материалы служебной переписки нижестоящих партийных органов с вышестоящими, в первую очередь руководящих работников и заведующих отделами ленинградских горкома и обкома партии с секретарями и руководителями структур ЦК ВКП(б)-КПСС, а также с другими организациями. Исследование этих документов позволило сделать выводы о практике взаимоотношений руководящих и подчиненных структур, о механизме принятия решений по различным вопросам, об источниках и способах информирования руководства партии и государства, а также о том,

какими конкретно инстанциями инициировалось принятие тех или иных решений.

Исследователем использовались документы как опубликованные в различных сборниках⁵, так и отложившиеся в РГАСПИ: в Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС). Оп. 114; Оп. 116; в Ф. 77 (Жданов А.А.); Ф. 83 (Маленков Г.М.). Для исследования деятельности ленинградских партийных организаций привлекались документы, отложившиеся в фондах ЦГАИПД СПб (Ф. 24 — «Ленинградский областной комитет КПСС»; Ф. 25 — «Ленинградский городской комитет КПСС»). Упомянутые выше документы хранятся в делах особых секторов обкома и горкома, а также в делах соответствующих подразделений, в первую очередь отделов кадров, отделов партийных, профсоюзных и комсомольских органов и отделов пропаганды и агитации.

Отдельным источникам из некоторых перечисленных выше групп свойственна неполнота, обусловленная как организационными свойствами аппарата Коммунистической партии и его роли в системе власти в СССР, так и современным состоянием источниковой базы.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–1986). Т. 8: 1946–1955. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985; Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: Н. Ковалева и др. М.: Демократия, 1998; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: Демократия, 1999; Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и др. материалы. Т. 1: Март 1953 — февраль 1956 / Сост.: А. Артизов и др. М.: Демократия; Материк, 2000; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост.: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост.: В.В. Денисов и др. М.: РОССПЭН, 2004; Лубянка. Сталин и МГБ СССР. март 1946 — март 1953 / Сост. В.Н. Хаустов. М.: Демократия; Материк, 2007; Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Сост. А.П. Смирнов; Государственный музей политической истории России. СПб: Норма, 2009.

Аппарат ВКП(б), особенно его руководящие органы, был одной из самых закрытых структур СССР. Секретность при принятии многих политических и кадровых решений была возведена в культ и постоянно поддерживалась с помощью различного рода репрессивных мер. Достаточно отметить, что предметом разбирательства единственного прошедшего в аппарате ЦК «суда чести» было именно нарушение секретности. Обязанность каждого коммуниста хранить «партийную тайну» была закреплена в уставе партии.

Соображениями секретности и нежеланием оставлять документальные подтверждения своих действий, дабы избежать впоследствии ответственности, объясняется и характерная для описываемого периода практика устных «директивных указаний». Наряду с широко известными фактами такого рода (например отсутствием, за исключением единичных случаев, стенографических записей заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК) можно привести несколько примеров такого не оставляющего письменных следов стиля управления. В одной из стенограмм совещаний работников горкома и райкомов партии содержатся упоминания имевшейся практики, не оформленной документально, согласно которой в первые послевоенные годы запрещалось принимать на руководящие должности в аппаратах горкома и райкомов новых работников без высшего или среднего специального образования⁶.

Практика «устных указаний» была широко распространена во время чистки номенклатурных и руководящих кадров по национальному признаку, проходившей с 1949 г. в Ленинграде. Определенных письменных директив по этому вопросу обнаружить до сих пор не удалось, что дает основание считать, что указания были в основном устными, маскировавшимися в официальных документах такими эвфемизмами, как «борьба с засоренностью кадров». Несмотря на это отчетные документы нижестоящих структур с определенностью демонстрируют направление, в котором велась эта борьба.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 139–140.

В начале 1953 г. во время разворачивания пропагандистской кампании, сопровождавшей «дело врачей», в партийных информационных сводках постоянно упоминается, что разъяснения нижестоящим структурам давались во время устных инструктажей⁷.

Еще одной трудностью при анализе партийных документов является наличие фактов изъятия и, возможно, уничтожения ряда документов, содержащих компрометирующие того или иного партийного лидера сведения⁸. В некоторых исследованиях упоминается, что ряд документов, касающихся участия Г.М. Маленкова в так называемом «ленинградском деле» был, по словам его помощников, изъят и уничтожен летом 1957 г. Это связано с обвинениями в участии в репрессивной кампании, выдвинутыми против него в ходе июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. В фондах РГАСПИ нами выявлен документ, подтверждающий эту информацию. На обложке архивного дела рукой работника общего отдела ЦК сделана надпись, свидетельствующая о том, что 33 листа «были изъяты т. Маленковым и не возвращены»⁹. По всей видимости, речь идет о стенограммах выступлений Г.М. Маленкова в ходе подготовки и проведения февральского (1949 г.) пленума горкома и обкома в Ленинграде.

Следует отметить, что, к сожалению, значительное количество архивных материалов остаются недоступны для исследователей из-за крайне медленно проходящей процедуры рассекречивания, а также ограничения «доступа к тайне личной жизни».

Например, по этой причине нам не удалось ознакомиться с весьма важной перепиской руководства горкома и обкома ВКП(б) с ЦК по вопросам организационно-партийной работы. По-прежнему закрыты многие протоколы и материалы заседаний бюро горкома и обкома, нет документальных

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 79. Д. 517. Л. 60.

⁸ О практике изъятия и уничтожения документов партийных архивов: см., напр.: *Пихоя Р.Г.* О некоторых аспектах историографического кризиса, или О «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 15–28.

⁹ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 13. Л. 103.

данных об обмене информацией между партийным руководством и управлением МГБ по поводу проверки кадров. Значительная часть архивных материалов недоступна для исследователей из-за содержащейся в них личной конфиденциальной или компрометирующей информации, четкого определения критериев которой архивными службами до сих пор не разработано. Несмотря на описанные трудности, некоторые ставшие доступными документы впервые вводятся в научный оборот.

В отдельную группу можно выделить документы, относящиеся к партийной статистике. Для анализа данных по количественному и качественному составу партаппарата использовались статистические документы партийных органов различного уровня: статистические сводки и таблицы, отложившиеся в архивных делах отделов кадров горкома и обкома ВКП(б) (ЦГА-ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 6 — «Сектор статистики и единого партбилета отдела руководящих партийных органов»; Оп. 7 — «Отдел кадров. 1939–1948 гг.»; Ф. 25. Оп. 7 — «Отдел кадров. 1940–1949 гг.»), а после реорганизации аппарата, предпринятой во второй половине 1948 г., — в делах отделов ППКО (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 20 — «Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов. 1945–1952 гг.»; Ф. 25. Оп. 20 — «Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Декабрь 1948 — 1949 г.»). В них содержатся данные о кадровом составе партийного аппарата: ежемесячные, ежеквартальные, полугодовые и годовые отчеты о численном составе партийной организации, партийных кадрах номенклатуры горкома, их сменяемости и других характеристиках.

Начиная с 1946 г. и до расформирования Управления кадров ЦК летом 1948 г. статистические данные собирались этим органом в большом объеме и практически по всем группам номенклатурных кадров. Например, в ноябре 1946 г. Управление кадров ЦК в письме за подписью заместителя начальника управления Б.С. Ревского запросило статистические отчеты и справки о составе и сменяемости руководящих работников 23 должностных групп. В перечень входили следующие должности: секретари и заместители секретарей горкома и райкомов

партии, заведующие оргинструкторскими отделами и отделами пропаганды и агитации райкомов, председатели райисполкомов и некоторые другие¹⁰.

Статистические данные в столь полном объеме присутствуют только до 1948 г., так как в 1949 г. из-за упразднения Управления кадров ЦК их перестали собирать в прежних масштабах. 22 августа 1949 г. постановление Секретариата ЦК признавало, что существовавшая ранее форма отчета о сменяемости руководящих работников «является излишне сложной, содержит некоторые не имеющие практического значения вопросы»¹¹. Кроме этого, 28 декабря того же года Секретариат ЦК принял постановление о замене ранее применявшейся полугодовой формы отчетности о сменяемости годовой формой с меньшим перечнем предоставляемых сведений¹².

Значительный объем информации содержится в материалах единовременного учета руководящих работников и работников с высшим образованием по состоянию на 1 ноября 1947 г. Отчеты этой беспрецедентной переписи по Ленинграду отложились в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) (ЦГА СПб. Ф. 4965 — «Статистическое управление Ленинграда»). В них содержатся сведения о возрасте, партийности, стаже работы, образовании, национальности и других характеристиках работников всех самостоятельных предприятий, учреждений и организаций города, в том числе и работников аппарата горкома и райкомов партии¹³.

Эти сведения помогают получить наиболее точную информацию о количественном и качественном составе работников партаппарата и номенклатуры Ленинграда, сравнить ее с данными для других регионов и хронологически проследить изменения их характеристик.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 9–10.

¹¹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 85.

¹² Там же. С. 84.

¹³ Болдовский К. А. Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.

Отдельную группу источников образуют стенограммы различных выступлений и совещаний.

Немалый интерес представляют стенограммы выступлений руководящих работников ЦК ВКП(б) на разного рода пленумах, конференциях и совещаниях. Например, в выступлениях А. А. Кузнецова на совещаниях региональных секретарей обкомов партии содержится важная информация, позволившая сделать выводы о политике партийного руководства в области кадровой работы.

В исследовании были использованы такие архивные документы, как: стенограммы пленумов районных и городского комитетов ВКП(б), стенограммы районных и городских партийных конференций, информационные справки отделов горкома партии.

Ценность источников этого типа — в возможности проанализировать содержание выступлений как руководящих, так и рядовых работников партаппарата и сделать выводы об их позиции непосредственно во время происходивших событий.

При анализе стенограмм районных и городских партийных конференций, пленумов райкомов и горкома партии неизбежно возникает вопрос, насколько адекватно эти материалы отражают процессы, происходившие в то время, и настроения партийных работников, участвовавших в этих мероприятиях.

Официальные партийные мероприятия проходили по заранее утвержденной схеме, не предполагавшей каких-либо «непредвиденных» выступлений. Все стенограммы пленумов и конференций тщательно анализировались в аппарате горкома партии. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные пометы и подчеркивания в документах. Выступавшие далеко не всегда могли выразить свои подлинные взгляды как из соображений партийной дисциплины, так и из-за страха.

Глубокий разрыв между публично выражаемым мнением и внутренними убеждениями, тщательно скрываемыми от посторонних и даже от близких людей, можно проиллюстрировать на примере одного руководителя низшего звена — военкома Свердловского района Ленинграда. В нашем распоряжении

оказалась стенограмма его выступления на районной партконференции в 1950 г., содержащая вполне типичные славословия в адрес Сталина. Однако, по воспоминаниям его дочери, для нее было «открытием и потрясением», когда после известия о смерти Сталина он не пустил ее на похороны вождя в Москву, при этом, «всхлипывая и плача, матерился: “Подох, мать его!”»¹⁴.

Думается, однако, что нельзя всё объяснить только банальным «двоемыслием» советских людей. Кроме понятных опасений за свою судьбу, на многих участников тех событий давил и неприкасаемый, не подвергавшийся сомнениям, авторитет высшей партийной инстанции — Центрального Комитета. Этот авторитет становился просто сакральным, когда решение ЦК освящалось именем самого вождя. Девизом для такого отношения могут служить слова секретаря горкома Ф. Р. Козлова, произнесенные, кстати, при обсуждении враждебной деятельности так называемой ленинградской «антипартийной группы»: «Речь идет о линии, о самом дорогом для нашей партии, для каждого из нас»¹⁵.

Понятно, что сомнения в правильности «самой дорогой для каждого линии» были не только опасны, но и могли привести к психологическому надлому: ведь чрезвычайно сложно сопротивляться отлаженному пропагандистскому механизму, тем более когда сам являешься его частью.

Исходя из этого, можно отметить, что не только беспринципностью объясняется та легкость, с которой руководящие партийные работники в кратчайшие сроки меняли свои мнения на противоположные. Применительно к исследуемым событиям такая смена взглядов становится более понятной, если сравнить разгромные доклады руководящих партийных работников Ленинграда во время чистки 1949–1950 гг. и выступления тех же людей на партийном активе 5–6 мая 1954 г., когда Н. С. Хрущев

¹⁴ Аксютин Ю. В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1954 гг.. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2010. С. 31.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 678. Л. 57.

разоблачал «злоупотребления», допущенные в «ленинградском деле». Возникают естественные вопросы, насколько эти люди понимали, что происходило на самом деле во время чистки, каково соотношение страха, заставляющего скрывать правду даже от самого себя, и непререкаемой веры в мудрость высшей власти. Такие вопросы применимы к подавляющему числу участников чисток. Тем более ценными для интерпретации становятся факты, когда сквозь коросту официальной партийной риторики прорывались искренние чувства отдельных коммунистов: непонимание, недоумение, а иногда даже сомнение в правильности совершаемого.

Следует отметить, что несмотря на трудности анализа материалы стенограмм позволяют сделать некоторые выводы, относящиеся к характеру проводившейся чистки. Во-первых, из выступлений руководящих работников видно, как развивалась логика обвинений, против кого в первую очередь были направлены эти мероприятия. Во-вторых, мы можем получить информацию о том, как принимали эти обвинения слушатели. В-третьих, есть возможность судить о том, как проявляли себя номенклатурные работники в трудное для них время. Всё это заставляет отнестись к стенограммам выступлений на собраниях партийных комитетов как к очень интересному источнику, характеризующему обстановку периода «позднего сталинизма».

Немалой трудностью, возникающей при анализе стенограмм, является и оценка достоверности критических и самокритических выступлений. Распространенность чинопочитания, смешение авторитета руководящих органов и конкретных руководителей, опасения быть наказанным за критику и повышенная секретность в условиях централизованной, иерархичной структуры управления приводили к почти полному отсутствию свободного обмена информацией на горизонтальном уровне, обсуждений решений и практики работы вышестоящих органов и руководителей. В результате большинство проблем, волновавших работников партаппарата, выносились на более или менее широкое обсуждение только после смены руководителей. В такой ситуации весьма непросто отделить

выражение собственного мнения по поводу накопившихся недостатков от обычных клеветнических утверждений, имевших целью очернить бывшее руководство для того, чтобы продемонстрировать лояльность новому «патрону». Подобные ситуации были весьма характерны для кампании чистки в парторганизации Ленинграда в 1949–1950 гг. Для того чтобы избежать искажения информационной картины, необходимо было критически анализировать каждое выступление, особенно содержащее компрометирующую информацию. В значительной степени это относится и к весьма интересным материалам Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (далее — КПК)¹⁶. Этот орган проводил партийные расследования проступков коммунистов и рассматривал апелляции исключенных из партии. В справках, объяснительных записках и постановлениях КПК приводятся многочисленные факты, негативно характеризующие тех или иных работников. В то же время необходимо учитывать, что подбор фактов носил, как правило, тенденциозный характер и имел целью подтвердить и обосновать ранее принятое решение о наказании. Объяснения обвиняемых были выдержаны в духе общепринятого «ритуала покаяния» и, естественно, не были полностью объективны. Вместе с тем отдельные конкретные данные, выявленные «партследователями» — контролерами КПК, — могут быть использованы для исследования как практики работы партийных и государственных структур, так и процессов накопления и оформления обвинительных материалов.

Значительный интерес представляют также информационные сообщения партийных органов, материалы которых хранятся в делах секторов информации горкома и обкома партии, входивших сначала в структуру соответствующих оргинструкторских отделов и отделов кадров, а затем отделов ППКО. Эти документы содержат записи наиболее показательных, с точки зрения их составителей, высказываний рядовых граждан,

¹⁶ Автор выражает особую признательность профессору Д. Бранденбергеру за возможность ознакомиться с этими документами.

номенклатурных и руководящих работников о различных текущих событиях, краткие сводки выступлений на партийных собраниях разного уровня. Анализ этого источника при критическом отношении к репрезентативности содержащейся в них информации дает возможность сделать выводы о настроениях в разных социальных группах.

Значительный интерес представляют источники личного происхождения, относящиеся непосредственно к описываемому периоду. В личном фонде Г. М. Маленкова в РГАСПИ (Ф. 83), например, нами были выявлены его черновые записи, делавшиеся непосредственно в ходе совместного заседания бюро горкома и обкома ВКП(б) Ленинграда 19 февраля и в ходе объединенного пленума горкома и обкома 21–22 февраля 1949 г. Эти записи являются единственным на сегодняшний день источником, предоставляющим информацию, пусть даже отрывочную, о ходе заседания бюро, о чем раньше исследователи знали только из рассказов некоторых его участников. Кроме того, записи дают возможность выделить наиболее важные с точки зрения Г. М. Маленкова вопросы.

Представляют интерес пометки в так называемых «записных книжках А. А. Жданова» (РГАСПИ. Ф. 77), содержащие информацию как о его мнении по вопросам текущей политики, так и о процессе подготовки различных решений руководящих партийных органов.

В исследовании использовались опубликованные мемуары и записи бесед руководящих деятелей партии и государства изучаемого периода: В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, А. И. Микояна¹⁷.

С сожалением приходится констатировать, что практически отсутствуют воспоминания непосредственных участников событий 1945–1953 гг. в Ленинграде: как представителей руководства до 1949 г., ставших жертвами чистки, так и организаторов

¹⁷ Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999; Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999 и др.

и руководителей репрессий. Одним из немногих исключений являются мемуары В. В. Садовина¹⁸, занимавшего в первой половине 1949 г. должность заместителя заведующего отделом ППКО горкома. В настоящей работе использовались также опубликованные воспоминания членов семей, в первую очередь детей участников описываемых событий¹⁹.

Представленная книга, конечно, несвободна от многочисленных недостатков, что является исключительно виной автора. Если в книге и есть что-либо, заслуживающее внимания, то это в первую очередь заслуга тех коллег, с которыми автору посчастливилось общаться.

Автор благодарен Р. Ш. Ганелину и В. А. Кутузову. К сожалению, они уже ушли из жизни. Беседы с Д. Бранденбергером, Г. Л. Соболевым, А. Н. Федоровым, О. В. Хлевнюком помогли лучше понять предмет исследования. Помощь, советы и критика коллег — М. В. Зеленова, В. А. Иванова, Н. Ю. Пивоварова, А. И. Рупасова, Н. Ю. Черепениной, А. Н. Чистикова существенно улучшили текст. Редактор А. М. Никитина в работе над книгой проявила не только высокий профессионализм, но и неравнодушное отношение к делу и интерес к предмету исследования.

Особая благодарность — А. С. Коноховой, без терпения, понимания, и настойчивости которой эта работа вряд ли была бы закончена.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 585. Л. 1–18.

¹⁹ См., напр.: *Вознесенский Л. А.* Истины ради... М.: Республика, 2004.

ГЛАВА 1

РОЛЬ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Одной из наиболее характерных особенностей «сталинского» периода истории СССР было неуклонное возрастание роли властного аппарата в жизни общества. Единоличная, ничем не ограниченная власть одного человека в центре проецировалась на нижние уровни управленческой пирамиды, где формировались свои местные диктаторы. Как уже отмечалось, эти тенденции объяснялись и идеологически — тезисом о «возрастании роли государства в процессе строительства коммунистического общества». Повсеместные государственно-партийное регулирование и контроль требовали огромного количества управленцев, основной задачей которых было проводить в жизнь директивы вышестоящих инстанций. Это, в свою очередь, сформировало разрыв между группами контролируемых и контролирующих, выразившийся в том, что принадлежность к «начальству» в подавляющем большинстве случаев означала переход индивидуума в другую социальную группу. Немногочисленные исключения скорее подтверждают этот тезис. Начальники и подчиненные различались не только по наличию управленческих полномочий, но и по многим другим признакам: степени допуска к информации, материальному положению, особенной подсудности, доступу к различным социальным благам: образованию, здравоохранению, социальному обеспечению. Определение роли и места управленцев и, в частности, работников партаппарата в социальной конструкции советского общества — одна из важнейших проблем в советской истории, вокруг которой возникло немало научных концепций и спекулятивных рассуждений. Хотя подробный анализ общих вопросов в рамках исторической социологии

не входит в задачи данной книги, было бы уместно привести обзор наиболее популярных подходов. Краткому анализу и критике историографии по данной теме посвящен первый параграф этой главы.

Социально-экономическая ситуация в СССР периода 1945–1953 гг. отличалась известным своеобразием. Партийный аппарат был причастен практически ко всем процессам, происходившим в тот период в стране, выступая как в роли субъекта, так и объекта этих процессов. Исходя из этого, необходимо, по нашему мнению, во втором параграфе главы сделать краткий историографический обзор работ, рассматривающих события данного периода.

1.1. Новый класс, номенклатура или элита: исторические дискуссии

Первый историографический период охватывает время с 1945 г. и до XX съезда КПСС (1956 г.). Обобщение опыта и проблем работы с кадрами проходило в то время под влиянием работ Сталина. Формулировки из этих работ служили основой публикаций, связанных с кадровой политикой партии, — в основном стенограмм лекций в сети партийного образования и политического просвещения.

В качестве материалов использовались цитаты из работ В. И. Ленина, И. В. Сталина и действовавшие на тот момент постановления партии по данному вопросу. Практически не привлекались архивные источники или какие-либо статистические данные. Тем не менее в некоторых работах содержатся интересные, на наш взгляд, положения. Так, в диссертации Т. Ф. Авилушкина высказывается мысль о том, что руководящие кадры партии формируются прежде всего за счет интеллигенции, «преданной делу коммунизма», а не за счет пролетариата или крестьянства.

После XX съезда КПСС стали появляться работы, в которых говорилось о необходимости возврата к «ленинским нормам партийной жизни», к «бережному отношению к кадрам».

Публиковались исследования, рассматривающие кадровые вопросы с позиций «борьбы с последствиями культа личности». Основным различием в источниковой базе стало использование цитат из выступлений Н. С. Хрущева вместо цитат из произведений И. В. Сталина.

Новая политическая обстановка требовала, естественно, заменить известный учебник по истории партии «История ВКП(б). Краткий курс». Такой заменой стали разработанные коллективами авторов курсы «История Коммунистической партии Советского Союза». Переиздаваясь немалое число раз, эти книги оставались базовым пособием по партийной истории вплоть до распада СССР.

Период второй половины 1950-х — первой половины 1980-х гг. характеризуется стабилизацией как кадрового корпуса КПСС, так и политического руководства партии в работе с кадрами. В это время публикуется большое количество работ по различной тематике: вопросы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров, организационно-партийная работа, критика зарубежной историографии по данной проблеме («критика буржуазных фальсификаций») и т. п.

В работах этого периода обосновывалась неизбежность возрастания руководящей роли Коммунистической партии в обществе: «Социализм и коммунизм создаются целенаправленными, планомерными усилиями всех членов общества, в связи с чем резко возрастает значение сознательного отношения к действительности, творческой преобразующей деятельности трудящихся масс в соответствии с познанными законами общественного развития. Всё это требует более глубокого воздействия коммунистической партии на многогранный процесс коммунистического строительства, требует укрепления ее руководящей роли в социалистическом обществе».

Некоторые публикации подчеркивали успехи системы партийно-политической учебы при формировании необходимых навыков работы у партийных руководителей разного уровня.

Приводившиеся в исследованиях статистические данные должны были иллюстрировать тезис о прямой зависимости

между уровнем политического или общего образования партработников и эффективностью системы партийного руководства страной. Несмотря на значительное количество опубликованных работ, звучала и критика состояния исторических исследований. Например, В. Н. Донченко указывал: «...нет ни одного значительного исследования борьбы и развития партии на первом этапе полосы мирного развития СССР...»

Несмотря на различные ограничения, в советский период выходили работы, в которых исследовались изменения структуры партаппарата¹. В монографии Л. А. Малейко рассматривались, в частности, вопросы изменений в уставе партии и структуре ее аппарата, предпринятые на XVIII съезде ВКП(б). Отмечая весьма важный факт перехода от производственно-отраслевого принципа структурирования отделов ЦК к функциональному, историк подчеркивает недостаток доступной источниковой базы: «...исследователи пока не располагают достаточными источниками для всестороннего объяснения причин возобладания функциональной структуры в партийном аппарате»².

Большинству работ того периода были свойственны недостатки, о которых Е. З. Разумов — первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС и автор монографии «Проблемы кадровой политики КПСС»³, писал в своих воспоминаниях в постперестроечный период: «<...> в тогдашних моих суждениях было немало благодушия и высокопарности. Сказывалось влияние официальных установок, послушное следование им»⁴.

¹ Обичкин О.Г. Краткий очерк истории Устава КПСС. М.: Политиздат, 1969; Организационно-партийная работа. Из истории партийного строительства. Вып. 1. М.: Политиздат, 1969; Вып. 2. М.: Политиздат, 1973.

² Малейко Л.А. Партийный аппарат. Становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1981. С.109.

³ Разумов Е.З. Проблемы кадровой политики КПСС. М.: Политиздат, 1983.

⁴ Разумов Е.З. Крушение и надежды. Политические заметки (О том, что и почему произошло с КПСС, о перспективе возрождения партии коммунистов). М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1996. С. 46.

Социальная природа номенклатурной организации аппарата управления советского периода интерпретируется учеными по-разному в силу ее оригинальности, противоречивости и связанности с конкретными историческими условиями. Существует множество трактовок самого понятия: различные авторы отождествляют социальную группу, осуществлявшую руководство, либо с партаппаратом, либо с правящей элитой или даже с неким правящим классом.

Рассмотрим концепции советских исследователей, утвердившиеся в период с середины 1930-х по конец 1980-х гг. В их работах доминировала идея о существовании в СССР трех крупных социальных групп: двух «дружественных, неантагонистических» классов (рабочих и колхозного крестьянства) и «социальной прослойки» (трудовой интеллигенции), которые и были источниками власти на основе «народовластия», реализуемого через систему Советов (так называемая схема «2+1»). Эта концепция не учитывала чрезвычайно большую роль государства, а следовательно, и партийно-государственного аппарата в системе властных отношений.

Исследователи социальной структуры советского общества старались не выходить за пределы установленной схемы, с осторожностью затрагивали вопросы о существовании противоречий между различными социальными группами. Анализируя этот историографический период *post factum*, некоторые исследователи упоминают о том, что «социологи уже в 60-е гг. стали рассматривать номенклатуру как особый слой общества, сосредоточивший в себе функции организации производства и всей общественной жизни», отмечая при этом, что «по условиям того времени этого рода идеи не могли зазвучать в полную силу в печати <...> вследствие закрытости данных и цензурных ограничений»⁵.

«Закрытыми» для большинства исследователей оставались вопросы социального положения руководителей различного ранга. Статистические данные, собранные в ходе учетов

⁵ Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 25.

послевоенного времени и относившиеся к руководству предприятий и учреждений, либо не публиковались совсем, либо публиковались в сборниках с грифом «не для печати». Статистические сведения о работниках партийного аппарата отсутствовали даже в этих изданиях.

В силу политической ситуации в СССР бюрократия как властвующая группа в обществе первоначально стала предметом зарубежных исследований. В 1930-х гг. к анализу структуры власти в СССР обратились сразу несколько непохожих друг на друга авторов.

Выдающийся русский философ Н. А. Бердяев, отмечая возросшую роль советской бюрократии, одним из первых назвал ее «правящим классом». В своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», вышедшей в 1938 г., он писал: «<...> новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы»⁶. Одним из доказательств этого утверждения он считал несоразмерность заработной платы рабочих и чиновников: «...простой рабочий сплошь и рядом получает 75 рублей в месяц, советский же чиновник, специалист — 1500 рублей в месяц»⁷. Следует обратить внимание на то, что в данном случае Бердяев рассматривает чиновников и специалистов как представителей одной группы, исходя при этом из размера получаемых ими благ и не рассматривая различие в объеме властных полномочий.

Один из основных идеологов «смены вех» Н. В. Устрялов приветствовал возрастание роли государства и отмечал в своем дневнике: «Русская революция должна найти свой стиль! Этот стиль, очевидно, должен сочетать в себе монументализм великого государства, молодой порыв и радостное самоутверждение свежего социального материала <...> с иерархизмом советского общества, воспитанника диктатуры»⁸. Он подчеркивал

⁶ Бердяев Н. А. 1) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.; 2) Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 175.

⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 105.

⁸ «Служить Родине приходится костями...» Дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5/6. С. 41.

необходимость усиления авторитарного, централистского начала в системе управления СССР: «Страна совершала небывалый, невероятный исторический прыжок и сейчас приходит в равновесие на новом месте <...> нужен талисман — Сталин, чтобы привести в действие все эти поршни, клапаны и пружины, эти людские системы систем, призванные спасти, перестроить, возвеличить наше государство и завоевать, утвердить, распространить социализм»⁹.

Л. Д. Троцкий после отстранения от власти и высылки стал одним из главных критиков бюрократии как новой властной группы советского общества. По его образному выражению, «свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции»¹⁰. Для Троцкого возросшее значение бюрократии было прямо связано с «термидорианским переворотом», который произошел, по его мнению, в СССР одновременно с приходом к власти группы Сталина.

На противоречивость позиции Троцкого относительно «термидорианского перерождения» указывали еще его современники, критиковавшие концепцию «термидора» с марксистско-ленинских позиций. Например, Д. П. Марецкий, единомышленник и соратник Н. И. Бухарина, утверждал: «<...> признать неизбежность термидора — это признать, что Октябрьский переворот в конечной стадии был не социалистическим переворотом, а трагическим выкидышем мировой войны»¹¹.

Сам Троцкий никогда не доходил в своем анализе внутриполитической ситуации в СССР до того, чтобы назвать аппарат «новым классом». Напротив, он всегда возражал против такого определения:

Бюрократия еще не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности <...>. Попытка представить советскую бюрократию как класс «государственных

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 81.

¹¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: Терра, 1990. С. 247.

капиталистов» заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербует, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия <...> скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма¹².

Вопреки этим аргументам последователи Троцкого развили концепции, описывающие Советский Союз как общество, подчиненное бюрократическому, господствующему классу нового типа.

Теория «нового класса» была концептуально оформлена в работах Милована Джиласа, прежде всего в его книге «Новый класс», вышедшей в 1957 г. «Новый класс» по М. Джиласу — это политическая бюрократия, обладающая монополией на управление и контроль над государственной собственностью, предоставляющей ей особые привилегии и материальные преимущества. В то же время остальные служащие — лишь аппарат, ею контролируемый¹³. Говоря о генезисе «нового класса», Джилас указывает: «Корни нового класса находятся в партии особого — большевистского — типа <...>. Вернее всего, зачатки нового класса не находятся в партии большевистского типа как целом, а только в слое профессиональных революционеров, составлявшем партийное ядро еще до завоевания власти»¹⁴. Отметим, что такое утверждение, связывающее возникновение классов исключительно с политической организацией («надстройкой»), а не с экономическими отношениями («базисом»), явно противоречит основным постулатам марксизма.

Оспаривая тезис Троцкого об отсутствии у бюрократии права владения собственностью, Джилас поступает весьма

¹² Троцкий Л.Д. Преданная революция. С. 207.

¹³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 203.

¹⁴ Там же. С. 199.

оригинально. Он просто констатирует, что «собственность не является ничем <...> кроме права пользования и распоряжения»¹⁵, противореча тем самым основам марксистской политэкономии, сторонником которой он себя считал. При этом, указывает М. Джилас, «собственность нового класса проявляется в виде исключительного права <...> на распределение национального дохода, регламентацию уровня зарплаток, выбор направлений хозяйственного развития, а также как распоряжение национализированным и другим имуществом»¹⁶.

Экономическое превосходство партийной бюрократии порождает и соответствующие политические отношения, что проявляется тремя главными способами: власть сосредоточивается в руках руководства партии и госбезопасности; фактическая власть принадлежит очень узкой группе лиц; демократические институты и процедуры выхолащиваются, формализуются и принимают в конце концов маскировочный, декларативный вид.

Как следует из этого высказывания, Джилас анализирует советское общество, находясь в рамках, как ему кажется, марксизма-ленинизма и не принимает во внимание фактов, свидетельствующих о приоритете политических отношений над экономическими, который наглядно проявился в Советском Союзе. Даже если согласиться с его точкой зрения о реальном существовании «нового класса», то невозможно не заметить, что этот класс не присваивал прибавочную стоимость (если, конечно, она вообще образовывалась в народном хозяйстве «реального социализма»), а перераспределял ее в интересах сохранения своего положения. Во время правления Сталина это осуществлялось путем не коллективных, а авторитарных решений. Вне внимания Джиласа оказалось и то, что в сталинский период верховная власть в СССР была сосредоточена не в руках какой-либо группы, а в руках одного вождя, который и принимал в конечном итоге все важнейшие решения.

¹⁵ Там же. С. 196.

¹⁶ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 204.

Рассматривая концепцию Джиласа в рамках марксистской парадигмы, нельзя не обратить внимания на один существенный пробел в ее логическом построении. К. Маркс в письме к И. Вейдемейеру, говоря о том новом, что он внес в классовую теорию, указывал, что «существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства»¹⁷. Следовательно, рассматривая «новый класс», который «не только несет в себе все черты прежних классов из истории человеческого общества, но и выделяется определенной самобытностью, новизной»¹⁸, необходимо как минимум охарактеризовать и новую фазу развития производства. Джилас в данном вопросе предпочитает всего лишь констатировать «самобытность» современного ему коммунизма: «Впитав в себя немало элементов феодализма, капитализма и даже рабовладельчества, он (современный коммунизм. — *Авт.*) вместе с тем остается самобытным, самостоятельным <...>. Видимо, точнее считать его некой особой и новой общественной системой»¹⁹. Спустя некоторое время, Джилас попытался восполнить этот логический пробел, говоря о советском обществе как о некой форме «промышленного феодализма», что было признано не слишком удачной попыткой даже таким его преданным последователем, как М. С. Восленский.

Восленский впервые в историографии употребил название «номенклатура» для руководящей части партгосаппарата. В своей работе «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», вышедшей в 1984 г. (в 1990 г. — в исправленном виде), он указывал на существующий классовый антагонизм между паразитирующим господствующим классом — номенклатурой и остальным обществом. Свои логические построения Восленский начинает с того, что, ссылаясь на известные слова из работы Ленина «Государство и революция» («Государство есть продукт

¹⁷ Письмо К. Маркса Иосифу Вейдемейеру. 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 28. С. 427.

¹⁸ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 198.

¹⁹ Там же. С. 323.

и проявление непримиримых классовых противоречий <...> Существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»²⁰), делает вывод, что, поскольку государство в советский период не только не отмирало, но и укреплялось, должен был существовать класс, в интересах которого государство и действовало. Затем в его рассуждениях возникает своеобразная «логическая петля». Раз такой класс «должен быть», следовательно, пишет Восленский, его надо обнаружить. По его мнению, правящим классом является тот класс, который обладает властью. Так как власть сосредоточена в партии и государстве, то партийно-государственные функционеры (или «номенклатура») и являются правящим классом²¹. За рамками этого построения остается не рассматриваемое автором марксистское положение о первичности правящего класса по отношению к государству.

Декларируя в начале рассуждений приверженность марксистской классово-формационной модели, Восленский, так же как и Джилас, вынужден искать ответ на вопрос о природе того общества, в котором существует найденный ими «правлящий класс», приходя при этом практически к отрицанию марксизма: «Маркс был прав, подчеркивая роль производительных сил и производственных отношений в жизни общества, но он ошибался, объявляя их основой всех ее аспектов»²². Такое допущение необходимо автору для того, чтобы обосновать свои выводы, касающиеся природы советского общества. Отрицая существование социализма как формации, он утверждает: «<...> социализм — не социально-экономическая формация, а просто *метод управления* (курсив М. С. Восленского. — Авт.):

²⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 7. Следует отметить, что, используя эту цитату, М. С. Восленский не упоминает о других словах Ленина, который, ссылаясь на Маркса, писал в той же работе: «Трудящимся нужно “государство”, “то есть организованный в господствующий класс пролетариат”» (Там же. С. 24).

²¹ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Изд. 2-е, испр. и доп.- Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1990. С. 36–37.

²² Там же. С. 625.

господствующий класс управляет всей жизнью общества через государство»²³, Объясняя приоритет властных отношений над экономическими в советском обществе, он приходит к выводу, что «<...> номенклатура гонится прежде всего за властью, а не за экономической прибылью и <...> [это] показывает: номенклатура — не капиталистический, а некий другой класс, основанный на власти, а не на собственности, и соответственно действующий методом внеэкономического принуждения»²⁴.

Суммируя эти положения, Восленский приходит к весьма далекому от классического марксизма выводу: «Диктатура номенклатуры — это по социальной сущности феодальная реакция, а по методу — “азиатский способ производства”. Если идентифицировать этот метод как социализм, то диктатура номенклатуры — феодальный социализм. Еще точнее, это — государственно-монополистический феодализм. Но реальный социализм — не высшая ступень феодализма, а наоборот — реакция феодальных структур общества перед лицом смертельной для них угрозы капиталистического развития»²⁵.

Определяющими чертами такого общества, по мнению Восленского, являются следующие признаки:

<...> возникновение в обществе нового господствующего класса — номенклатуры, т. е. политбюрократии, обладающей монополией власти во всех сферах общественной жизни <...>.

Внешним признаком возникновения номенклатуры служит создание партии нового типа; сердцевина номенклатуры выступает в форме политического аппарата этой партии.

<...> Государство становится главным аппаратом классовой диктатуры номенклатуры. Все решения государства лишь повторяют ее решения и указания. <...> Это диктатура номенклатуры»²⁶.

²³ Там же. С. 615.

²⁴ *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. С. 611.

²⁵ Там же. С. 636.

²⁶ Там же. С. 641.

Работы Джиласа оказали существенное влияние и на других зарубежных исследователей. Леонард Шапиро, например, в своей работе «Коммунистическая партия Советского Союза» при всей ограниченности в доступе к информации (работа была впервые издана в 1959 г.) указал на существование конфликта между партийными и государственными структурами в СССР²⁷.

Некоторые сторонники теории «нового класса», вслед за Восленским, идут гораздо дальше Джиласа. Например, Б. Н. Кочерга утверждает, что партийно-государственный аппарат (или «бюрократический класс», по его определению) обладал собственностью на все средства производства в стране. Он пытается доказать (также вслед за Восленским), что при этом существовали все признаки права собственности (пользование, распоряжение, владение и даже право наследования)²⁸. С рассуждениями такого рода трудно согласиться. В рамках марксистской политэкономии можно говорить о «классе собственников». Бессмысленно, однако, рассуждать о «собственности класса», такой формы коллективной собственности никогда и нигде не существовало.

Наличие фантастической «коллективной собственности номенклатуры» делает необъяснимым такое весьма распространенное в СССР явление, как коррупция. Реальный собственник просто не может воровать сам у себя.

В последнее время в исследованиях социальной структуры советского общества распространение получил и другой подход — «теория элит», родоначальниками которой традиционно считаются Гаэтано Моска, Вильфредо Парето и Роберт Михельс, Чарльз Райт Миллс и ряд других исследователей. Основной тезис теории состоит в утверждении, что в обществе властные полномочия осуществляются небольшой (относительно

²⁷ *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон: ORI Ltd, 1990. С. 820–821.

²⁸ *Кочерга Б. Н.* Советская бюрократия: путь к власти (исторический очерк) // Вестник высшей школы. 1990. № 12. С. 56–65, см. также: Феномен бюрократии и социальная структура советского общества // Социально-политические науки. 1990. № 5. С. 50.

численности всего населения) группой — правящим классом, который управляет остальным населением благодаря своей внутренней организованности²⁹.

Вопрос о том, взаимоисключают или дополняют друг друга классовая и элитарная теории, до сих пор является предметом дискуссии.

По мнению одного из ведущих исследователей региональных элит советского периода — пермского ученого В. П. Мохова, «элитизм как методология анализа основывается на признании, во-первых, неравенства людей и неизбежности социальной и политической дифференциации общества; во-вторых, неизбежности выделения в дифференцированном обществе социальных групп или лиц, осуществляющих власть; в-третьих, неизбежности отстранения большинства людей от процессов осуществления власти (или ограничения их участия во власти)»³⁰.

Чаще всего элитизм противопоставляется концепциям общественного развития, традиционно считающимся эгалитарными, — в частности марксизму. Однако один из ведущих теоретиков элитизма в России — Г. К. Ашин — придерживается

²⁹ Это утверждение иллюстрирует выход в свет библиографического справочника, посвященного этому направлению: Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / Отв. ред. А. В. Дука. СПб: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2001. См. также: Бадковский Д. В. Советская политическая элита: От «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной системе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 1995. № 1. С. 22–36; Гельман В. Я., Тарусина И. Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Политическая наука. 2003. № 1. С. 53–78; Золотов В. А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006; Ланцов С. А., Ланцова Л. А. Политические процессы в России XX века в свете теории элиты // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М. А. Василики, Л. В. Сморгунова. СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 66–82.

³⁰ Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. С. 19–20.

противоположной точки зрения. Он и его коллеги считают, что «элита выступает представителем господствующего класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса — как глубокие, так и непосредственные — субординирует их; она “формирует” волю класса и непосредственно руководит ее претворением в жизнь»³¹. По мнению этих авторов, понятие «элита» вполне применимо к некоторым группам советского общества.

О. В. Крыштановская говорит о двух подходах к анализу общественных отношений. Она утверждает, что в марксистской парадигме во главу угла ставятся экономические отношения, а в «теории элит» — политические. Она считает, что марксистский анализ вполне применим к западным обществам времен развития капитализма. Советское общество вслед за М. С. Волсенским она относит к «политическим», описанным Карлом Витгофелем в его известной работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти».

Другой дискуссионной проблемой современной элитологии является вопрос о рамках применимости элитаристской модели. Согласно одной из точек зрения, «существование элит связано с буржуазным индустриальным обществом, <...> они являются продуктом общественных отношений именно этого общества», при этом для институционализации элит важны три характеристики социума: «открытость общества, открытость власти и открытость политики»³². Этот подход подразумевает, что элиты как институт пришли на смену феодальной аристократии. Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, считают, что существование элит характерно для любого структурированного общества. Для сторонников этой концепции характерно стремление распространить единый подход к рассмотрению взаимоотношений в системе «верховная власть — правящий

³¹ Ашин Г. К., Пониделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М. Основы политической элитологии. М.: 1999. С. 276–277.

³² Дука А. В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002. С. 55.

слой — общество» на значительные по временной протяженности периоды российской истории. В результате появляются весьма спорные суждения. С. В. Китаев, например, полагает, что «следует согласиться с тезисом об исторической обусловленности номенклатурной модели формирования верховной власти в России на протяжении всей ее исторической, социально-экономической и политической эволюции»³³. Иногда подобные намерения приводят к весьма экстравагантным выводам. О. В. Гаман-Голутвина, например, считает схожим положение номенклатурных кадров в 1930–1950-е гг. с положением крепостных крестьян дореволюционной России: «Положение партхозноменклатуры мало чем отличалось от положения крепостных. Номенклатурная колода “тасовалась” по усмотрению верховной власти почти так же, как некогда продавались помещиком его крестьяне <...>»³⁴.

Дискуссионным является также вопрос о границах применимости элитаристской модели в исследовании советского общества в конкретные исторические периоды. Большинство авторов соглашались с тем, что в СССР главную роль играла политическая элита. Вместе с тем среди приверженцев элитаристской теории существуют значительные расхождения в вопросе о том, где должны быть проведены границы, определяющие это понятие (хронологически, институционально и территориально). Важность разработки этой проблемы подчеркивает В. П. Мохов, по мнению которого, «дискуссионность понятия (политическая элита. — *Авт.*) определяется не только слабой теоретической разработанностью понятийного аппарата проблемы, но и важностью, ключевой ролью его для осмысления всей советской действительности. Можно <...> без преувеличения сказать, что

³³ *Китаев С. В.* Основные предпосылки возникновения и становления номенклатуры в России // Номенклатура и общество в России и Украине. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. С. 30.

³⁴ *Гаман-Голутвина О. В.* Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль–май 2002 г. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002. С. 80.

содержательным наполнением термина “политическая элита” будет во многом предопределен результат теоретического и социологического анализа не только советских элит, но и всего советского общества»³⁵.

Рассмотрим определение политической элиты в современной российской элитологии. Г.К. Ашин считает, что «политическая элита — высокоинтегрированная (хотя и существующая в условиях жесткой внутренней конкуренции социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества) группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения. Эта группа, как правило, сплоченная, связанная взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает ей привилегированное положение в обществе»³⁶. Он же считает еще одной характеристикой этой группы то, что «групповые интересы элиты приоритетны в системе ценностных ориентаций ее членов»³⁷. Сходные определения приводят и другие авторы³⁸.

Итак, основными признаками так называемой «властной группы», как с точки зрения теории «нового класса», так и с точки зрения теории элит, являются:

³⁵ *Мохов В.П.* Элиты как руководящая и направляющая сила индустриального общества // Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль–май 2002 г. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002. С. 131.

³⁶ *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 254–255.

³⁷ Там же. С. 431.

³⁸ См., напр., определение О.В. Гаман, которая считает, что политическая элита — это «<...> понятие о внутренне сплоченной, составляющей меньшинство общества категории лиц, являющихся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающих необходимым для этого ресурсным потенциалом» (*Гаман О.* Политические элиты России в историческом процессе. Закономерности формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996. № 3/4. С. 72).

- интегрированность, сплоченность, связанность взаимными интересами;
- наличие общих для всех членов группы интересов, приоритетных по отношению к индивидуальным интересам каждого отдельного участника группы;
- способность группы как единого целого принимать стратегические решения, реализовывать их, определяя тем самым государственную политику.

Рассмотрим, насколько партийно-государственный аппарат СССР соответствовал этим критериям. Следует отметить, что одним из главных недостатков обеих моделей является попытка их применения ко всему советскому времени, без учета конкретно-исторических особенностей отдельных периодов.

Немаловажными являются вопрос о степени интегрированности властной группы и тесно связанный с ним вопрос о ведущей роли партийного аппарата внутри так называемого «правлящего слоя» в период «позднего сталинизма». Многие исследователи обращают внимание на то, что за время господства чрезвычайных методов управления военного периода партийный аппарат оказался перед угрозой «сращивания» с государственными и хозяйственными органами. М. Левин в своей известной статье «Номенклатура — *Arganum imperii*: Технологии управления против социологии управления» утверждает, что за годы войны партийный аппарат фактически превратился в придаток аппарата хозяйственного и даже «существовала возможность поглощения партии хозяйственниками»³⁹.

Исследователи, занимающиеся конкретными аспектами функционирования советской системы, обращали внимание на то, что ее отдельные крупные сегменты далеко не всегда находились под повседневным контролем партийных органов. И. В. Быстрова, рассматривая послевоенный период в монографии, посвященной военно-промышленному комплексу (ВПК) СССР, отмечает, что «особое положение “чрезвычайных”

³⁹ Левин М. Номенклатура — *Arganum imperii*: Технологии управления против социологии управления // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 77.

комитетов⁴⁰ при Совмине делало их малодоступными для партийных работников»⁴¹. Аналогичное мнение высказывается и по поводу органов безопасности. Отмечая эти тенденции, О. Г. Мясников делает вывод: «Во времена вождя, казалось бы, сформировались все атрибуты элиты, начиная с привилегий и кончая огромной властью отдельного руководителя. Тем не менее отсутствовали признаки целостности, сплоченности, единства, солидарности, высокой степени консолидации»⁴².

Внутри партийно-государственного аппарата существовали, таким образом, различные группы. Каждая из них, наряду с общими интересами сохранения, упрочения и продолжения экспансии режима, имела и свои собственные, «ведомственные» интересы. Эти интересы часто входили в противоречие друг с другом. В конфликтных ситуациях арбитром выступала верховная власть, прежде всего Сталин и его ближайшее окружение.

Следующий вопрос, требующий анализа, — проблема соотношения властных полномочий высшего руководства страны и «властной группы». По мнению сторонников теории существования «правлящей группы», Сталин, являясь ее создателем и лидером, сам был вынужден действовать исключительно в ее интересах. Как утверждает М. Джилас, «Сталин саркастически отшучивался, когда его называли диктатором. <...> он понимал, что отход от идейных основ партии, от монополии нового класса на всё и вся или от тоталитарного владычества олигархии привел бы его к неминуемому падению <...>. Без них или против них он ничего не мог»⁴³. С этим утверждением полностью

⁴⁰ Имеются в виду спецкомитеты № 1, 2 и 3 при СМ СССР, управлявшие работами по атомной проблеме, реактивному вооружению и радиолокации.

⁴¹ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 462.

⁴² Мясников О. Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Политические исследования. 1993. № 1. С. 53.

⁴³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 241.

соглашается и М. Восленский: «Сталинские назначенцы были людьми Сталина. Но и он был их человеком. <...> конечно, он мог любого из них в отдельности выгнать и ликвидировать, но пойти против слоя номенклатуры в целом Сталин никак не мог. <...> Сталин старательно заботился об интересах своих назначенцев, об укреплении их власти, авторитета, привилегий, и знал, что они неуклонно выполняют его волю, пока он выполняет их волю»⁴⁴. Нельзя, конечно, не согласиться с утверждением о том, что Сталин не мог пойти против слоя номенклатуры в целом — такой «поход» был бы походом прежде всего против созданной самим верховным руководителем мобилизационной модели общественного устройства и, в конечном итоге, против его собственной авторитарной власти. Вопрос, однако, состоит в том, кто в чьих интересах действовал, в том, кто вырабатывал стратегию. Без аппарата, послушно выполняющего его волю, вождь был бессилен, но и аппарат в условиях полной разобщенности отдельных звеньев не смог бы объединиться и навязать свою волю вождю, по крайней мере до тех пор, пока руководители его отдельных частей, входившие в ближайшее окружение Сталина, не договорились бы за его спиной.

Все важнейшие политические решения, все значимые кадровые назначения осуществлялись исключительно под контролем верховного руководителя.

Нельзя не отметить, что именно первые послевоенные годы стали временем своеобразного вызревания общих интересов среди руководителей партийно-государственного аппарата. Несмотря на чуткий контроль верховной власти, продемонстрированный в частности в ходе так называемого «ленинградского дела», процессы консолидации, образования «правлящего слоя» продолжали исподволь развиваться. Именно это развитие дало возможность властной группе после смерти вождя успешно сопротивляться попыткам установления жесткого, авторитарного режима, что было продемонстрировано и летом 1953 (при отстранении

⁴⁴ *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. С. 97–98.

от власти Л. П. Берии) и в 1957 (в ходе пленума ЦК КПСС, осудившего «антипартийную группу» Молотова–Кагановича–Маленкова) и осенью 1964 г. (при снятии Н. С. Хрущева). Характерным является то, что во главе процесса консолидации «правлящего слоя» оказался именно партийный аппарат — управляющая группа наиболее крупной, идеологически легитимизированной, имеющей опыт регионального руководства и наиболее тесно связанной с широкими массами властной структуры в стране.

Обобщая сказанное, следует отметить, что ни теория «нового класса», ни теория элит в применении к описываемому периоду не могут объяснить конкретные исторические факты и дать адекватное описание происходивших тогда событий.

В силу этого возникает естественный вопрос об общем понятии, описывающем объект исследования, в частности партийный аппарат. Большинство историков и социологов склонны употреблять термин «номенклатура», иногда сопровождая его прилагательными: «партийная», «советская», «хозяйственная», «военная» и т. п. Например, А. В. Дука считает, что понятие элиты применимо только к буржуазному индустриальному обществу, так как формирование этого общественного института обусловлено во многом открытостью власти, политики и общественных процессов. Применительно к советскому обществу необходимо говорить о номенклатуре, которая является такой же формой организации управляющих структур, как элита или аристократия⁴⁵.

В своей известной статье, вышедшей в 1993 г., Т. П. Коржихина и Ю. Ю. Фигатнер сформулировали принципиальное отличие советской номенклатуры от элиты: «...номенклатура отличается от элиты тем, что последняя является носителем социального генофонда ценностей данного института, тогда как номенклатура — профессиональная управленческая группа»⁴⁶.

⁴⁵ Дука А. В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 1. С. 64–82.

⁴⁶ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм и действие // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 38.

Отметим, что официальным определением номенклатуры являлось следующее: «Номенклатура — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются <...> партийным комитетом»⁴⁷. Однако еще в 1970–1980-е гг. в официальной партийной литературе появлялись высказывания, трактующие понятие номенклатуры несколько шире⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что номенклатура различалась и ведомственно (помимо партийной, существовала, например, номенклатура министерств) и иерархически (в партии существовали, например, номенклатуры ЦК, обкомов, горкомов, райкомов и др.). С учетом этих замечаний обобщенный термин «номенклатура» представляется слишком расплывчатым для употребления.

Мнение о том, что номенклатурная организация управления присуща не только советскому обществу, достаточно распространено среди исследователей. Например, В.П. Пашин и Ю.П. Свириденко считают, что «номенклатура в самом широком ее понимании явление всеобщее и ординарное, присущее любому организованному государственному устройству»⁴⁹. Нам представляется, что номенклатурный способ классификации должностей и назначения на них присущ не только государству, а вообще любой многоуровневой структуре с вертикальными управленческими связями — например крупной корпорации.

В.П. Мохов дает следующее определение: «Номенклатура — это способ структуризации общества, с помощью которого

⁴⁷ Партийное строительство: Учебное пособие. Изд. 6-е. М.: Политиздат, 1981. С. 300.

⁴⁸ Например, под номенклатурой понималась система учета и распределения ответственных работников (Вопросы работы КПСС с кадрами на современном этапе. М.: Политиздат, 1976. С. 173) или форма организации кадровой работы (Яцков В.А. Организация работы с номенклатурой партийных комитетов // Проблемы партийного и государственного строительства. Вып. 2. М., 1982. С. 133).

⁴⁹ Свириденко Ю.П., Пашин В.П. «Кадры решают все?!...» // Россия: идеи и люди: Сборник научных трудов. Вып. 1. М., 1994. С. 1.

достигается его максимальная управляемость во имя достижения заданных стратегических целей»⁵⁰. На наш взгляд, это определение чрезмерно расширяет применение понятия. Речь должна идти скорее не о структуризации общества, а о попытках установления полного контроля над аппаратом власти во всех сферах его деятельности в условиях отсутствия действенного общественного контроля.

А. Н. Медушевский вводит новый термин для определения номенклатурного аппарата — авторитократия, справедливо подчеркивая тем самым его наиболее характерную черту — связь с системой неограниченной личной власти вождя⁵¹. Этот автор считает, что феномен номенклатурной организации власти в СССР следует связывать не с возникновением нового класса, а с «ретрадиционализацией — временной реконструкцией традиционного социального слоя в условиях слишком стремительного перехода от традиционного аграрного общества к современному массовому обществу. В советских условиях динамика этого процесса определялась также исключительно большой ролью централизаторски-интеграционных функций политической власти»⁵².

Украинский исследователь М. С. Дорошко пишет, что сам термин «элита» следует употреблять только в социологии и политологии. В истории, по его мнению, необходимо использовать «самоназвания», т. е. те определения, которые употреблялись в исследуемый период. Исходя из этого, он предлагает употреблять термин «номенклатура»⁵³.

Полностью соглашаясь с Дорошко в вопросе о предпочтительности использования самоназваний, мы считаем необходимым отметить, что наиболее адекватным термином является

⁵⁰ Мохов В. П. Региональная политическая элита России. С. 38.

⁵¹ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. С. 531.

⁵² Там же. С. 532.

⁵³ Дорошко М. С. Еліта чи номенклатура? // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XX. Запоріжжя, 2006. С. 452.

слово «аппарат» с употреблением соответствующих определений («партийный аппарат», «советский аппарат», «хозяйственный аппарат», «аппарат органов госбезопасности» и т. п.).

Этот термин являлся более распространенным самоназванием в интересующий нас период. Кроме этого, значение слова подчеркивает объективно подчиненную, исполнительскую роль этой структуры по отношению к верховной власти в системе управленческой иерархии.

1.2. Послевоенный сталинизм: характерные черты периода

В советской историографии период 1945–1953 гг. рассматривался как этап возрождения народного хозяйства страны, разрушенного войной. Исследователи обращались в основном к таким темам, как восстановление и развитие экономики, роль Коммунистической партии и рабочего класса в процессе восстановления, международная обстановка, начало «холодной войны». Внутриполитические процессы трактовались в соответствии с официальными установками.

В современной историографии времени правления И. В. Сталина посвящено множество работ. Следует отметить, однако, ярко выраженную неравномерность их распределения по хронологическим периодам и проблематике исследований. В историографической монографии Дж. Кипа и А. Литвина послевоенной истории уделено значительно меньше внимания, чем 1930-м — началу 1940-х гг. Кроме того, она рассматривается не комплексно, а в рамках отдельных направлений («происхождение “холодной войны”», «ГУЛАГ и послевоенный террор» и т. п.)⁵⁴.

Несмотря на то что периоду «позднего сталинизма» уделяется большое внимание практически во всех российских и зарубежных курсах советской истории, до сих пор еще не появилось

⁵⁴ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2009.

фундаментальных трудов, рассматривающих события и явления этого времени комплексно и во взаимосвязи друг с другом.

Наиболее обобщающий характер носят работы А. А. Данилова и А. В. Пыжикова⁵⁵, О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого⁵⁶. В них предприняты успешные попытки комплексного анализа основных тем исследуемого периода, однако, как отмечают некоторые историографы, «это несет отпечаток эскизности»⁵⁷.

В многотомной работе Дж. Боффы⁵⁸ данному времени посвящена одна книга из семи, при этом основное внимание уделяется внешнеполитическим аспектам.

В книге Дж. Хоскинга⁵⁹ послевоенный период рассматривается в основном с точки зрения положения русских как нации в Советском Союзе, что является, безусловно, интересным, но никак не обобщающим подходом к рассмотрению исторических проблем.

Н. Верт старался концептуально проанализировать период «послевоенного сталинизма». Он считает, что в послевоенном советском руководстве рассматривались различные подходы к вопросам развития страны. Один из них предполагал обострение противоречий между ведущими капиталистическими странами, что дало бы возможность СССР на время притормозить ускоренное развитие тяжелой промышленности и оборонных отраслей, за счет чего появилась бы возможность развиваться предприятиям группы «Б». Сторонники другого

⁵⁵ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

⁵⁶ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина; РОСС-ПЭН, 2011.

⁵⁷ Кузнецов И. С. Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения. Статья 1 // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 105.

⁵⁸ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. Изд. 2-е / Пер с итал. М.: Междунар. отношения, 1994.

⁵⁹ Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: НЛЮ, 2012.

подхода отрицали неминуемость кризиса капитализма и считали, что «способность капитализма справляться со своими внутренними противоречиями делала международную обстановку очень тревожной»⁶⁰, что в свою очередь заставляло рассматривать ускоренное развитие военно-промышленной базы как абсолютный приоритет для страны. В итоге, по мнению исследователя, победила точка зрения второй группы, а страна вернулась к предвоенной политике. Несмотря на недостаточную доказанность этой теории, комплексный подход к объяснению различных исторических событий, примененный в этой работе и рассматривающий взаимосвязь политических, экономических и международных факторов, заслуживает пристального внимания.

В большинстве российских учебных пособий для вузов период «послевоенного сталинизма» до сих пор описывается как набор различных экономических мер, репрессивных кампаний и внешнеполитических акций, которые если и связаны между собой, то только участием в них стареющего вождя. Создается впечатление, что многие авторы до сих пор находятся под влиянием Н.С. Хрущева, который объяснял не нравившиеся ему действия Сталина тем, что тот «выжил из ума», а нравившиеся — тем, что у вождя «были моменты просветления»⁶¹.

Более фундаментальные исследования посвящены не периоду в целом, а анализу отдельных черт сталинского послевоенного режима: экономики⁶², формирования и развития

⁶⁰ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. Изд. 2-е / Пер. с фр. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 1998. С. 331.

⁶¹ Н.С. Хрущев: «У Сталина были моменты просветления»: Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 89.

⁶² Попов В.П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). 2-е изд., испр. М.: Изд-во РАГС, 2002; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011.

военно-промышленного комплекса⁶³, системы принудительного труда, положения военнопленных и спецпереселенцев⁶⁴, роста русского национализма⁶⁵, антисемитских кампаний⁶⁶, истории повседневности⁶⁷.

⁶³ *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: Институт российской истории РАН, 2006; История советского атомного проекта: Документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. и сост. В. П. Визгин. М.: Янус-К, 1998; Научное сообщество физиков СССР. 1950–1960-е годы: документы, воспоминания, исследования / Сост. и ред. В. В. Визгин, А. В. Кессених. СПб: Изд-во РХГА, 2005; *Холлоуэй Д.* Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 / Пер. с англ. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1997; *Шокин А. А.* Министр невероятной промышленности СССР: Страницы биографии. М.: Электроника, 1999; *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди: воспоминания. 3-е изд. М.: Машиностроение.

⁶⁴ *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа: 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспект. М.: Наука, 2006; *Хлевнюк О. В.* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: Фонд Б. Н. Ельцина; РОССПЭН. 2008. С. 88; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М.: Наука, 2003; *Кузьминых А. Л.* Труд военнопленных в развитии экономики СССР: 1939–1956 // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 131–141; *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР: 1939–1956 гг. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2001; *Суслов А. Б.* Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х гг.: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134.

⁶⁵ *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) = *Brandenberger D.* National bolshevism. Stalinist Mass Culture and the formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956 / Пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб: Академический проект; ДНК, 2009.

⁶⁶ *Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Н. Ельцина, 2010.

⁶⁷ *Зубкова Е. Ю.* 1) Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 г. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 90–100; 2) Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; 3) Преодоление войны — преодоление победы: советская повседневность и стратегии выживания (1945–1953) //

Все авторы сходятся в том, что первые послевоенные годы были периодом новых вызовов для СССР, возникших в связи с ролью, которую он стал играть в мире, а также временем надежд большинства населения на лучшую жизнь как плату за героизм и страдания в годы войны.

Значительное количество работ, изданных с середины 1990-х гг. по настоящее время, рассказывают о международных аспектах политики СССР указанного периода. Необходимо отметить работы, посвященные как общим проблемам («холодной войне» и причинам ее возникновения, созданию блоковой системы), так и отдельным, хотя и не менее важным вопросам (советско-американским отношениям, германскому вопросу, отношениям с западными компартиями, влиянию СССР на политические процессы в странах Восточной и Центральной Европы, созданию Коминформа, «югославскому кризису», советско-китайским отношениям, войне в Корее)⁶⁸.

Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1945) / Под общ. ред. и с предисл. Б. Физелер, Н. Муан. М.: РОССПЭН; ГИИМ, 2010.

⁶⁸ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956 гг. М.: Россия молодая, 1994; Волокитина Т.В. и др. Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. Изд. 2-е. М.: РОССПЭН, 2008; Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М.: Политиздат, 1991; Зубок В.М., Печатнов В.О. Историография «холодной войны» в России: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4. С. 143–150; Печатнов В.О. От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО, 2006; Петров Н.В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы, 1945–1953 гг. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина; РОССПЭН, 2011; Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999; Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2000; Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991; «Холодная война». Новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995; Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Чубарьян А.О. 1) Новая история холодной войны // Новая и новейшая

А. А. Фурсенко в монографии, первая глава которой описывает последний период жизни Сталина⁶⁹, предпринял попытку связать воедино внутри- и внешнеполитическую линию в политике СССР начала 1950-х гг. Аналогичный подход предпринят и в монографии В. М. Зубока⁷⁰. Принимая во внимание, что большинство исследователей рассматривают международную политику Советского Союза в отрыве от внутренней, такой взгляд представляется чрезвычайно перспективным.

Не вызывает сомнений необходимость комплексного исследования причины изменений в стратегической политике советского руководства, прослеживания взаимосвязи между внутренней и внешней политикой СССР в исследуемый период.

Большинство исторических исследований периода «послевоенного сталинизма» сконцентрировано в области политической истории и истории властных структур страны. Это вполне оправданно, поскольку утверждения об огромной роли государства в развитии страны и о подчиненности экономических задач политическим целям практически не вызывают споров в настоящее время⁷¹.

Повышенное внимание исследователей привлекают также процессы, происходившие в высшем руководстве страны, в партии. В силу политической ситуации в СССР первоначально этим вопросом занимались зарубежные исследователи. Р. Конквест в начале 1960-х гг. выдвинул версию о борьбе в руководстве двух группировок (А. А. Жданова и Л. П. Берии — Г. М. Маленкова)⁷². Дж. Хоскинг, напротив, писал о сплоченности

история. 1997. № 6; 2) Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3; *Уткин А. И.* Мировая «холодная война». М.: Эксмо; Алгоритм, 2005.

⁶⁹ *Фурсенко А. А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М.: Наука, 2006.

⁷⁰ *Зубок В. М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011.

⁷¹ Как вспоминает М. Джилас, сам Сталин подчеркивал первичную роль политики и идеологии по отношению к экономической структуре общества (См.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 138, 150–151).

⁷² *Conquest R.* Power and Policy in the USSR: the struggle for Stalin's succession, 1945–1960. N. Y.: Harper & Row, 1967.

руководства⁷³. Свою версию истории партии опубликовали В. Шарндорф⁷⁴ и Л. Шапиро⁷⁵. Расстановкой сил в высших эшелонах власти занимались А. Авторханов и Б. И. Николаевский⁷⁶, склонявшиеся к мысли о том, что Сталин не умер естественной смертью, а был убит кем-то из ближайших соратников.

С начала 1990-х гг. появилось немало работ, основанных на ставших доступными архивных источниках⁷⁷.

Наиболее обобщающей монографией по политической истории послевоенного периода является на сегодняшний день книга Р. Г. Пихоя⁷⁸, вышедшая уже в нескольких изданиях, которая посвящена эволюции органов власти в СССР за 40 лет, прошедших со времени окончания Великой Отечественной войны. Единственным ее недостатком можно назвать то, что многие темы представлены в ней недостаточно полно.

⁷³ *Hosking G.* A History of the Soviet Union. London, 1985.

⁷⁴ *Scharndorf W.* Die Geschichte der KPdSU. München, 1961.

⁷⁵ *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза.

⁷⁶ *Авторханов А. Г.* Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). Изд. 5-е. Frankfurt a. M.: Посев, 1986; *Николаевский Б. И.* К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории / Ред. и сост. Ю. Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995; О мнении Б. И. Николаевского по поводу смерти Сталина см. там же: С. 7.

⁷⁷ *Аксенов Ю. С.* 1) Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 109–121; 2) Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–104; *Жуков Ю. Н.* 1) Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1; 2) Сталин: тайны власти. М.: ВАГРИУС, 2008; *Зеленов М. В.* Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1 С. 97–116; *Зубкова Е. Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС (1945–1956) // Свободная мысль. 1999. № 3–5; *Кузнецов И. С.* Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения. Статья 2 // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 55–63; *Пыжиков А. В.* Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль. XXI. 2001. № 3. С. 89–104.

⁷⁸ *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: Русь-Олимп; Астрель АСТ, 2007.

Окончание Второй мировой войны положило начало следующему периоду в истории СССР. Колоссальные материальные и человеческие потери, усиление влияния Советского Союза на мировой арене, ставшего одной из глобальных держав, надежды на «новую жизнь», возникшие в советском обществе к концу войны, — эти и другие факторы придавали исследуемому времени особую значимость.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сущность властного режима в стране оставалась прежней.

Большинство исследователей небезосновательно рассматривают меры, предпринятые в этот период руководством страны, как ответы на вызовы, продиктованные внешнеполитической обстановкой и состоянием советского общества.

На наш взгляд, необходимо проанализировать, в какой степени соотносились в политике Сталина тактические и стратегические вопросы, или, иначе говоря, в какой степени политика была ответом на сиюминутные вызовы, а в какой — проведением в жизнь линии, намеченной еще до войны.

Многие концептуальные политические кампании, традиционно связываемые с «поздним сталинизмом», готовились советским руководством в довоенный период. Приведем несколько примеров.

Как уже говорилось, стремление партийных организаций контролировать государственные структуры было четко обозначено еще на XVIII съезде ВКП(б). Однако в условиях Великой Отечественной войны сторонникам партийной гегемонии пришлось временно отказаться от своих амбиций. Необходимость оперативного принятия хозяйственных решений стала причиной снижения влияния партаппарата. Как отмечает М. Левин, «в годы войны ее (партии. — *Авт.*) трансформация в министерский придаток ускорила, что сопровождалось значительной утратой власти»⁷⁹. После чрезвычайных обстоятельств военного времени руководство страны стало возвращаться к ним.

⁷⁹ Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008. С. 239.

В качестве примера можно также привести кампанию по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», широко развернутую после войны. Ее истоки, однако, находились в довоенном прошлом. Летом 1936 г. в центральном партийном органе была развернута кампания, направленная против ученых, публиковавших свои работы в иностранных научных изданиях⁸⁰. Сам термин «низкопоклонство» в качестве политического обвинения был впервые громогласно использован в статье газеты «Правда», направленной против математика Н. Н. Лузина⁸¹. К довоенному периоду относятся и высказывания Сталина о преимуществах любого советского человека перед представителями буржуазного Запада, пусть даже внешне более культурными.

Некоторые источники дают основание полагать, что усиление антисемитской политики обдумывалось и вынашивалось Сталиным еще перед войной. Во всяком случае, в дневниках Георгия Димитрова содержится запись, датированная 12 мая 1941 г., о высказывании Сталина о «безродном космополитизме», который «готовит почву для вербовки шпионов, агентов врага»⁸².

С учетом этих фактов можно рассматривать послевоенную политику Сталина как продолжение довоенной стратегической линии в новых условиях. С этой точки зрения военный период был своеобразным «отступлением» от генеральной линии развития, обусловленным необходимостью мобилизации всех сил общества и государства для сохранения страны. Учет новых послевоенных реалий, в частности необходимости, с точки зрения руководства, «подморозить» общество, полное надежд на более свободную послевоенную жизнь, породило во внутренней

⁸⁰ О традициях раблепия // Правда. 1936. 9 июля. С. 3; О врагах в советской маске // Правда. 1936. 10 июля. С. 3; Пора порвать с традициями раблепия // Правда. 1936. 13 июля. С. 3.

⁸¹ Враг, с которого сорвана маска // Правда. 1936. 14 июля. С. 3.

⁸² Чернявский Г. И. Дневники Г. М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 55.

политике своеобразный симбиоз старых концепций и ответов на новые вызовы.

В связи с этим следует обратить внимание на вопрос о существовании нескольких путей развития страны в послевоенный период и борьбе властных групп в руководстве, отстаивающих тот или иной вариант.

О. В. Хлевнюк обоснованно указывает на то, что «<...> архивы <...> не подтверждают версию о наличии в Политбюро «фракций»»⁸³. Однако отсутствие «фракций» не исключает наличия собственных взглядов у отдельных руководителей. Существование различных групп в окружении Сталина отнюдь не означает пересмотр тезиса о единовластном характере режима и абсолютной подчиненности руководящего аппарата воле верховного руководителя. По всей вероятности, сам Сталин склонялся к тому или иному варианту в разные периоды, принимая решения в зависимости от внутривластной и международной обстановки. Косвенно с этим соглашается и сам Хлевнюк, указывая: «Соратники Сталина, утратив политическую самостоятельность, обладали определенной ведомственной автономностью при решении оперативных вопросов»⁸⁴.

Ю. Н. Жуков, напротив, считает, что в последние годы жизни Сталин был фактически отстранен от власти группировкой Л. П. Берии — Г. М. Маленкова. Одно из доказательств этого он видит в том, что большинство важнейших вопросов решалось членами упомянутой группы даже без обсуждения с верховным руководителем⁸⁵. С этим аргументом трудно согласиться. Достаточно ознакомиться с материалами опубликованных в настоящее время «особых папок» некоторых руководителей государства (Берии, Молотова, Маленкова), чтобы увидеть, что подавляющее большинство вопросов касалось таких второстепенных проблем, по которым решение Сталина просто

⁸³ Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 446.

⁸⁴ Там же. С. 462.

⁸⁵ Жуков Ю. Н. Сталин. Тайны власти. С. 544–551.

не требовалось. Это было закономерным следствием сверхцентрализации власти, при которой нижестоящие руководители были практически лишены самостоятельности и старались по малейшему поводу получить санкцию начальников.

Более взвешенную и продуманную позицию по этому вопросу занимает В. А. Шестаков. Он считает, что «Сталин явно не желал допускать рост людей из своего окружения, в противном случае они становились опасными для него. <...> Сталин, несмотря на сосредоточение у него огромной власти, зависел от тех условий, в которых он действовал <...> вождь был заложником той системы, которую сам создал. Глава государства должен был считаться с расстановкой сил в руководстве собственной страны и на международной арене, а также учитывать мнение товарищей по Политбюро, и действия соперников на Западе»⁸⁶.

Существование разных подходов к вопросам развития страны и к способам перехода от социализма к коммунизму подтверждают и проекты программных документов: генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг., новых программы и устава партии. Все эти проекты разрабатывались отнюдь не вопреки воле вождя, а по согласованию или даже по прямому поручению Сталина⁸⁷. От его одобрения зависело принятие или отклонение соответствующих документов, его решение определяло срок проведения партийного съезда или конференции, для которых эти документы готовились. Как показывают

⁸⁶ Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. — М.: Наука, 2006. С. 55.

⁸⁷ Например, в письме на имя Сталина по поводу подготовки устава ВКП(б), подписанном А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым и М. С. Сусловым, говорится: «Просим Вас разрешить создать такую комиссию (по подготовке текста нового устава ВКП(б). — *Авт.*) и выносим на Ваше рассмотрение проект соответствующего постановления ЦК» (РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Подготовленное постановление ЦК «О нормах представительства и порядке выборов на XIX Всесоюзную конференцию ВКП(б)» (начало марта 1948 г.) также было передано на рассмотрение Сталину (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 476. Л. 159).

свидетельства очевидцев, даже смена названия партии готовилась самим верховным руководителем и при этом заранее. В дневнике С. И. Вавилова рассказывается о беседе, состоявшейся 15 июля 1949 г., в ходе которой Сталин рассказал о своей идее «переименовать партию в Коммунистическую Советскую партию»⁸⁸.

Немаловажной проблемой для исследования «послевоенного сталинизма» является деление исследуемого промежутка времени на периоды. К сожалению, данный вопрос пока не нашел своего окончательного разрешения.

Переломным моментом в послевоенной эволюции Советского Союза были 1948–1949 гг. Именно тогда одновременно произошли события, существенно повлиявшие на дальнейшее развитие не только нашей страны, но и всего мирового сообщества. Формирование двух военно-политических блоков, начало ядерного соперничества и реализации «плана Маршалла», нарастание напряженности между Востоком и Западом, приведшее к Берлинскому кризису 1948 г., победа коммунистических сил в Китае и укрепление связей СССР с КНР привели к возникновению биполярной структуры, определявшей развитие мировой цивилизации в течение последующих 50 лет.

В отношениях СССР со странами-союзниками Восточной Европы также произошли качественные изменения: создание Коминформа, охлаждение и последовавший затем разрыв отношений с Югославией, перешедший в жесткое противостояние, отказ от принципов коалиционности и приход к власти в странах Восточной Европы правительств, созданных по советской модели.

Во внутренней политике Советского Союза наблюдается рост влияния военно-промышленного комплекса. Ресурсы страны, обескровленной великой войной, направляются на создание новых, чрезвычайно затратных систем вооружения и модернизацию вооруженных сил. В 1948–1949 гг. кардинально меняется

⁸⁸ Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951: В 2 кн. / Отв. ред. В. М. Орел; сост. В. В. Вавилов. Кн. 2: 1920, 1935–1951. М.: Наука, 2012. С. 399.

расстановка сил в высших эшелонах власти: ослабление позиций и смерть А. А. Жданова, рост влияния Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, отставка с государственных постов В. М. Молотова и А. И. Микояна и, наконец, опала и аресты членов высшего партийно-государственного руководства: Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова и др.

Вряд ли можно всерьез рассматривать возможность случайного совпадения таких событий. Разумнее предположить, что в данном случае мы сталкиваемся с различными внешними проявлениями одного общего процесса, имеющего в своей основе смену стратегических ориентиров позиции высшего руководства СССР, а именно Сталина и его ближайшего окружения.

Доказательством этого утверждения может служить историко-географический анализ работ, посвященных различным проблемам истории «позднего сталинизма». Авторы, каждый из которых исследует свой блок вопросов, независимо друг от друга приходят к сходным выводам о том, что в изучаемых ими областях в 1948 — начале 1949 г. происходило резкое изменение политической линии советского руководства.

Достаточно привести только три примера. В статье Т. В. Волокитиной, названной «Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации»⁸⁹, исследуются международные последствия изменения политики СССР в начале 1948 — 1949 г. Автор приходит к заключению, что «смена стратегического курса» произошла в указанное выше время. В. М. Зубок пишет, что в 1948–1949 гг. «под предлогом растущего противостояния СССР с Западом Сталин полностью подчинил властный аппарат страны и ее элиты своей воле»⁹⁰. М. Левин, описывая эволюцию роли ВКП(б) и ее аппарата в послевоенный период, отмечает, что «<...> реорганизация

⁸⁹ *Волокитина Т. В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромисса к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 10–22.

⁹⁰ *Зубок В. М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 95.

(аппарата ЦК. — *Авт.*), рассчитанная на длительный срок, <...> была отменена. Остановка произошла в конце 1948 г.»⁹¹.

Для существования нашего исследования особенно важен этот последний момент. Дело в том, что основным генератором идей, связанных с реформированием как партии в целом, так и партийного аппарата, в частности был А. А. Кузнецов, руководивший до своего перехода на должность секретаря ЦК ВКП(б) ленинградской партийной организацией.

Новации, которые предлагалось внести в жизнь партии, можно разделить на три группы.

К первой из них следует отнести меры, направленные на регулирование количественного и качественного состава партии. Эти меры в основном сводились к ужесточению требований при приеме в партию и усилению контроля со стороны партийных организаций над повседневной деятельностью рядовых членов ВКП(б). Необходимость принятия такого рода мер объяснялась угрозой «размывания» партийных рядов. Другой настораживающей партийное руководство тенденцией было изменение процентного соотношения среди коммунистов по социальному положению, а именно: рабочих и колхозников с одной стороны и служащих — с другой. Если по состоянию на 1 января 1941 г. в ВКП(б) состояло 43,7 % рабочих, 22,2 % крестьян и 34,1 % служащих, то к 1 января 1947 г. пропорции изменились и составили: 33,7 % рабочих, 18,0 % крестьян и 48,3 % служащих.

Для исправления сложившейся ситуации предлагалось ввести в устав партии несколько новых положений. Предлагалось, в частности, усилить требования к рекомендациям при приеме и ужесточить меры наказания за «отрыв от парторганизации». Это избавило бы партию от «пассивных членов».

Эти меры были вполне объяснимы, если принять во внимание положение в партии, сложившееся в первые годы после войны. Многие коммунисты, принятые в ВКП(б) по облегченным правилам во фронтовой обстановке, после демобилизации не вставляли на партийный учет по новому месту работы либо,

⁹¹ Левин М. Советский век. С. 241.

оставаясь формально в рядах первичных организаций, не платили членских взносов и не посещали партийных собраний. Ограничительные меры были направлены на то, чтобы в партии оставались те, кто способен активно проводить в жизнь политику руководства ВКП(б). Активными сторонниками такой политики были Кузнецов и ориентировавшиеся на него руководители ленинградской партийной организации. Об этом свидетельствуют обвинения, выдвинутые против них во время «ленинградского дела» — в том, что они «исключили из партии под надуманными предлогами сотни честных коммунистов».

Вторая группа мер касалась легитимности выбираемых партийных органов (от райкомов и горкомов до крайкомов и ЦК компартий союзных республик), в которых отчетно-выборные конференции и съезды не проводились с довоенных лет. Подобная ситуация приводила к тому, что значительная часть руководящих партийных органов в регионах (крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов) оказывалась не избранной, как этого требовал устав, а кооптированной. В 1946 г. по заданию Кузнецова было проведено обследование большинства районных и областных организаций. Оно обнаружило крайне неудовлетворительную ситуацию. «По данным обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, за время войны районные и городские партийные конференции проведены только в 67 % этих организаций. За то же время областные партийные конференции состоялись только в 32 областях (в том числе 10 областях, входящих в союзные республики).

Вследствие того, что выборы руководящих партийных органов не проводились в течение более 5 лет, в настоящее время в составе обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик осталось лишь 38,6 % членов и 32,1 % кандидатов, избранных на партийных конференциях.

Во многих парторганизациях в составе руководящих парторганов осталось еще меньше членов. Так, в Новосибирском обкоме осталось лишь 15,5 % членов обкома, избранных на последней партийной конференции; Пензенском обкоме — 16,9 %, Куйбышевском — 21,1 %, Воронежском — 23,9 %,

Куйбышевском — 25%»⁹². Для борьбы с подобного рода явлениями предлагалось ввести в устав партии достаточно радикальные меры, в частности прямые выборы руководящих партийных работников.

В качестве дополнительных мер предлагалось установить порядок, при котором всесоюзные съезды партии созываются не реже одного раза в четыре года, пленумы ЦК ВКП(б) проводятся не реже одного раза в шесть месяцев, областные, краевые конференции и съезды компартий союзных республик — не реже одного раза в два года, пленумы городских и районных комитетов созываются не реже чем один раз в два месяца. Кроме этого, в проекте устава предлагалось специально отметить полный запрет на кооптацию.

Третья группа изменений содержала предложения по усилению роли центрального и региональных партаппаратов. Предлагалось не описывать в уставе партии количество и функции подразделений аппарата ЦК и региональных партийных комитетов, а вместо этого предоставить ЦК возможность самому определять как собственную структуру, так и структуры аппаратов региональных организаций. Решение вопроса о структуре вне даже номинального контроля со стороны представительных органов партии закрепляло *de jure* уже сложившийся порядок, при котором исполнительный аппарат ВКП(б) самостоятельно определял и собственное организационное устройство, и сферу своих полномочий.

Наиболее существенные, на наш взгляд, нововведения заключались в стремлении Кузнецова расширить полномочия партийных органов, а именно фактически стоящего за ними партаппарата.

Анализ предложенных новаций показывает, что их целью было предоставление партаппарату максимально возможных контролирующих функций. Эти нововведения закрепляли создание региональных центров власти и передачу властных полномочий на местах от государственных к партийным структурам.

⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 189. Л. 125–126.

Следует отметить, что, если первичные парторганизации должны были контролировать повседневную деятельность и политическое состояние административного аппарата, то на обкомы, крайкомы и аналогичные структуры возлагались функции регионального руководства и координации.

Весьма характерно, что одним из членов группы, предлагавшей подобные реформы, если не главным среди них, был Кузнецов, руководивший в годы войны и блокады повседневной деятельностью ленинградского горкома ВКП(б). Уникальное для СССР положение «города-фронта», разъединенность с общесоюзными центрами власти сформировали в Ленинграде во время блокады новый тип управленческих отношений, когда партийный аппарат стал принимать решения и брать ответственность на себя, часто не дожидаясь директивных указаний центра. В период 1946–1948 гг. партийные руководители — выходцы из Ленинграда, используя опыт военного времени, стремились к общему стратегическому руководству всей хозяйственной и социально-политической деятельностью как на региональном, так и на общесоюзном уровне.

Анализируя нововведения, как предлагаемые в виде проектов, так и реализованные путем принятия постановлений ЦК по различным вопросам, нельзя не заметить общее направление этой деятельности. Резонно задать вопрос: к какому идеалу стремились те, кто пытался модернизировать партию? Ответ представляется следующим: партия должна представлять собой относительно (в масштабах населения страны) небольшой коллектив, члены которого, во-первых, обладают достаточно высоким (по отношению к окружающим) уровнем политических знаний, прежде всего в области марксизма-ленинизма, во-вторых, активно работают в составе партийных организаций. Сами парторганизации должны опираться на массу рядовых членов, будучи полностью легитимными с точки зрения соблюдения всех выборных процедур. Руководство этих организаций осуществляет полный и систематический контроль над деятельностью всех государственных органов своего региона. Партийный аппарат превращался в структуру, координирующую

и контролирующую деятельность госорганов. Можно сказать, что речь шла о воплощении в жизнь идеи того «ордена меченосцев», о котором писал И. В. Сталин еще задолго до войны. Вместе с тем в послевоенное время даже частичная передача полномочий от административных органов к политическим являлась попыткой изменить сложившуюся систему, придать ей динамизм и целенаправленность. Об этом же свидетельствуют и активизация разработки как новой программы партии, так и долгосрочных экономических планов развития страны.

Однако в послевоенное время представление о властной конструкции страны у Сталина, по всей видимости, изменилось. Идея о полновластии партийного аппарата в регионах противоречила одному из принципов сталинской послевоенной политики — оставаться верховным арбитром в постоянных конфликтах между партийными органами и государственными структурами, в том числе такими влиятельными, как, например, МГБ и стремительно крепнущий военно-промышленный комплекс.

Изменение политики высшего руководства страны в 1948 — начале 1949 г. привело к смене приоритетов в организации властной структуры. Рост полномочий партийного аппарата и консолидация интересов региональных партруководителей вызвали обеспокоенность Сталина, что, в свою очередь, стало причиной отказа от поддержки планов по изменению системы взаимоотношений партийных и государственных органов.

Проводимые реформы были остановлены в 1948 г. из-за изменения внутренней политики и противодействия со стороны уже сложившихся к тому времени влиятельных групп в госорганах и правоохранительных структурах. Летом 1948 г. было расформировано Управление кадров ЦК. Инициаторы реформ были смещены, а затем репрессированы в ходе чисток 1949–1950 гг. Руководство ЦК, в аппарате которого ведущее положение вновь занял Маленков, стало бороться с самостоятельностью региональных партийных органов.

Изменение позиции Сталина сказалось и на судьбе инициаторов проектов реформ. Стремление Кузнецова сосредоточить власть в аппарате партии вызвало у настороженного вождя

подозрение в наличии у молодого руководителя властных амбиций. Кроме того, повышение роли партийных руководителей среднего и высшего звена естественным образом нарушало баланс сил, необходимый для поддержания конструкции единоличной власти.

Всё это, вкупе с рядом других факторов, привело к началу массовой репрессивной кампании, основной целью которой стало стремление путем жестких чисток освободиться от тех, кого можно было хотя бы гипотетически причислить к сторонникам Кузнецова. Именно поэтому основной удар пришелся на блокадных руководителей партийного и государственного аппаратов Ленинграда, которые остались работать в городе или перешли на другие должности. Подробнее об этом будет рассказано в третьей главе.

Обоснованным представляется предположение, согласно которому решение Сталина, принятое, безусловно, под влиянием многочисленных и разнообразных факторов международной и внутренней политики, определило поворот в стратегическом курсе развития страны, предпринятый в 1948 — начале 1949 г.

Таким образом, представляется вполне оправданным внутреннее разделение периода «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) на два подпериода: 1945 — начало 1949 и с начала 1949 до марта 1953 г.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что проблемам структуры советского общества и номенклатурной организации власти посвящено значительное количество работ как советских, так и зарубежных авторов. Большинство исследователей придерживаются сложившихся в 1950–1980-х гг. концепций «нового класса — номенклатуры» или элитаристской структуры. В некоторых работах делаются попытки совмещения обеих моделей. В работах, основанных на теории элит, часто затрагиваются вопросы сходных свойств так называемых «элитных групп» в дореволюционном и советском периодах, при этом подчеркивается практическая неизменность отношений в системе «правитель — элита — общество». В работах большинства сторонников «элитистского» подхода структура советского

общества, его властных механизмов рассматривается как нечто неизменное на всем протяжении существования СССР (или по крайней мере начиная с 1930-х гг.). Такая модель не учитывает реальные процессы послевоенного периода, когда происходила борьба за влияние между государственным и партийным аппаратами и только начинала формироваться общность интересов внутри правящего слоя.

В исследованиях, посвященных истории СССР времен «позднего сталинизма», рассматриваются разнообразные социально-политические и экономические аспекты этого периода. Наиболее значимыми событиями, привлекающими внимание исследователей, являются: распределение и механизмы осуществления власти в высшем руководстве Советского Союза; проблемы международных отношений, связанные с началом периода «холодной войны»; экономическая политика советского правительства; развитие военно-промышленного комплекса СССР; реализация «атомного» и «ракетного» проектов. Внимание историков привлекают идеологические и репрессивные кампании второй половины 1940-х — начала 1950-х гг.: борьба против «космополитизма»; дело Ключевой — Роскина и создание «судов чести»; так называемое «ленинградское дело»; дело Еврейского антифашистского комитета; «дело врачей» и др. В некоторых, преимущественно зарубежных работах, анализируется рост «русоцентристских» тенденций в идеологии и политических мероприятиях.

Во многих работах отмечается изменение внутренней и внешней политики верховного руководства страны в 1948 — начале 1949 г.

ГЛАВА 2

ПАРТИЙНЫЙ АППАРАТ ЛЕНИНГРАДА В 1945–1948 ГГ.

Эта глава посвящена рассказу о том, каким был партийный аппарат Ленинграда в годы, предшествовавшие кадровой чистке 1949–1950 гг., основным характеристикам его работников и практике деятельности партаппарата по руководству другими органами власти и управления в регионе. Поскольку тема региональных управленческих структур давно находится в центре внимания исследователей, первая часть главы посвящена краткому обзору уже опубликованных работ как по истории региональных властных структур СССР в целом, так и по истории руководящих органов Ленинграда в частности. Второй параграф описывает структуру и основные характеристики аппарата ЛПО. В третьем рассказывается о формировании кадрового потенциала партаппарата Ленинграда и приводятся основные характеристики его работников. Четвертый параграф описывает практику работы партаппарата по руководству кадрами «подведомственных организаций», которая осуществлялась в первую очередь на основе номенклатурного принципа подбора, расстановки и контроля деятельности соответствующих руководящих кадров.

2.1. Обзор исследований по истории региональных партийных организаций СССР и деятельности ленинградского руководства в первые послевоенные годы

Важное направление исследований истории СССР представлено работами, посвященными истории региональных властных структур, в первую очередь партийного руководства.

В советский период, в 1960–1970-е гг., были изданы «Очерки истории...» различных партийных организаций, как республиканских, так и региональных¹. Они были подготовлены соответствующими институтами истории партии.

Заметное место региональная история советского периода занимала в зарубежных исследованиях. Отдельное направление в советологии рассматривало роль региональных лидеров. Начало ему положила известная книга М. Фейнсод о Смоленске², созданная на основе документов так называемого «смоленского архива». Роберт Блеквелл проанализировал карьерный рост первых секретарей обкомов³. Д. Хоув указал на важную роль регионального фактора при формировании экономической политики⁴. Дж. Харрис проанализировал методы управления регионами из центра⁵. К. Ботерблём рассмотрел формы клиентелизма (системы отношений «патрон — клиент») в системе советской бюрократии⁶. В монографии Дж. Истера на материалах второй половины 1930-х гг. анализируются формы так называемой «региональной оппозиции»⁷.

¹ См., напр.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. 2-е изд., доп. и перераб. Алма-Ата: Казахстан, 1984; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев: Госполитиздат УССР, 1961; Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980). 2-е изд., доп. и перераб. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1982; Очерки истории Курской организации КПСС. Воронеж: Цент.-Чернозем. кн. изд-во, 1980.

² *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958.

³ *Blackwell R.* Career development in the Soviet obkom elite: a conservative trend // Soviet studies. 1972. N 1.

⁴ *Hough J.* The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.

⁵ *Harris J. R.* The Great Urals Regionalism and the evolution of the Soviet System. New York, 1999.

⁶ *Boterbloem K.* Life and Death under Stalin, Kalinin Province: 1945–1953. Montreal, 1999.

⁷ *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОСС-ПЭН; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2010.

Из работ последнего времени можно отметить статью М. Блеквелла⁸, в которой рассматривается процесс воссоздания партийных структур в послевоенном Киеве, исследуются типичные черты партийных работников и их материальное положение.

Немало работ, посвященных региональным аспектам истории государственных и партийных структур, написано за последние годы и отечественными учеными.

Общие вопросы функционирования региональной политической элиты рассмотрены в работах пермского исследователя В. П. Мохова⁹. В монографии Н. Ю. Лапиной¹⁰ анализируются взаимоотношения центра и региональных элит в советский период. М. Н. Афанасьев рассматривает отношения «патрон — клиент» внутри элитных групп в дореволюционный и в советский периоды¹¹. Вопросам деятельности партийного аппарата в Кемеровской области и в регионах Сибири посвящены диссертации А. Б. Коновалова¹² и его монография¹³. В этих работах подробно рассматривается партийный аппарат как социальная

⁸ Блеквелл М. Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943–1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163–170.

⁹ Мохов В. П. 1) Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2000; 2) Региональная политическая элита России.

¹⁰ Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. М.: ИНИОН, 1997.

¹¹ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000.

¹² Коновалов А. Б. 1) Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.): Автореф. дис. ... к. и. н. Кемерово, 1999; 2) Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири (1945–1991): Автореф. дис. ... д. и. н. Кемерово, 2006.

¹³ Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово: Сибирская книгоиздательская фирма, 2005.

группа и исследуется влияние политических кампаний периода «позднего сталинизма» на ситуацию в регионах.

Партийно-государственная номенклатура Западной Сибири рассматривается в диссертации О.Н. Калининой¹⁴. В диссертации В.А. Айрапетова анализируется качественный состав корпуса партийных секретарей Тамбовской области¹⁵. Статья А.В. Зайцевой посвящена исследованию характеристик работников партийного аппарата Свердловской области¹⁶. В диссертации С.Я. Бондаренко и опубликованной затем коллективной монографии¹⁷ исследуются характерные черты работников партийного и советского аппаратов Северо-Западного региона.

Особое внимание привлекает монография О.Л. Лейбовича¹⁸, в которой на материале Пермской области рассматривается вопрос о том, как общесоюзные социально-политические кампании (например денежная реформа 1947 г., борьба с «космополитизмом», «дело врачей» и т. п.) осуществлялись в конкретном регионе, каким образом местные руководители реализовывали «установки центра».

¹⁴ *Калинина О.Н.* Формирование и эволюция партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг.: Автореф. дис. ... к. и. н. Новосибирск, 2007.

¹⁵ *Айрапетов В.А.* Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945–1982 гг.): Автореф. дис. ... к. и. н. Тамбов, 2009.

¹⁶ *Зайцева А.В.* Социально-профессиональный облик партийной номенклатуры Свердловской области в послевоенный период // История как ценность и ценностное отношение к истории. XIV Всероссийские историко-педагогические чтения. Ч. 2. Екатеринбург, 2010. С. 145–148.

¹⁷ *Бондаренко С.Я.* Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-х — начале 1950-х гг.: На материалах Архангельской и Вологодской областей: Автореф. дис. ... к. и. н. Вологда, 2004; *Бондаренко С.Я., Малахов Р.А., Перебинос Ю.А.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. Вологда: Книжное наследие, 2009.

¹⁸ *Лейбович О.Л.* В городе М: очерки социальной повседневности российской провинции (в 40–50-х гг.). 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2008.

Исследования, посвященные послевоенному периоду истории Ленинграда, стали появляться практически одновременно с описываемыми в них событиями. В 1949 г. вышла в свет книга Н. А. Манакова — руководителя плановой комиссии Ленгорисполкома, в которой приводились сведения о работе руководящих партийных и государственных органов Ленинграда как во время блокады, так и после войны. В ней автор выделил характерные особенности системы управления городом в 1941–1945 гг., многие из которых сохранялись еще некоторое время¹⁹.

После прошедших в 1949–1951 гг. чисток, сопровождавшихся обвинениями в «преувеличении роли бывшего ленинградского руководства», работы о послевоенном периоде не выходили много лет. Отсутствовали и статистические сборники, содержавшие данные о послевоенном Ленинграде, что было отмечено в статье Н. А. Корнатовского²⁰. Исследования, посвященные истории Ленинграда послевоенного периода, стали публиковаться с конца 1950-х гг. В советский период вышли в свет работы, содержащие немало документальных данных о различных аспектах восстановления народного хозяйства города, деятельности ленинградской организации КПСС, истории рабочего класса и научных учреждений Ленинграда этого времени. Вместе с тем в большинстве исследований авторы умалчивали о событиях кадровой чистки, происходившей в городе в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Возвращение к этой теме началось с конца 1960 — начала 1970-х гг. В 1970 г. вышел в свет шестой том «Очерков истории Ленинграда», в котором описывались события послевоенного периода²¹.

¹⁹ Манаков Н. А. Городское хозяйство Ленинграда. Л.: Лениздат, 1949.

²⁰ Корнатовский Н. А. Состояние и задачи изучения истории ленинградских рабочих в советский период // История рабочего класса Ленинграда. Вып. 1. Сборник статей / Отв. ред. В. А. Овсянкин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С.19.

²¹ Очерки истории Ленинграда. Т. 6: Ленинград в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, 1946–1965 гг. / И. А. Башинская, В. И. Биллик, А. Р. Дзенискевич и др. Л.: Наука, 1970.

Стали появляться диссертации и статьи, в которых, пусть и с многочисленными умолчаниями, но все-таки рассматривались события послевоенного периода, роль в них партийного и советского руководства города²². Вопросы организационной и идеологической работы партийной организации были проанализированы в диссертации Л. Н. Кругловой²³.

В 1976 г. вышла монография, исследующая вопросы осуществления руководящих функций партии по отношению к государственному аппарату²⁴.

Большой по объему материал о восстановительном периоде в жизни Ленинграда приводится в сборнике «Возрождение»²⁵, напечатанном в 1977 г. Этот сборник ценен и тем, что в нем впервые опубликованы воспоминания некоторых партийных и советских руководителей Ленинграда, репрессированных в 1949–1951 гг.

В этот же период появились два статистических сборника, посвященных ленинградской партийной организации²⁶.

²² *Кутузов В. А.* 1) Деятельность ленинградской партийной организации по совершенствованию аппарата управления (1946–1958 гг.) // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XV. Испытанный авангард масс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 124–138; 2) Совершенствование структуры и методов работы местного партийного аппарата в 1945–1950 годах (на материалах Ленинградской партийной организации) // Вопросы организации партийной и советской работы (Ученые записки Ленинградской Высшей партийной школы). Л.: Лениздат, 1976. С. 214–227.

²³ *Круглова Л. Н.* Деятельность Ленинградской партийной организации по укреплению рядов партии и марксистско-ленинскому просвещению коммунистов в первой послевоенной пятилетке (1946–1950 гг.): Автореф. ... дис. к. и. н. Л.: ЛГУ, 1971.

²⁴ Деятельность ленинградской партийной организации по совершенствованию государственного аппарата / А. Н. Арзамасцев, Б. Д. Лебин, В. А. Кутузов, Е. В. Мазалов, науч. ред. Ю. Я. Баскин. Л.: Лениздат, 1976.

²⁵ *Возрождение: Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда: Сборник* / Сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина. Л.: Лениздат, 1977.

²⁶ Ленинградская организация КПСС в цифрах / Сост. Н. И. Кондрашова, С. А. Портов. Л.: Лениздат, 1968; Ленинградская организация КПСС

Работы А. З. Ваксера, В. А. Ежова, Ю. А. Лаврикова, Е. В. Мазалова были посвящены рабочим Ленинграда и их роли в восстановлении города²⁷. В 1972 г. увидел свет второй том двухтомника «История рабочих Ленинграда», подготовленный авторским коллективом ЛОИИ АН СССР и описывающий период с 1917 по 1965 г.²⁸

В ряде работ рассматривались вопросы деятельности научных организаций и научно-исследовательских институтов Ленинграда в послевоенные годы²⁹.

В 1980-е гг. исследователи продолжали обращаться к истории Ленинграда послевоенного периода. В 1985 г. появился третий том «Очерков истории Ленинградской организации КПСС. 1883–1985»,³⁰ в котором описывался период, обозначавшийся тогда как «послевоенное восстановление народного хозяйства». В «Очерках...» приводится обширный статистический материал о Ленинградской партийной организации, дан широкий обзор деятельности партии по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда. В то же время в них практически не рассматривается тема политических

в цифрах. 1917–1973 гг. / С. С. Дмитриев, А. А. Кирилина и др. Л.: Лениздат, 1974.

²⁷ Ежов В. А. 1) Рабочие Ленинграда в послевоенные годы (1946–1950). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968; 2) Рабочий класс — ведущая сила восстановления Ленинграда (1943–1950 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982; Лавриков Ю. А., Мазалов Е. В., Кузнецов А. П. Очерк развития ленинградской индустрии за 1917–1967 гг. Л.: Лениздат, 1968.

²⁸ История рабочих Ленинграда: В 2 т. Т. 2: 1917–1965 гг. Л.: Наука, 1972.

²⁹ Очерки истории организации науки в Ленинграде. 1703–1977 гг. / Ред. Б. Д. Лебин. Л.: Наука, 1980; Организация и развитие отраслевых научно-исследовательских институтов Ленинграда. 1917–1977 / Ред. Б. И. Козлов. Л.: Наука, 1979.

³⁰ Очерки истории Ленинградской организации КПСС, 1883–1985: В 3 т. / Сост. З. С. Миронченкова. Т. 3: 1945–1985 гг. / Б. Г. Андреев, А. З. Ваксер, В. А. Ежов и др. Л.: Лениздат, 1985; В «Очерках истории Ленинградской организации КПСС», вышедших в двух частях в 1960-е гг. (вторая часть в 1968 г.), послевоенный период не рассматривался.

и организационных процессов внутри партийно-государственного аппарата.

В это же время была опубликована монография В. А. Кутузова, в которой рассматриваются события, связанные с восстановлением Ленинградской области в военное время³¹. Книга В. Н. Базовского и Н. Д. Шумилова³² была единственным произведением из вышедших после 1953 г., которая рассказывала (хотя и со значительными умолчаниями) о судьбе и деятельности А. А. Кузнецова.

В годы «перестройки» историей деятельности Ленинградской партийной организации в послевоенное время активно занимались такие исследователи, как В. А. Ежов, Л. Н. Круглова (Жукова), В. А. Кутузов. В докторской диссертации В. А. Кутузова³³ исследуются вопросы организационных мер, принятых в партийной организации Ленинграда в послевоенный период, а также вопросы усиления идеологической работы.

В монографии и докторской диссертации Л. Н. Жуковой³⁴, основанных на архивных материалах, содержится значительное количество информации о количественных и качественных изменениях ЛПО в ходе войны и после нее и о мерах по регулированию социального состава организации.

³¹ *Кутузов В. А.* Возрождение земли ленинградской: Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985.

³² *Базовский В. Н., Шумилов Н. Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А. А. Кузнецове / 2-е изд., доп. М.: Политиздат. 1985. Первое издание этой работы вышло в 1982 г., во второе издание были внесены несущественные изменения и дополнения.

³³ *Кутузов В. А.* Партийное руководство восстановлением народного хозяйства: организационная и идеологическая работа: (Из опыта Ленинградской партийной организации, 1942–1950 гг.): Автореф. дис. ... д. и. н. / Ленингр. высш. парт. шк. Л., 1988.

³⁴ *Жукова Л. Н.* 1) Деятельность КПСС по улучшению качественного состава партии (1945 — начало 1950-х годов). На материалах Ленинградской партийной организации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987; 2) Изменения качественного состава Ленинградской партийной организации в 1945–1961 годах: Автореф. дис. ... д. и. н. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

В течение последних двадцати лет, после того как стали доступны новые архивные источники, было продолжено изучение послевоенного периода истории Ленинграда. В 2005 г. вышла в свет монография А. З. Ваксера «Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы», которая вплоть до сегодняшнего дня остается, пожалуй, единственным обобщающим трудом, посвященным послевоенному времени. Автор, используя большой массив новых источников, комплексно и обстоятельно проанализировал различные стороны политико-экономической ситуации в Ленинграде исследуемого периода. Этой и другим публикациям А. З. Ваксера большую ценность придает стремление автора обращаться к новым, ранее мало изучавшимся темам³⁵.

За последние годы опубликовано немало статей и монографий³⁶, рассматривающих различные аспекты событий периода «позднего сталинизма» в Ленинграде.

Б. А. Старков³⁷ выделяет несколько этапов развития политической элиты Ленинграда с 1920-х по 1990-е гг. Каждый этап, по его мнению, имеет свои особенности.

В работах В. А. Иванова тщательно анализируется деятельность правоохранительных органов Ленинграда, в том числе

³⁵ Ваксер А. З. 1) Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб: Остров, 2005; 2) Трофейное оборудование в возрождении ленинградской промышленности. 1945–1955 // Клио. 2001. № 3. С. 95–105; 3) Настроения ленинградцев послевоенного времени. 1945–1953 гг. // Нестор. 2001. № 1. С. 303–326.

³⁶ Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 45–53; Ходяков М. В. Люди и деньги: денежная реформа 1947 г. и деятельность Ленинградской бумажной фабрики Гознак // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 54–65.

³⁷ Старков Б. А. 1) Проблемы эволюции политической элиты Ленинграда — Санкт-Петербурга в 20–90-е годы (Ретроспективный взгляд) // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / Под ред. С. А. Кугеля. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. С. 67–73; 2) Дела и люди сталинского времени. СПб. Изд-во СПбГУЭФ, 1995.

и в организации репрессий, исследуются механизмы коррупционных проявлений среди руководящих работников³⁸.

В своей докторской диссертации и монографии И. В. Говоров³⁹ анализирует криминальную обстановку в послевоенном городе, в том числе коррупционные проявления, затрагивавшие государственный и партийный аппарат.

В 2011 г. вышла статья А. В. Лосика и А. Н. Щербы, содержащая историографический обзор публикаций по истории ленинградских предприятий ВПК. В ней справедливо обращается внимание на необходимость более тщательного и всестороннего, с привлечением новых источников исследования управленческой деятельности партийного аппарата. Авторы, ссылаясь на статью Н. В. Илиевского, отмечают: «Учитывая, что во главе городских управленцев стояли представители правящей в стране партии, есть смысл, <...> опираясь на новые исторические реалии, вернуться к вопросу о роли ВКП(б) в войне. Сегодня ясно, что это была не столько классическая политическая партия, сколько особая, уникальная во многих отношениях управленческая структура. Истоки ее силы, эффективности, а также роль, которую она играла в формировании и воспитании национальной элиты, требуют дополнительного исследования. Думается, что события в Ленинграде в годы войны создают для реализации вышеназванного подхода весьма благоприятные и одновременно объективные

³⁸ См., напр.: *Иванов В.А.* 1) Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб: ЛИСС, 1997; 2) «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 г.) // Политический сыск в России: история и современность. СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та эконом. и финансов, 1997. С. 238–250.

³⁹ *Говоров И.В.* 1) Государство и преступность в Советской России, 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): Автореф. дис. ... д. и. н. СПб.: Нестор, 2004; 2) Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1950): опыт исторического анализа. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

условия»⁴⁰. Нам представляется, что мнение этих авторов о необходимости дополнительного исследования роли ВКП(б) в жизни страны следует применить не только к военному, но и ко всем другим периодам советской истории.

2.2. Структура, количественные и качественные характеристики партийного аппарата Ленинграда в 1945–1948 гг.

Аппарат Ленинградской партийной организации выделялся среди других аналогичных структур в стране и по качественным характеристикам своих работников, и по практике деятельности.

Партийная организация Ленинграда была одной из крупнейших в стране. По данным на 1 июля 1947 г., в ленинградских городской и областной парторганизациях состояло на учете 223 627 человек. Среди партийных организаций областей и союзных республик ЛПО занимала третье место, уступая лишь парторганизации Украинской ССР (620 169) и московской городской и областной организации (502 706 членов партии). В число пяти крупнейших организаций входили также: парторганизации Казахской ССР (221 394) и Грузинской ССР (164 575 коммунистов), а в число шести крупнейших организаций РСФСР кроме Москвы и Ленинграда входили: Горьковская (120 655), Свердловская (109 475), Краснодарская (91 692) и Саратовская (91 105 человек)⁴¹.

В конце 1931 г. по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР Ленинград был выделен в отдельный административно-хозяйственный центр со своим бюджетом и правом на образование

⁴⁰ Лосик А.В., Щерба А.Н. Военная промышленность Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда — Санкт-Петербурга как важная региональная часть отечественного оборонно-промышленного комплекса в условиях Российской империи, советской и современной России: XX в. — начало XXI в. Историографический очерк. // Клио. 2011. № 6. С. 81.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 873. Л. 25–27.

самостоятельных партийных и советских органов. 12 декабря 1931 г. состоялась I Ленинградская городская партийная конференция. На ней был избран горком ВКП(б).

Во время блокады права горкома были расширены. Все руководящие должности города были отнесены к номенклатуре горкома партии. Статистические отчеты направлялись в ЦК ВКП(б) отдельно горкомом и обкомом партии.

С 12 декабря 1931 по 19 января 1950 г. посты первого секретаря городского и областного комитетов партии совмещались одним лицом. Необходимость такого совмещения была подчеркнута в выступлении И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г.: «<...> очевидно, первый секретарь обкома или крайкома, он же должен быть первым секретарем горкома»⁴².

Первым секретарем Ленинградских обкома и горкома партии с декабря 1934 по январь 1945 г. был А. А. Жданов, с января 1945 по март 1946 г. — А. А. Кузнецов, с марта 1946 по февраль 1949 г. — П. С. Попков и с февраля 1949 по январь 1950 г. — В. М. Андрианов. С января 1950 г. посты первых секретарей обкома и горкома были разделены.

Персональный состав секретарей Ленинградского горкома ВКП(б)-КПСС с 1945 по 1953 г. приведен в Приложении 1.

Кроме первого секретаря, объединявшего в своем лице город и область, весь остальной аппарат делился на городские и областные структуры (за исключением объединенной партколлегии, Управления делами и особого сектора, которые относились одновременно к горкому и обкому ВКП(б)).

Организационная структура ВКП(б) определялась Уставом партии, принятым на XVIII съезде в марте 1939 г.

Парторганизация Ленинграда (как и остальные территориальные организации в стране) строилась по территориально-производственному принципу: первичные парторганизации, руководимые парткомами — районные организации (районные

⁴² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10–11. С. 18.

комитеты) — городская организация (городской комитет). В Ленинградской области существовала аналогичная структура с небольшими изменениями: наряду с районными действовали и городские (для городов областного подчинения) организации.

В период 1945–1953 гг. в состав городской организации ВКП(б) входило от 19 до 21 районной партийной организации.

До августа 1946 г. Ленгорсовету подчинялось 19 районов. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1946 г. был образован Курортный район с центром в г. Терийоки (с 1948 г. — Зеленогорск), а город Сестрорецк был административно подчинен Ленгорсовету. 4 ноября 1946 г. решением Ленгорисполкома горсовет Сестрорецка был преобразован в Сестрорецкий райсовет.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 13 февраля 1950 г., районные структуры Кронштадтского района были ликвидированы, а функции управления переданы коменданту крепости Кронштадт, а затем Управлению гражданской администрации г. Кронштадта. Был упразднен Кронштадтский райком партии, а состоявшие в нем на учете коммунисты перешли на учет крепости.

Некоторые районы изменяли свои названия.

30 июня 1946 г. постановлением Совета Министров СССР Красногвардейский район был переименован в Калининский.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 23 октября 1948 г. «Об увековечении памяти А. А. Жданова» Приморский район был переименован в Ждановский.

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 ноября 1948 г. Володарский район был переименован в Невский.

28 января 1952 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР Выборгский район был переименован в Сталинский.

Формально, в соответствии с Уставом ВКП(б), члены руководящих органов партии — горкома и райкомов — избирались на соответствующих партийных конференциях, которые должны были проходить не реже одного раза в полтора года.

В годы войны и в первые послевоенные годы партийные конференции не созывались: VII городская партконференция

прошла в апреле 1940 г., а VIII — только в декабре 1948 г. Это нарушение норм партийной демократии не раз становилось предметом критики со стороны как рядовых коммунистов, так и отдельных руководящих работников.

Первые послевоенные районные партийные конференции начали созываться начиная с 1948 г.

Районные и городские партийные конференции были местом сбора низшего звена региональных руководителей. Формально при выборах делегатов соблюдалась норма выдвижения: один делегат с решающим голосом от определенного количества членов партии (нормы зависели от численности парторганизации). Теоретически предполагалось, что состав делегатов должен отражать состав партийной организации. Однако на деле оказывалось иначе.

Порядок выборов делегатов конференций, членов горкомов, обкомов и крайкомов строго регулировался центральным партийным руководством. Приведем только один характерный пример.

5 февраля 1948 г. в ЦК ВКП(б) состоялось «инструктивное совещание» секретарей обкомов и райкомов, посвященное порядку организации и проведения местных партконференций. На нем выступил секретарь ЦК А. А. Кузнецов, который дал недвусмысленные указания, каким должен быть процент представительства в составе «демократически избранных партийных органов». Приведем несколько цитат из стенограммы.

КУЗНЕЦОВ. <...> Как вы считаете, какой процент (рабочих и крестьян. — *Авт.*) установить в составе обкома? С МЕСТА. 30 %. КУЗНЕЦОВ. 30 % не получится <...>, обком — это большой руководящий орган, рабочего мы изберем в райком. Чем выше, тем больше отбор. Я бы считал таким образом: 10–13–15 %. Это не так уж много <...>. Там, где у нас стоят гарнизоны, надо будет представить в состав обкома и крайкома военных <...> их <должно быть> 9 %. Необходимо, чтобы в составе обкома были представители науки, искусства, просвещения. <...> Минимум женщин должно быть в составе партийных органов 15–20 %⁴³.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 78–79.

Как видно из приведенных выше данных, инструкции ЦК соблюдались на местах достаточно четко. Таким образом, на практике никакой внутрипартийной демократии при выборах делегатов не существовало.

В ходе того же совещания А. А. Кузнецов дал указания и по порядку проведения голосования. Он указал, что кандидатур для выборов в руководящие органы не должно выдвигаться больше, чем предусмотрено мест в этих органах и объяснил причину этого: «<...> я вам не рекомендую оставлять одного лишнего в списках для голосования, иначе будут неприятности, вы сами знаете. Проходит районная конференция, количественный состав (райкома) устанавливается 27 человек. В списке для тайного голосования остается 28 и, как правило, секретарь вылетает, хотя против него голосует ничтожное количество. Вот такой эксперимент, который в жизни не оправдывается, его проводить не стоит»⁴⁴.

Приведенные выше цитаты показывают, что административное регулирование состава делегатов и избираемых руководящих органов партии не являлось местной самодеятельностью, а было выполнением указаний высшего руководства. Партийный аппарат в регионах стремился выполнить указания начальства максимально точно.

Это подтверждается данными о кадровом составе делегатов, приведенными в докладах мандатных комиссий городских и районных партконференций.

На X областную / VIII городскую (декабрь 1948 г.) партконференцию было избрано 1060 делегатов с решающим голосом. Из них: 406 освобожденных партийных работника, 148 советских и административных работников, 25 комсомольских и профсоюзных работников, 203 хозяйственных и инженерно-технических работников. В общей сложности это составляло почти 74 % присутствовавших делегатов. Рабочих «с производства» было избрано 93 человека, а колхозников 11 человек, что в совокупности составило менее 10 %. Оставшиеся

⁴⁴ Там же. Л. 81.

16 % составляли военнослужащие, работники культуры, науки и др.⁴⁵

В работе партконференции Фрунзенского района (25 марта 1950 г.) участвовало 453 человека. Из них: рабочих — 3,9 %, освобожденных партийных, комсомольских, советских и профсоюзных работников — 25,6 %, директоров предприятий и директоров вузов — 12,7 %, начальников цехов и мастеров — 14,1 %, научных работников и преподавателей — 9,6 %, военнослужащих — 9,0 %, служащих учреждений и работников торговли — 26,1 %⁴⁶.

В Пушкинском районе среди 189 делегатов партийной конференции насчитывалось: работников партийных органов — 12, секретарей парторганизаций — 58, руководителей предприятий и советских учреждений — 40 (всего делегатов этих категорий — 58,2 %), научных работников и преподавателей — 9 (4,8 %), «представителей Советской армии» — 61 (32,2 %), а рабочих всего 9 (4,8 %) ⁴⁷. Правда, как указано в отчете мандатной комиссии, все рабочие были стахановцами.

Анализ данных по другим районным партконференциям демонстрирует такую же картину: во всех без исключения районах число рабочих среди делегатов составляло не более 8 %.

В докладе председателя мандатной комиссии IX городской партийной конференции (май–июнь 1950 г.) А. В. Носенкова прозвучали следующие цифры: среди делегатов конференции было 13,8 % «рабочих с производства», 33 % партийных работников, 9 % хозяйственных руководителей, 12 % советских и административных работников, 3,5 % комсомольских и профсоюзных работников и 10,6 % «работников Советской армии и флота» ⁴⁸. В оставшиеся 19 % входили «работники науки, литературы и искусства», народного образования, сферы обслуживания и правоохранительных органов.

⁴⁵ Доклад председателя мандатной комиссии 10-й областной / 8-й городской партконференции А. Ф. Павлова // Ленинградская правда. 1948. 24 декабря. С. 3.

⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 676. Л. 171.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 594. Л. 41–44.

⁴⁸ Там же. Оп. 28. Д. 361. Л. 293–298.

Приведенные выше сведения позволяют считать, что организация партийных конференций и выборов на них региональных руководящих партийных органов были вызваны отнюдь не стремлением вернуться к нормам внутрипартийной демократии, а скорее желанием легитимизировать пребывание у власти уже сложившейся к тому времени группы руководителей, чьи кандидатуры подбирались высшим руководством.

Легитимизация регионального партийного руководства была необходима, поскольку со времени предыдущих, предвоенных партконференций значительная часть членов местных парткомитетов уже выбыла. Например, в Ленинграде избранных на конференции в 1940 г. к февралю 1948 г. осталось только: из 84 членов горкома партии 33 человека, из 23 кандидатов в члены горкома — 8, из 9 членов ревизионной комиссии — только трое⁴⁹.

Городские и районные партийные конференции в описываемый период представляли собой собрания номенклатурных руководящих работников среднего и низшего уровней, причем порядок представительства, как и состав выборных органов, четко регулировался вышестоящим партийным аппаратом. Состав делегатов конференций определял и происходившие на них события в период чистки 1949–1951 гг. Такие собрания низовых руководителей, партийных «офицеров» и «унтер-офицеров» (по определению И. В. Сталина) использовались для доведения до сведения участников информации о ходе чистки, об обвинениях в адрес бывших руководителей города. Это делалось для придания видимости объективности при снятии руководителей районов. Реакция присутствовавших во многом определялась их служебным положением: во-первых, большинство опасалось потерять имеющиеся должности, а им было что терять в смысле карьерного существования, а во-вторых, некоторые из них надеялись выдвинуться на волне разоблачения бывших начальников.

Из состава комитетов на пленумах избирались бюро и секретари. Для организации повседневной работы существовал

⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6491. Л. 11–17.

аппарат партийных комитетов, подразделявшийся на отделы, управления, секторы и другие структурные единицы. Работники этих подразделений вместе с секретарями образовывали партийный аппарат. Все сотрудники партаппарата принадлежали к номенклатуре вышестоящих партийных комитетов. Немаловажную роль в механизме партийного руководства играли и так называемые «парторги ЦК» — руководители парторганизаций крупнейших предприятий и институтов. Они назначались на свои посты решением ЦК ВКП(б), и вследствие этого в меньшей степени зависели от регионального партийного руководства.

Секретари и заведующие подразделениями горкома партии входили в основную номенклатуру ЦК, соответствующие работники райкомов — в номенклатуру горкома, руководство первичных организаций (кроме наиболее крупных или особо важных) — в номенклатуру райкомов.

Руководящими исполнительными органами горкома и райкомов партии были соответствующие бюро. Устав партии (пп. 45 и 52) предписывал создавать бюро обкома (для Ленинграда — горкома) в составе не более 11 человек и 4–5 секретарей, в том числе первого секретаря, второго секретаря, секретаря по кадрам и секретаря по пропаганде. Кандидатуры секретарей утверждались в ЦК ВКП(б)⁵⁰.

За каждым из секретарей были закреплены (по принципу «кураторства») определенные отделы аппарата горкома.

В районных комитетах партии Ленинграда действовали бюро райкомов в составе 7–9 человек и трех секретарей, при этом третий секретарь иногда именовался секретарем по кадрам. Секретари райкомов утверждались горкомом партии.

Структура аппарата горкома и райкомов ВКП(б) определялась Уставом ВКП(б), принятом на XVIII съезде партии (доклад об изменениях, вносимых в действовавший ранее устав, делал А. А. Жданов). Согласно п. 13 Устава в ЦК упразднялись все

⁵⁰ XVIII съезд всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1939. С. 683–684.

производственно-отраслевые отделы за исключением сельскохозяйственного отдела и отдела школ. В обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик было предписано создать отделы: кадров, организационно-инструкторский (орготдел), пропаганды и агитации и сельскохозяйственный. В Ленинградском горкоме вместо сельскохозяйственного создавался отдел городского хозяйства. В райкомах партии создавались отделы кадров, пропаганды и агитации, организационно-инструкторский. Кроме этого, в горкоме и райкомах действовали военные отделы, в задачу которых входили помощь военным органам в деле постановки на учет военнообязанных, организации призыва, мобилизации в случае войны и т.д.⁵¹ До осени 1948 г. в аппарате Ленинградского горкома ВКП(б) существовали так называемые отраслевые отделы, создание которых регламентировалось специальным решением ЦК в каждом отдельном случае⁵².

Следует отметить, что, несмотря на регламентацию структуры горкома Уставом партии, отделы часто создавались в силу особой необходимости. Например, после принятия ГКО СССР решения о начале газификации Ленинграда в горкоме был создан специальный отдел по газификации и топливу. В 1948 г., когда разрабатывался вопрос о создании топливно-энергетической базы Ленинграда, в горкоме был образован отдел угольной промышленности, просуществовавший всего четыре месяца.

Подобное отступление от принципов функциональной (в противовес производственно-отраслевой) организации партийного аппарата свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении регионального партийного руководства сосредоточить управление хозяйственными структурами региона в местных партийных органах. Это является одной из характерных черт деятельности ленинградского партийного руководства в период с 1945 по 1949 г.

⁵¹ XVIII съезд всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. С.674.

⁵² Структура и персональный состав руководства отделов горкома приведены в Приложении 1.

10 июля 1948 г. было принято постановление Политбюро ЦК о реорганизации аппарата ЦК⁵³. Характерно, что эта реорганизация совпала с началом заката карьеры секретаря ЦК А. А. Кузнецова, возглавлявшего до этой перестройки могущественное Управление кадров ЦК. Следующим шагом было Постановление Политбюро ЦК от 25 октября 1948 г. «О реорганизации аппарата обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик»⁵⁴. В соответствии с ним в Ленинградском горкоме ВКП(б) вместо упраздняемых создавались следующие отделы: ППКО, административный, планово-финансово-торговый, тяжелой промышленности, легкой промышленности, машиностроения, транспортный и отдел городского хозяйства. Основными задачами отделов были «подбор кадров по соответствующим отраслям и проверка исполнения решений ЦК ВКП(б), правительства, обкомов <...>»⁵⁵. Постановление о реорганизации готовилось заранее. Еще 20 августа 1948 г. секретариат ЦК поручил отделу ППКО подготовить предложения по реформе, предусмотрев при этом «сокращение... штатов партийных организаций не менее чем на 6 %»⁵⁶.

Через три с небольшого месяца последовала и перестройка аппаратов райкомов. 4 января 1949 г. было принято постановление Политбюро о реорганизации аппарата районных, городских, окружных и уездных комитетов ВКП(б). Согласно этому постановлению, в аппарате райкомов Ленинграда были образованы следующие отделы: отдел пропаганды и агитации, отдел ППКО, административный отдел, промышленно-транспортный отдел. Постановление Политбюро предписывало: «<...> передать отделам райкомов <...> функции по подбору и распределению кадров, осуществляемые ныне отделами кадров, а отделы кадров ликвидировать»⁵⁷.

⁵³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 60–62.

⁵⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 26, 34.

⁵⁵ Там же. С. 26.

⁵⁶ Там же. С. 34.

⁵⁷ Там же. С. 35.

В районных комитетах партии в номенклатуру горкома входили должности: 1-й, 2-й секретари, секретарь по кадрам (чаще всего эта должность называлась просто — секретарь райкома), заведующий оргинструкторским отделом, заведующий отделом пропаганды и агитации и его заместитель, заведующий сельхозотделом, заведующий военным отделом, заместитель заведующего отделом кадров, заведующий сектором статистики и единого партбилета, заведующий особым сектором. Решением Политбюро от 4 января 1949 г. «О реорганизации аппаратов райкомов, горкомов, окружкомов и укомов ВКП(б)»⁵⁸ структура аппаратов райкомов была приведена в соответствие со структурой горкома.

В документах, относящихся к исследуемому периоду, работники партаппарата разделялись на ответственных и технических. К первой группе относились те, чье назначение утверждалось решением соответствующего партийного бюро, т.е. занимавшие должности от инструктора отдела, приравненных к ней должностей и выше. Вторая группа состояла из различных технических специалистов: технических секретарей, статистиков, учетчиков, делопроизводителей, стенографисток, архивариусов, бухгалтеров, машинисток и др.

Численность партийного аппарата в период 1946–1950 гг. оставалась почти неизменной, поскольку штатное расписание горкома и райкомов утверждались в аппарате ЦК, который стремился ограничить увеличение количества партийных работников. К концу 1948 г. число номенклатурных работников аппарата горкома составляло 209 человек, аппаратов райкомов — 633, освобожденных секретарей парторганизаций — 189, зам. секретарей парторганизаций — 13 человек⁵⁹. В аппарате горкома основная часть работников занимала должности инструкторов отделов (примерно 70 % должностей).

⁵⁸ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т. 3: 1940–1952. М.: РОССПЭН, 2001. С. 546.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 928. Л. 21.

Данные о численном составе аппаратов горкома и райкомов представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Количество ответственных работников аппарата горкома ВКП(б)⁶⁰

1941	1945	1946	1947	1948	1949	1950 до реорган- низации	1950 после реорган- изации	1953
200	187	198	203	214	171	193	174	181

Таблица 2

Количество ответственных работников аппарата райкомов ВКП(б)⁶¹

1941	1945	1946	1947	1948	1949	1952	1953
587	640	678	697	699	626	730	647

Размер партийного аппарата определялся штатными расписаниями, утверждаемыми в ЦК ВКП(б), и зависел от двух основных факторов: численности партийной организации и количества предприятий, учреждений и организаций, а следовательно, номенклатурных кадров в регионе. Аппарат ЛПО был крупнейшим (не считая Москвы) по численности. Например, в Архангельском обкоме в конце 1948 г. было 100 ответственных работников, в Вологодском — 102, а в Челябинском — 167⁶².

Уменьшение количества работников аппарата в 1949 и 1950 гг. объясняется реорганизациями структуры, предпринятыми в это время.

Следует отметить, что не все должности, предусмотренные штатными расписаниями, были замещены. Например, в 1947 г.

⁶⁰ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 7.; Ф. 24. Оп. 60. Д. 644. Л. 80; Ф. 25. Оп. 74. Д. 5. Л. 5; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 3–5.

⁶¹ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 7; Ф. 24. Оп. 74. Д. 5. Л. 6.

⁶² Бондаренко С.Я. и др. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. С. 90; Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: Дис. ... к. и. н. Челябинск, 2006. С. 249.

из 203 должностей в аппарате горкома были заняты только 180, в 1948 г. из 214 должностей — 192. По данным 1947 г., в горкоме не хватало двух заведующих отделами, семи инструкторов, трех лекторов и консультантов, четырех «других ответственных работников».

В аппаратах райкомов была аналогичная ситуация: на 1946 г. из 678 должностей замещено 644, в 1947 г. из 697 — 672, в 1948 г. из 699 — 674. В том же 1947 г. в райкомах партии были свободны должности двух секретарей, одного зав. отделом, двух зам. зав. отделами, одного зав. сектором и девяти инструкторов⁶³.

В составе партийного аппарата горкома и райкомов можно выделить несколько иерархических групп. По степени властных полномочий (снизу вверх) они располагались следующим образом: инструкторы райкомов, заведующие отделами райкомов и инструкторы горкома, секретари райкомов и руководители (заведующие и заместители заведующих) отделами горкома, секретари горкома. Естественно, это весьма условная структура. Тем не менее это разделение отражает как распределение властных полномочий в сфере управления, так и такие факторы, как внутренняя мобильность кадров (переход из одной группы в другую расценивался как «выдвижение на вышестоящий пост» или «понижение в должности») и материальное положение работников, о чем будет сказано ниже.

Основной категорией работников партаппарата и на уровне горкома, и на уровне райкомов были инструкторы отделов. Доля инструкторов и приравненных к ним работников горкома партии составляла в разные годы от 65 до 80 % от общего числа работников горкома и около 65 % от общего числа работников райкомов. В обязанности инструкторов в числе прочего входили сбор информационных материалов о подведомственных организациях, подготовка вопросов для вынесения на рассмотрение секретарей и бюро горкома.

Необходимо отметить существование ярко выраженного разделения между этой категорией работников и вышестоящими

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 7.

руководителями (начиная с заведующих секторами отделов). Это разделение проявлялось не только в различном материальном положении, но и в иерархическом статусе. Основная масса инструкторов ощущала себя незаслуженно забытыми.

Недовольство своим положением, обычно скрываемое, вырывалось наружу только во время каких-либо существенных изменений в составе руководства. В начале 1949 г., после отстранения от власти прежних руководителей горкома и появления нового первого секретаря, В. М. Андрианова, в аппарате горкома партии прошли партийные собрания, на которых было предложено шире развернуть кампанию «критики и самокритики».

В процессе обличения недостатков прежнего руководства проявились и признаки недовольства своим положением со стороны инструкторского состава: «<...> Коммунисты говорили о том, что некоторые руководящие работники обкома и горкома ВКП(б) не обладают необходимыми качествами партийных руководителей, допускают недостойные поступки, отличаются высокомерием, игнорируют инструкторский аппарат»; «Выступавшие указывали, что роль инструкторского аппарата <...> чрезвычайно принижена. С инструкторами руководящие работники мало считаются, часто не знают их, не работают с ними, не знакомят инструкторов с постановлениями бюро горкома ВКП(б). Зав. отделами мало беседуют с инструкторами, не помогают им в достаточной мере и часто относятся к инструкторам как к механическим исполнителям тех или иных и главным образом письменных заданий»⁶⁴.

Наиболее характерные выступления ярко демонстрировали степень накопившей у инструкторов неудовлетворенности своим должностным положением:

Настоящей заботы об инструкторе в горкоме ВКП(б) не было. На одном совещании аппарата горкома <...> т. Капустин процитировал, что «инструктор центральная фигура». В зале раздался смех. Это не случайно, так как инструктор никакой центральной фигуры из себя не представляет, а был ничем иным, как старшим

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 12. Л. 35–36.

писарем, телефонистом, диспетчером <...>. У нас и зав. отделом и заместители вычеркивали подпись инструктора, составлявшего тот или иной документ <...> (Горшков, отдел тяжелой промышленности горкома);

У нас недооценивают роль инструктора. Руководители горкома ВКП(б) оторваны от аппарата. Инструкторов не знакомят с решениями бюро горкома ВКП(б). Необходимо регулярно проводить совещания аппарата и коренным образом изменить отношение к инструкторам (Шилов, административный отдел горкома);

Надо повысить роль инструктора. Надо, чтобы зав. отделами не принимали начальников управлений без инструктора по принципиальным вопросам, чтобы они не обходили инструкторов (Куликов, отдел городского хозяйства горкома);

Секретари обкома многих инструкторов не знают <...>. Нас секретари ни о чем не спрашивают, инициатива инструктора явно принижается. Инструкторы не приглашаются на бюро обкома ВКП(б) по вопросам, которые они готовят. Мы много непроизводительно пишем. Часто наша работа незаслуженно обесценивается <...>. Опыт работы инструкторов не обобщается (Абатуров, планово-финансово-торговый отдел обкома);

В обкоме ВКП(б) нужно усилить общение работников отделов между собою, чаще проводить совещания работников аппарата по различным вопросам. Нужно больше проявлять заботы об инструкторе, а не выводить инструктора из кинозала за руку (Никитина, отдел ППКО горкома);

С момента перестройки (ноябрь 1948 г.) (речь идет об изменении структуры партаппарата. — *Авт.*) и до конца февраля с. г. руководство не нашло нужным созвать совещание аппарата по вопросам работы в новых условиях (Виноградов, отдел пропаганды и агитации горкома);

Если инструктор по своей инициативе подготовил и поставил вопрос, то на бюро горкома ВКП(б) он должен присутствовать, ибо это его воодушевляет и развивает творческую инициативу. А вот тов. Хватов работал в горкоме около 4 лет и как он мне говорил, был на бюро горкома ВКП(б) в день утверждения

его инструктором и в день освобождения (Крылов, отдел тяжелой промышленности горкома);

<...> Руководство не интересуется жизнью и бытом своих работников, не беседуют, забыли о людях, но зато не забывают о справках. Вся работа строится на написании справок — справка и еще раз справка (Милещенко, отдел пропаганды и агитации обкома).

Инструкторы горкома жаловались и то, что руководители использовали их практически в качестве прислуги:

У Громова (заместитель управделами обкома и горкома ВКП(б). — *Авт.*) даже хватило наглости поручить мне проследить за тем, чтобы за одну ночь была отгорожена забором дача секретаря ОК ВКП(б) <...> от дач инструкторов (Восков, инструктор отдела ППКО горкома)⁶⁵.

Недовольство отношением руководителей выражали и инструкторы райкомов.

Жалобы касались прежде всего чрезмерной рабочей нагрузки. Инструктор Смольнинского райкома в своем выступлении сетовала: «Я имею 51 партийную организацию и это не маленькие организации, и руководить всеми этими организациями я физически не в состоянии. Помимо этого, у меня 217 человек номенклатурных работников, которым необходимо уделять больше внимания, чем я уделяю»⁶⁶.

2.3. Формирование кадрового состава партаппарата Ленинграда и его основные характеристики

В первые послевоенные годы аппарат ЛПО сохранял стабильность кадрового состава, что было заметным исключением в сложившейся кадровой практике. В большинство других регионов кадровая ситуация описывалась двумя сценариями.

⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 12. Л. 36–38.

⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 33.

Если область или край находились в оккупации или в районе боевых действий, то партийный аппарат восстанавливался там заново, чаще всего с привлечением партработников из других регионов (в порядке «партийных мобилизаций»). Если же регион был тыловым, то значительное количество партработников среднего и низшего уровней были направлены в армию, их должности занимали новые люди, а после возвращения некоторых из них происходило обратное перемещение.

Ленинград как «город-фронт» занимал уникальное положение, что и было причиной формирования сравнительно устойчивой кадровой группы, члены которой начинали работу в городе еще перед войной, продолжали ее во время блокады и составляли кадровую основу аппарата ЛПО. Этих людей вскоре стали называть «блокадными секретарями», хотя размер группы был существенно больше, чем секретари райкомов и горкома.

Подобная ситуация стала следствием не только объективных причин, обусловленных особым положением региона в годы войны, но и целенаправленных действий руководства города, в первую очередь второго секретаря горкома блокадного периода — А. А. Кузнецова. В ходе разбирательств, связанных с чистками 1949–1950 гг., многие руководители, стремясь оправдаться и переложить ответственность на уже поверженного секретаря ЦК, «вспоминали» о различных устных указаниях, которые в годы блокады давал Кузнецов. Например, начальник политуправления Ленинградского военного округа, а ранее — Ленинградского фронта, Д. И. Холостов рассказывал во время рассмотрения его персонального дела в КПК ЦК ВКП(б):

Примерно в июле 1943 г. Кузнецов дал мне следующие указания, которыми я должен был руководствоваться в работе по подбору и расстановке кадров: «Посмотрите, где у нас работают старые ленинградцы, которые до войны были на руководящих должностях в обкоме, горкоме партии, райкомах города и области, секретари парткомов и директора заводов и давайте

их выдвигать. Если вы узнаете о ленинградцах, которые служат в других фронтах, давайте ставить о них вопрос перед Москвой о переводе их в Ленинградский фронт»⁶⁷.

Если рассмотреть кадровый состав руководящих партийных работников Ленинграда периода 1945–1948 гг., то станет очевидно, что подавляющее большинство из них либо уже работали, либо были выдвинуты на командные должности в годы блокады. Действительно, все секретари горкома и заведующие отделами горкома входили в руководство блокадного города, во время блокады работали на руководящих должностях 96 % первых секретарей райкомов партии и 87 % из числа вторых секретарей и секретарей по кадрам райкомов.

Проведенный анализ личных дел представителей этой группы руководящих кадров показывает, что большинство из них пришли на работу в партаппарат по одному сценарию. Схематично он может быть описан следующим образом: окончание вуза — работа на производстве на небольшой инженерной или руководящей должности — работа в партбюро (парткоме предприятия) — работа в аппарате райкома (или горкома) партии.

Среди них нами не отмечено ни одного выходца из правоохранительных органов или кадрового офицерского состава армии.

Практически все представители руководящей группы ленинградского партаппарата совершили свой карьерный рост в Ленинграде. Среди них вообще не отмечены представители других регионов страны, переведенные в Ленинград на более или менее крупный пост в партийной иерархии.

Статистические данные источников подтверждают этот вывод. В 1945 и 1946 гг. отдел кадров горкома собирал сведения о *стаже руководящей работы в Ленинградской партийной организации*, что, кстати говоря, было своеобразным «внутриленинградским» нововведением, так как такая форма отчетности не предусматривалась общепартийными статистическими документами. Данные на 1946 г. следующие:

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 145. Л. 138 (Библиотека Конгресса).

- в аппарате горкома: до 1 года — 13,1%, от 1 года до 5 лет — 37,7%, от 5 до 10 лет — 32,3%, свыше 10 лет — 16,9%;
- в аппарате райкомов: до 1 года — 11,1%, от 1 года до 5 лет — 38,9%, от 5 до 10 лет — 37,3%, свыше 10 лет — 12,7%.

Это свидетельствует о том, что подавляющее большинство работников партаппарата Ленинграда (более 85%) работали в тех же структурах в годы блокады.

Естественно, «блокадное прошлое» объединяло этих людей, и для них, как и в годы войны, одним из главных авторитетов был их непосредственный блокадный руководитель — А. А. Кузнецов. Эта своеобразная «сплоченность» и стала для них роковой в годы чистки, о чем более подробно рассказывается в третьей главе.

Немаловажной характеристикой руководящих кадров СССР является их *возрастной состав*. Возрастные данные работников партаппарата приведены в табл. 3–7.

Таблица 3

Возрастные характеристики работников горкома и райкомов Ленинграда на 1941 г. (доля работников данного возраста в %)

Организация	До 30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет
Аппарат ГК	8,3	42,6	43,2	4,2	1,7	0
Аппарат РК	11,2	43,8	37,1	6,0	1,9	0

Таблица 4

Возрастные характеристики работников горкома и райкомов Ленинграда на 1945 г. (%)

Организация	До 30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	Старше 45 лет
Аппарат ГК	5,3	32,5	39,1	23,0	0,1
Аппарат РК	12,3	29,9	34,7	18,3	4,8

Таблица 5

Возрастные характеристики работников горкома и райкомов Ленинграда на 1946 г. (%)

Организация	До 30 лет	31–35 лет	36–40 лет	41–45 лет	Старше 45 лет
Аппарат ГК	3,3	18,1	45,6	27,5	5,5
Аппарат РК	9,6	24,7	40,5	18,3	6,9

Таблица 6

**Возрастные характеристики работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1947 г. (%)**

Организация	До 30 лет	30–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет
Аппарат ГК	4,4	58,9	30,5	5,1	1,1
Аппарат РК	9,7	60,0	23,2	6,1	1,0

Таблица 7

**Возрастные характеристики работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1948 г. (%)**

Организация	До 35 лет	36–40 лет	41–45 лет	46–50 лет	Старше 50 лет
Аппарат ГК	18,1	40,6	34,0	5,8	1,5
Аппарат РК	29,9	33,6	25,2	9,7	1,6

Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 577. Л. 11, 15; Д. 676. Л. 10; Д. 928. Л. 47–50, 52, 58; Д. 797. Л. 11; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 3.

Как видно из таблиц, основной контингент составляли работники в возрасте от 35 до 45 лет, пришедшие на партийную работу в последние предвоенные и военные годы.

Возрастание доли работников аппаратов горкома и райкомов, находящихся в возрастной группе 41–45 лет, свидетельствует о стабильности кадрового состава в данный период. Люди, которые пришли на работу в аппарат сразу после окончания войны, сохранили свои позиции и продолжали работать.

Средний возраст первых секретарей райкомов (по данным 1947 г.) составлял 38,1 года.

Количество молодых людей было невелико, что вызывало обоснованное беспокойство руководства. Анализ возрастного состава работников, впервые занявших руководящие должности, выявил неутешительные тенденции.

Так, в феврале 1947 г., на совещании в горкоме указывалось: «Возрастной состав пришедших к руководству партийных работников представляет собой следующую картину: от 31 до 35 лет — 17 %, от 35 до 41 г[ода] — 21 %, от 41 г[ода] до 45 лет — 23 %, от 46 лет до 50 лет — 9 %, свыше 50 лет — 10 %. Эти данные показывают, насколько мы слабо выдвигаем на руководящую работу молодых, растущих работников,

предпочитаем подчас подбирать руководящие кадры из числа товарищей зрелого возраста»⁶⁸. Принятые руководством горкома партии меры принесли некоторые результаты: в 1948 г. доля работников аппарата горкома в возрасте до 40 лет повысилась в сравнении с 1947 на 13,8%. Правда, в райкомах она сократилась на 6,2%. Меры по привлечению на работу молодых кадров были еще одним примером попытки искусственного, административного конструирования социального состава аппарата.

Сравнение с данными других регионов показывает, что средний возраст работников партаппарата Ленинграда был несколько выше.

Например, в парторганизации УССР в 1946 г. распределение по возрастным группам среди инструкторов горкома и райкомов выглядело следующим образом: до 30 лет — 38,3, 31–35 лет — 25,4, 36–40 лет — 18,1, 41–45 лет — 12,7, 46–50 лет — 3,7, старше 50 лет — 1,8%⁶⁹. Возрастной портрет руководящих партийных кадров на Украине дает несколько иную картину. В группе секретарей горкома и райкомов возрастное распределение следующее: до 30 лет — 4,8, 31–40 лет — 52,8, 41–50 лет — 40,4, старше 50 лет — 2,0%⁷⁰ (данные 1946 г.).

Среди работников горкомов и райкомов Вологодской области по данным на 1 ноября 1947 г. людей в возрасте от 26 до 35 лет было 52,2, от 36 до 45 лет — 51,3, от 36 до 45 лет — 33 и старше 46 — 4,5%⁷¹.

В Свердловске, как отмечает А. В. Зайцева, «в период 1945–1953 гг. произошло увеличение руководящей элиты в возрасте 31–35 лет на 40%»⁷².

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 4 об. — 5.

⁶⁹ Горбул А. Д. Научные основы кадровой политики КПСС. М.: Высшая школа, 1989. С. 94.

⁷⁰ Там же. С. 103.

⁷¹ Бондаренко С. Я. и др. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. С. 117.

⁷² Зайцева А. В. Социально-профессиональный облик партийной номенклатуры Свердловской области в послевоенный период. С. 146.

В Ленинграде анализ возрастных данных руководителей (секретарей горкома, зам. секретарей горкома, 1-х секретарей райкомов и зав. отделами горкома) в том же году дает следующую картину: до 30 лет — 0,0, 31–35 лет — 11,4, 36–40 лет — 37,1, 41–50 лет — 51,5, старше 50 лет — 0 %.

По данным на ноябрь 1947 г., средний возраст составлял: зам. зав. отделами горкома — 40, зав. секторами — 41, инструкторов — 39 лет⁷³.

Анализ возрастных характеристик партийных руководителей Ленинграда периода 1945–1948 гг. показывает, что подавляющее большинство составляли люди 1904–1910 годов рождения. Следует отметить, что эта возрастная группа, пришедшая к власти в конце 1930-х гг., была относительно стабильной и находилась на руководящих постах вплоть до 1949 г.

Образовательный уровень партийных работников был одной из самых серьезных проблем деятельности партаппарата, начиная с периода его становления⁷⁴.

В первые послевоенные годы образовательный уровень членов партии в целом и в частности работников партаппарата несколько раз рассматривался в директивных документах ЦК ВКП(б). В постановлении «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)» (8 июля 1946 г.) с беспокойством констатировалось, что 67,2 % членов партии, в том числе работники обкомов и горкомов, не имели даже среднего образования.

2 августа 1946 г. было принято постановление ЦК «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников», в котором перечислялись первоочередные мероприятия по повышению образовательного уровня партийного аппарата.

⁷³ Подсчитано по материалам, приведенным в: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 829. Л. 22–32.

⁷⁴ См., напр.: *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 215.

Вопросы повышения уровня образования парторботников были предметом самого пристального внимания со стороны руководства ЦК. Это подтверждает выступление А. А. Кузнецова на открытии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) (далее — ВПШ) в 1946 г. В своей речи, широко освещавшейся в печати, он заявил:

Центральный комитет партии не могла больше удовлетворять существовавшая ранее система подготовки партийных кадров. По предложению т. Сталина Центральный Комитет ВКП(б) разработал и проводит в жизнь обширную программу мероприятий по серьезному повышению политического и теоретического уровня руководящих партийных и советских работников <...> никогда еще в истории нашей партии подготовка и переподготовка руководящих кадров не организовывалась на таком <...> уровне и с таким <...> размахом. В результате <...> все основные наши руководящие кадры пройдут в течение ближайших трех-четырёх лет серьезную <...> подготовку и переподготовку⁷⁵.

Принятые меры принесли результаты. С 1946 по 1950 г. в Академии общественных наук (далее — АОН) и ВПШ при ЦК ВКП(б), а также в региональных партийных школах получили политическое образование 25 тыс. чел.⁷⁶ К 1954 г. партийные школы выпустили 55 749 чел., в том числе ВПШ при ЦК — 1852⁷⁷. К июлю 1952 г. прошли обучение на заочном отделении ВПШ 2898 руководящих партийных работников⁷⁸. С 1946 по 1950 г. вечерние двухгодичные районные партийные школы окончило 300 тыс. чел.⁷⁹

⁷⁵ Ленинградская правда. 1946. 3 ноября. С. 2.

⁷⁶ Попов Д. За дальнейший подъем партийного просвещения // Большевик. 1950. № 17. С. 20.

⁷⁷ Сторожев Я. Воспитание кадров на практической работе // Партийная жизнь. 1954. № 9. С. 10.

⁷⁸ Шевляков А. А. Опыт Коммунистической партии по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров (1946–1959): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989. С. 16.

⁷⁹ Попов Д. За дальнейший подъем партийного просвещения. С. 20.

В 1950/1951 учебном году в 235 вечерних университетах марксизма-ленинизма занималось 140 тыс. слушателей⁸⁰.

Ленинградская партийная организация активно включилась в этот процесс. В отчетах отдела кадров горкома партии указывалось: «<...> в районах созданы и работают районные партийные школы. В 1945 году в этих школах закончили обучение 1598 человек партийного, советского и комсомольского актива и вновь проведен набор слушателей в количестве 1504 чел., среди них: инструкторы райкомов ВКП(б), секретари и заместители секретарей первичных парторганизаций и партийный актив цеховых парторганизаций»⁸¹.

В высшей заочной партийной школе при ЦК ВКП(б) обучалось 232 человека — «основной партийный и комсомольский актив города: секретари, заведующие и зам. зав. отделами горкома и райкомов, инструкторы горкома партии и руководящие работники горкома ВЛКСМ»⁸².

В октябре 1945 г. партийную школу обкома и горкома ВКП(б) закончило 288 чел. Все окончившие учебу были направлены на партийную и комсомольскую работу в городе и в районы области. Секретарями горкома и райкомов стали 6 чел., зав. отделами горкома и райкомов — 24, пропагандистами и инструкторами райкомов — 102, секретарями первичных парторганизаций — 80 чел.⁸³

В сентябре был проведен новый набор в школу — 353 чел. В соответствии с решением ЦК, в высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) было направлено 35 чел., из них 6 чел. — отличников — слушателей партийной школы обкома и горкома и 4 получили места в аспирантуре высшей партийной школы при ЦК⁸⁴.

В 1946 г. в двухгодичную областную партийную школу распределение получили 129 чел., 61 был направлен на курсы

⁸⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 238.

⁸¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 577. Л. 25.

⁸² Там же. Л. 27.

⁸³ Там же. Л. 28.

⁸⁴ Там же.

переподготовки при этой школе. 11 секретарей райкомов, председателей райисполкомов и заведующих отделами горкома ВКП(б) зачислены в ВПШ при ЦК ВКП(б), 145 чел. занимались в заочной высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)⁸⁵.

Горком занимался также проверкой качества обучения и состояния дисциплины слушателей системы партийного обучения. Проведенные проверки показывали, что многие слушатели партийных школ относились к занятиям недобросовестно. Такое положение заставило принять ряд мер, направленных на усиление контроля над учебой руководящих работников, о чем свидетельствуют отчеты отдела кадров горкома: «Вопрос о состоянии учебы в высшей заочной партийной школе руководящих работников Свердловского и Октябрьского райкомов был вынесен на обсуждение бюро горкома, где руководители этих райкомов получили серьезное предупреждение. <...> на обсуждение пленума горкома ВКП(б) был вынесен вопрос о состоянии работы по идейно-политическому воспитанию партийных кадров и интеллигенции в Куйбышевском и Октябрьском райкомах ВКП(б)»⁸⁶.

Наряду с мероприятиями по обучению партработников предпринимались и ограничительные меры кадрового характера. Как уже упоминалось, по крайней мере с 1946 г. действовал негласный запрет на прием на работу в партаппарат Ленинграда и повышение в должности работников без высшего образования.

Данные об образовательном уровне партийного аппарата приводятся в табл. 8–13.

Таблица 8

Образовательный уровень работников горкома и райкомов Ленинграда на 1941 г. (доля работников с данным образовательным уровнем в %)

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее (начальное)
Аппарат ГК	59,8	4,1	18,3	9,5	8,3
Аппарат РК	28,4	2,5	33,9	10,9	24,2

⁸⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 676. Л. 13.

⁸⁶ Там же. Л. 14.

Таблица 9

**Образовательный уровень работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1945 г. (%)**

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее (начальное)
Аппарат ГК	67,4	7,0	22,7	1,2	1,7
Аппарат РК	39,8	5,3	37,2	11,5	6,2

Таблица 10

**Образовательный уровень работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1946 г. (%)**

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее (начальное)
Аппарат ГК	68,9	7,6	18,6	3,3	1,6
Аппарат РК	37,6	7,8	35,1	15,7	3,8

Таблица 11

**Образовательный уровень работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1947 г. (%)**

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее (начальное)
Аппарат ГК	73,9	7,2	14,7	3,7	0,5
Аппарат РК	47,8	7,7	32,0	8,6	3,9

Таблица 12

**Образовательный уровень работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1948 г. (%)**

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Низшее (начальное)
Аппарат ГК	77,6	6,8	12,5	2,6	0,5
Аппарат РК	43,3	10,2	35,3	8,8	2,4

Таблица 13

**Образовательный уровень работников горкома и райкомов
Ленинграда на 1 января 1949 г. (%)**

Организация	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее и начальное
Аппарат ГК	77,9	5,8	12,8	3,5
Аппарат РК	42,9	11,1	34,2	11,8

Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 928. Л. 47–50, 58; Д. 797. Л. 17–19; Д. 850. Л. 1–79; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 3–5.

Следует отметить, что в группе секретарей райкомов образовательный уровень был существенно выше, чем в среднем по аппарату райкомов. В 1948 г. из 21 первого секретаря райкомов высшее образование было у 19 чел., что составляет 90,5 %. Среди остальных 41 секретаря высшим и неполным высшим образованием обладали 32 чел., или 78 %. В то же время в справке, подготовленной горкомом в начале 1949 г., отмечалось, что «общий процент [работников] с высшим образованием среди работников аппаратов райкомов ВКП(б) остается еще низким. Если [доля работников с высшим образованием] <...> среди заведующих отделами пропаганды и агитации — 77 %, то среди заведующих оргинструкторскими отделами — только 33,2 %»⁸⁷.

Кроме общих данных об образовательном уровне представляют интерес и данные о характере образования (специальности) работников партийного аппарата.

По данным на ноябрь 1947 г. из пяти секретарей горкома трое имели инженерную специальность, один — «инженер-экономист», один — «экономист». Из 13 заведующих отделами горкома законченное высшее образование имели 10 чел., из них по инженерным и экономическим специальностям — 8, один был специалистом по физкультуре и еще один — по дошкольному образованию. Из 15 заместителей заведующих отделами горкома с законченным высшим образованием 13 чел. были инженерами или экономистами, один — преподавателем истории партии и еще один — преподавателем педагогики⁸⁸. Из 15 заведующих секторами (высшее образование у всех) — 6 инженеров, 5 экономистов, 2 юриста, 1 историк и 1 театровед.

Низшая категория работников партаппарата — инструкторы — была наиболее многочисленной: из 118 работников 75 чел. имели высшее образование. Полученные специальности распределялись следующим образом: 50 инженеров,

⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 4.

⁸⁸ Там же. Оп. 7. Д. 900. Л. 22–23.

11 экономистов, 7 педагогов, 3 историка, четверо имели другие специальности.

В целом в аппарате горкома явно преобладали инженеры: из 125 работников, имеющих высшее образование, инженеров технических специальностей было 69 чел., инженеров-экономистов, экономистов и товароведов — 25, педагогов — 15⁸⁹.

Из 672 чел., работавших в аппарате райкомов, 290 имели высшее образование, 119 — среднее специальное, 177 — среднее и 86 — либо неполное среднее, либо начальное. Из имевших высшее образование 104 чел. были инженерами различных специализаций, 43 — экономистами и 76 — педагогами. Из 63 секретарей высшее образование получили 55 чел., практически все остальные (кроме одного) имели среднее или среднее специальное образование.

Как уже отмечалось, меры по повышению уровня образования партработников приносили результаты. Анализируя прошедший период, секретарь Ленинградского горкома по кадрам Г. Т. Кедров в феврале 1948 г. привел следующие данные: «В составе руководящих партийных работников высшее и незаконченное высшее образование имеют 71,4%, среднее образование — 20,8%, незаконченное среднее — 5,8% и начальное образование всего 2%. Так, например, из числа 63 секретарей районных комитетов партии мы имеем 47 с высшим и незаконченным высшим образованием, 14 со средним образованием. Многие из них получили высшее образование, закончив заочную высшую партийную школу»⁹⁰.

Представляет интерес сравнение образовательного уровня партработников Ленинграда с аналогичными характеристиками для других регионов.

В 1946 в парторганизации Украины процент работников с высшим образованием среди различных должностных групп был следующим: секретари обкомов партии — 47,0, зав. отд. обкомов — 46,7, инструкторы обкомов — 27,7, секретари горкома

⁸⁹ Там же. Д. 829. Л. 20, 25–32.

⁹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 6487. Л. 193.

и райкомов — 14,3, заведующие отделами горкома и райкомов — 14,6, инструкторы горкома и райкомов — 5,1 %⁹¹.

В Северо-Западном регионе образовательный уровень партработников был еще ниже. По данным 1947 г., число инструкторов горкома и райкомов Вологодской области без среднего образования составляло 54,3, со средним образованием — 42,4, секретарей горкома и райкомов — 48,2 и 42,4 % соответственно. Даже в 1953 г. среди секретарей горкома и обкома было 28,5 % без высшего образования⁹².

В Тюменской области, по данным на 1 января 1948 г., образовательный уровень работников райкомов партии характеризовался следующими показателями: высшее образование имели 5,3, неполное высшее — 6,7, среднее — 49,3, не имели среднего образования — 38,7 %. При этом среди секретарей райкомов не было среднего образования у 52 % чел. В Новосибирской области среди секретарей горкомов и райкомов образование «ниже среднего» имели 43,3 % руководителей⁹³.

В Молотовской, Свердловской и Челябинской областях в 1945–1946 гг. инструкторов горкомов и райкомов партии с высшим и незаконченным высшим образованием было всего 7,4–7,6 % от всего их числа, со средним образованием — 32–38 %, а с незаконченным средним и начальным — 54–60 %⁹⁴.

В целом по стране образовательный уровень партработников среднего звена характеризовался следующими данными (на 1946 г.). Среди первых секретарей райкомов было 12,2 %

⁹¹ Горбул А.Д. Научные основы кадровой политики КПСС. М.: Высшая школа, 1989. С. 100.

⁹² Бондаренко С.Я. и др. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. С. 161–162.

⁹³ Коновалов А.Б. Повседневные управленческие практики городских и районных номенклатурных кадров Западной Сибири в период «позднего сталинизма» // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2018. С. 474–475.

⁹⁴ Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. С. 141.

работников с высшим образованием, 40,3 — со средним образованием и 47,5 % — с незаконченным средним или начальным образованием⁹⁵.

Данные по *стажу пребывания в партии* работников партаппарата приводятся в табл. 14–16.

Таблица 14

Партийный стаж (год вступления в партию) работников аппаратов горкома и райкомов на 1941 г. (в %)

Организация	1921–1929	1930–1940
Аппарат ГК	48,5	45,6
Аппарат РК	41,7	54,0

Таблица 15

Партийный стаж (год вступления в партию) работников аппаратов горкома и райкомов на 1947 г. (в %)

Организация	До 1926	1926–1929	1930–1940	Позже 1940
Аппарат ГК	10,0	22,2	48,9	18,9
Аппарат РК	5,3	22,0	50,2	22,5

Таблица 16

Партийный стаж (год вступления в партию) работников аппаратов горкома и райкомов на 1949 г. (в %)

Организация	До 1926	1926–1929	1930–1940	Позже 1940
Аппарат ГК	7,6	14,6	48,5	29,3
Аппарат РК	5,6	14,1	43,6	36,7

Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 928. Л. 49–50, 52, 58; Д. 577. Приложение. Л. 1–9; Д. 797. Л. 9, 23; Д. 850. Л. 1–79; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 3–4.

Партийный стаж руководящих работников ленинградского горкома был относительно одинаков. По данным конца 1947 г., в группе руководства из 34 чел. (от секретарей горкома до зам. зав. отделами) 27 вступили в партию в период с 1925 по 1938 г., двое — в 1919, четверо — в 1939 и только

⁹⁵ *Сторожев Я.* Воспитание кадров на практической работе. С. 10.

один — в 1942 г.⁹⁶ Большинство (79,4 %) ленинградских партийных руководителей периода 1945–1948 гг. стали членами ВКП(б) во время борьбы с различными оппозициями и «уклонами» и успешно прошли период «большой чистки» 1930-х гг.

Из этого можно сделать по крайней мере три заключения.

Во-первых, они активно участвовали в становлении сталинской системы партийного и государственного управления. Эта система была для них естественной и привычной, они прекрасно разбирались в сложившихся «правилах игры».

Во-вторых, все они давно были приучены следовать за «генеральной линией», так как прекрасно знали, чем может кончиться малейшее отступничество.

В-третьих, практически у каждого из них можно было найти в биографии компрометирующие связи с людьми, обвиненными в участии в различного рода «контрреволюционной деятельности».

Доля женщин в аппаратах горкома и райкомов приведена в табл. 17.

Таблица 17

Доля женщин в аппаратах горкома и райкомов (в %)

Организация	1941	1945	1946	1947	1948	1949
Аппарат ГК	21,3	41,8	34,4	33,2	31,2	31,0
Аппарат РК	30,0	51,1	34,3	36,9	37,1	37,1

Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 577. Л. 7–8; Д. 676. Л. 6–10; Д. 797. Л. 10; Д. 928. Л. 47–50, 52, 58; Д. 703. Л. 2; Д. 797. Л. 17; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 3–5.

Эти данные показывают, что за период 1945–1948 гг. количество женщин в аппарате сокращалось. Та же самая картина характерна и для партийной организации в целом. С 1945 по 1952 г. доля женщин в ЛПО уменьшилась с 51 до 32,4%. Это связано

⁹⁶ В других регионах число работников аппарата, вступивших в партию до 1930 г., было аналогичным. Например, среди секретарей Архангельского обкома 77,7 % вступили в партию до 1932 г. (*Бондаренко С.Я. и др.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. С. 184).

с общей половозрастной ситуацией того периода в Ленинграде. После войны демобилизовалось значительное количество мужчин. Вернулись также и эвакуированные работники многочисленных предприятий. В порядке организованного набора для восстановления города прибывали также по большей части мужчины.

Сравнительно большая (от 30 до 40 %) доля женщин не совсем точно отражает их реальное участие в руководящей работе. Большинство из них занимали иерархически низовые, исполнительские должности, в первую очередь — инструкторские.

Среди руководящих партийных работников по данным на конец 1947 г. было всего 4 женщины: В. П. Дмитриева — зав. отделом школ горкома (одна из 13 зав. отделами), Е. И. Барыкина — зам. зав. отделом кадров горкома (одна из 17 зам. зав. отделами), Т. В. Закржевская — 1-й секретарь Куйбышевского райкома (одна из 21), Л. Г. Орехова и А. И. Галина — 2-е секретари Петродворцового и Фрунзенского райкомов (две из 41 2-х и 3-х секретарей райкомов или, как называли их в описываемый период, из числа «младших секретарей»)⁹⁷.

Среди низового звена партаппарата — секретарей первичных организаций — доля женщин составляла 26,3 %.

Количество женщин среди руководящих партийных работников не было пропорционально их числу ни в партии, ни среди городского руководства. В ВКП(б) в целом (по данным 1948 г.) было около 18 % женщин.

Доля женщин среди руководителей и специалистов Ленинграда была большой, что объясняется потерями в недавно закончившейся войне. Можно сказать без преувеличения, что большинство отраслей города работало благодаря женскому труду. Женщины составляли 44,7 % специалистов с высшим образованием и 64,8 % работников со средним специальным образованием. Среди руководителей и специалистов в научных учреждениях было 54,5 % женщин, в высших и средних специальных учебных заведениях — 39,9 %, в проектно-конструкторских

⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 127.

организациях — 36,6%, в промышленности — 32,5%. В лечебно-профилактических учреждениях из 26 109 руководителей и специалистов 23 813, или 91,2% были женщины⁹⁸.

Вопрос представительства женщин среди партийного руководства неоднократно поднимался на самых высоких уровнях. На совещании, посвященном кадровой работе, секретарь ЦК А.А. Кузнецов прямо указывал: «За последние годы произошло резкое снижение женщин на руководящей <...> работе. Это недопустимое явление. <...> в ближайшее время ЦК партии специально будет заниматься этим вопросом. <...> мы скоро вам предъявим требование, чтобы в составе секретарей райкомов были женщины. Что касается состава секретарей обкомов, обязательно один из секретарей, а то и два будут женщины. Вот и подбирайте»⁹⁹.

В начале 1948 г. ЦК направило в ленинградский горком ВКП(б) письмо с выводами, сделанными по результатам обследования кадровой работы в Ленинграде. В нем, в частности, говорилось: «Горком и районные комитеты партии допустили неправильное отношение к выдвижению женщин на руководящую работу. Количество женщин на руководящей работе в партийных, советских и хозяйственных организациях за последнее время не только не увеличилось, но и, наоборот, сократилось. В 1947 г. число ответственных работников женщин, по сравнению с 1946 г., уменьшилось. Из 429 человек, выдвинутых на руководящую работу, женщин только 36 человек, или 8,3%»¹⁰⁰.

В постановлении пленума ленинградского горкома по этому вопросу говорилось: «В числе руководящих партийных, советских и хозяйственных работников в 1945 году было 34% женщин, в 1947 году — 26%»¹⁰¹. В качестве мер по исправлению положения было предложено следующее: «<...> обратить особое внимание на усиление выдвижения женщин на руководящую партийную, советскую, профсоюзную и хозяйственную работу,

⁹⁸ Подсчитано по данным: ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5496. Л. 60–89. См. также: *Болдовский К.А.* Социальный состав...

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 79.

¹⁰⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 236.

¹⁰¹ Там же. Д. 6492. Л. 109.

выращивая из наиболее подготовленных и способных женщин партийных, общественных и государственных деятелей»¹⁰².

После неоднократных указаний ЦК в 1948 г. были приняты меры по увеличению прослойки женщин, но только на таких относительно маловлиятельных должностях, как 2-е секретари райкомов и секретари райкомов по кадрам. Число женщин среди них было резко увеличено (с 2 до 15 из 42 чел.). Некоторые районы (например Куйбышевский) традиционно считались «женскими» и райкомы в них продолжительное время возглавляли именно женщины. Хотя это и не было установлено официально, но подразумевалось, что, поскольку в этих районах значительно больше организаций науки и культуры, чем промышленных предприятий, то женщинам там руководить будет легче.

Первая (и единственная в описываемый период) женщина-секретарь горкома (Е. Д. Антошкина) появилась только в 1950 г., когда после разделения функций с обкомом полномочия горкома несколько снизились.

Забота о представительстве женщин в руководстве носила явно показной характер и представляла собой своеобразное «социальное конструирование», проводимое по требованию вышестоящих инстанций, поскольку, как только речь заходила о должностях с реальной властью, женщин считали неспособными справиться с такой ответственностью.

В других регионах РСФСР (кроме находившихся в оккупации или в зоне боевых действий в годы войны) динамика численности женщин в руководящем аппарате несколько отличалась от ленинградской. В годы войны процент женщин был очень высок, особенно среди работников низших уровней¹⁰³. К концу войны и в первые послевоенные годы это число стало стремительно уменьшаться, что объяснялось возвращением из армии большого количества мужчин. Например, в партийных органах Урала

¹⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 263.

¹⁰³ Например, в партийных структурах Вологодской области на низших и средних ступенях партаппарата в 1944 г. было 69 % женщин (*Бондаренко С.Я. и др.* Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. С. 101).

в 1945–1947 гг. женщин заменяют пришедшими с фронта мужчинами. В это время их доля, которая составляла не менее половины от числа всех работников аппарата партийных органов, сократилась более чем в два раза¹⁰⁴. В Ленинграде процент женщин среди партийных работников оставался почти постоянным, что свидетельствует о стабильности кадровой группы партруководителей в военные и первые послевоенные годы, вплоть до 1949 г.

Национальный состав партийных и советских руководящих органов был практически однородным. По данным 1947 г., в горкоме партии работало 92,0 % русских, 4,6 — украинцев и 2,3 — евреев. При этом практически все евреи находились на самых низких ступенях иерархической лестницы — среди инструкторов и лекторов (всего в аппарате горкома работало 4 еврея: 2 лектора, один инструктор и зав. сектором информации оргинструкторского отдела). Национальный состав работников райкомов выглядел следующим образом: русских — 93,6, евреев — 2,3, украинцев — 1,8 %¹⁰⁵. В аппаратах Ленгорисполкома и Леноблисполкома: 92 % русских, 3,2 евреев, 1,6 украинцев. Среди работников аппаратов райисполкомов было 93,3 % русских, 3,3 евреев и 0,8 украинцев¹⁰⁶. По национальному составу руководящих работников Ленинград мало отличался от других областей РСФСР. Например, по данным 1947 г. среди руководящих работников обкома партии Свердловской области было 82,5 % русских, 10 — украинцев, 7,5 — евреев, а в Челябинской области 79,5 % русских, 7,6 — украинцев, 7,6 — белорусов и 5,1 — евреев¹⁰⁷.

Следует отметить, что процент евреев среди работников партийного аппарата отнюдь не отражал количество представителей этой национальности ни среди членов ЛПО, ни среди

¹⁰⁴ Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. С. 144.

¹⁰⁵ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 158–159.

¹⁰⁶ ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5496. Л. 103–104. См. также: Болдовский К.А. Социальный состав...

¹⁰⁷ Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. С. 256.

кадров номенклатуры горкома и райкомов города, ни среди руководящих работников города в целом.

По данным единовременного учета руководящих работников и специалистов с высшим образованием, проведенного в ноябре 1947 г., Ленинград занимал второе место (после Москвы) среди всех регионов СССР по количеству евреев в этих социальных группах. Среди членов партии в Ленинграде даже в 1953 г., т.е. после проведения чисток номенклатурных кадров по национальному признаку, евреи составляли более 8% и являлись второй по численности национальной группой.

Число евреев среди работников номенклатуры горкома было следующим: 9,2% в 1945 г., 8,8 — в 1947 и 7,3 — в середине 1949, а по номенклатуре райкомов — 10,7% в 1945 г. и 10,3 — в 1947.

Следует отметить, что такое несоответствие (в отличие от несоответствий по другим группам) ни разу не становилось предметом внимания в ЦК. Напротив, есть все основания полагать, что данные учета 1947 г. стали для партийного руководства одним из аргументов при поведении национальных чисток в 1949–1953 гг.

Сведения по национальному составу партаппарата показывают, что в период 1941–1948 гг. шло вытеснение евреев из состава работников партаппарата. При этом нет оснований говорить о заметном вытеснении работников этой национальности с других руководящих («номенклатурных») постов. Кампания по снятию евреев с руководящих номенклатурных постов началась с 1949 г. и продолжалась до 1953.

Интересно также проанализировать данные по *материальному обеспечению* партработников, и сравнить их достаток с положением остального населения страны.

До 1946 г. заработная плата руководящих работников партаппарата регламентировалась двумя постановлениями Политбюро ЦК: «О заработной плате секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, горкомов и окружкомов ВКП(б)» от 11 октября 1938 и «О заработной плате секретарей райкомов ВКП(б) и зав. отделами горкомов, окружкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» от 26 июня 1939 г.

Во время Великой Отечественной войны, 12 июля 1943 г., было принято постановление СНК СССР «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций» № 757-224/с. Это постановление устанавливало для указанных категорий работников не только дополнительное продовольственное снабжение, но и снабжение промтоварами за счет средств местных бюджетов, отпускаемых на бытовое обслуживание.

К маю 1946 г. ежемесячные зарплаты работников горкома были следующими: 1-й и 2-й секретари обкома получали 2000 руб., остальные 3 секретаря — по 1800. Заведующий отделом получал 1600 руб., зам. зав. отделом — 1400, зав. сектором — 1250, инструктор горкома — 1050 руб.¹⁰⁸

7 мая 1946 г. Секретариат ЦК поручил комиссии под председательством А. А. Кузнецова подготовить для ЦК предложения по улучшению материального снабжения работников партаппарата.

Уже через 6 дней управляющий делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупин направил секретарю ЦК Кузнецову докладную записку, содержащую информацию о материальном положении партийных работников и предложения по его улучшению¹⁰⁹. В ней детально разбирались меры по совершенствованию механизма снабжения работников партаппарата. Заработную плату предлагалось увеличить в среднем на 50 %. Это мотивировалось тем, что зарплата ответственных работников в госучреждениях, министерствах и ведомствах превышает оплату труда партработников.

Однако эти предложения не были воплощены в жизнь. Зарплаты партработникам были повышены незначительно, по данным января 1948 г., зав. секторами и инструкторы стали получать на 100 руб. в месяц больше, остальные оклады работников горкома Ленинграда оставались прежними¹¹⁰.

¹⁰⁸ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 3. Д. 1630. Л. 1–87.

¹⁰⁹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 143–152.

¹¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 3. Д. 1879. Л. 1–12.

Следует отметить, что размер заработной платы не являлся единственной характеристикой материальной обеспеченности. В условиях послевоенной карточной системы снабжения, существовавшей из-за повсеместной нехватки первоочередных промышленных и продовольственных товаров, денежное обеспечение было важной, но далеко не основной характеристикой материального положения. Не менее значимой была возможность дополнительного получения продовольствия и промтоваров.

В области продовольственного снабжения ситуация была следующей: постановление СНК СССР от 12 июля 1943 г. разделило партработников на 3 категории. К первой (высшей) категории относились: секретари горкомов и обкомов, зав. отделами и зам. зав. отделами обкомов. Ко второй: зав. секторами и инструкторы обкомов, зав. и зам. зав. отделами горкомов и городских райкомов. К третьей категории принадлежали зав. секторами, инструкторы, лекторы и пропагандисты горкомов и городских райкомов.

Управление делами ЦК предлагало повысить нормы питания для 2-й и 3-й категорий по сравнению с довоенной и военной ситуацией. Для примера приведем предлагавшиеся нормы снабжения продовольственными товарами для 2-й категории партработников. В 1946 г. дополнительно к продовольственным карточкам им предлагалось выдавать в месяц: мяса или рыбы — по 6 кг, жиров — 1 кг, сахара и кондитерских изделий — 2,4 кг, крупы или макарон — 5 кг¹¹¹. Для сравнения: в 1946 г. норма отпуска для детей до 12 лет составляла (в месяц, в кг): мясо или рыба — 0,4, жиры — 0,3, крупа или макароны — 0,3, сахар — 0,3; студенты вузов получали по карточкам 500 г в хлеба в день и некоторые другие продукты, но в очень небольших размерах¹¹².

Литерное питание для «привилегированных» работников распределялось следующим образом: питание 1-й категории

¹¹¹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 146.

¹¹² Попов В.П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953. М., 2000. С. 125.

получали от 30 до 40 руководящих работников горкома, 6 секретарей горкома ВЛКСМ. На уровне районов литературным питанием 1-й категории обеспечивались: 1-й, 2-й и 3-й секретари райкома ВКП(б), председатель райисполкома, районный прокурор, начальники районных отделов НКВД и НКГБ¹¹³.

Питание 2-й категории получали около 60 работников горкома, а в районных структурах такими пайками обеспечивались: зав. отделами, 1-е секретари райкомов ВЛКСМ, зам. председателей, секретари и зав. отделами райисполкомов¹¹⁴.

Литерное питание 3-й категории получали примерно 70 работников горкома партии, 20 — исполкомов райсоветов, около 400 работников РО МВД и МГБ¹¹⁵.

Промтоварное снабжение осуществлялось на основе «лимитов», т. е. денежных сумм, в размере которых соответствующие категории работников получали промтовары для личного пользования. Существовало 6 категорий партийных должностей, начиная от секретарей обкомов, которые получали лимит на 2000 руб. в квартал, до зав. секторами, инструкторов и пропагандистов городских райкомов с лимитом в 750 руб. в полугодие¹¹⁶.

Кроме обеспечения постоянных «лимитов» проводились разовые мероприятия по снабжению работников аппарата различными дефицитными товарами. Характерным является распоряжение председателя исполкома Леноблсовета Н. В. Соловьева от 14 июня 1945 г. о распределении импортной шерстяной ткани. 800 м ткани предполагалось распределить следующим образом: 1-м секретарям райкомов партии и председателям райисполкомов (82 чел.) — 240 м бостона для пошива костюмов и 205 м драпа для пальто; зав. отделами и начальникам управлений Леноблисполкома (20 чел.) — соответственно 60 и 38 м, работникам обкома партии (25 чел.) — 57 и 63 м, секретарям райкомов ВЛКСМ

¹¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 15. Д. 107. Л. 15.

¹¹⁴ Там же. Л. 26.

¹¹⁵ Там же. Л. 41.

¹¹⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 148.

(31 чел.) — 78 м драпа¹¹⁷. Резким контрастом выглядит постановление облисполкома от 21 июня 1945 г., согласно которому торговый отдел должен был «обеспечить продажу на месте по пять метров хлопчатобумажной ткани многодетным матерям, награжденным орденами и медалями при получении ими наград»¹¹⁸. Разница между тремя метрами добротной теплой материи, выдаваемой одному человеку, и пятью метрами тонкой ткани, полученными многодетной семьей, представляется очевидной.

Технология снабжения руководящих работников партии существенно изменилась после денежной реформы, проведенной в декабре 1947 г., и отмены карточной системы. Была проведена, употребляя современный термин, «монетизация льгот».

23 декабря 1947 г. было разослано директивное письмо СМ СССР и ЦК ВКП(б) № 1150¹¹⁹. В нем предлагалось с 1 января 1948 г. «отменить <...> действующий порядок бесплатного отпуска продовольствия и промтоваров (продовольственные и промтоварные лимиты), прекратить расходование средств из фонда улучшения социально-бытового обслуживания на бесплатный отпуск продуктов на дачи и другие виды бесплатной выдачи продовольствия и промтоваров руководящим советским и партийным работникам». Вместо этого вводилось «временное денежное довольствие» — выплаты в размере двух-трех месячных окладов ежемесячно дополнительно к заработной плате. Так появились знаменитые «сталинские пакеты». Дополнительной привилегией стало освобождение руководящих работников от обязанности уплачивать с суммы «временного денежного довольствия» налоги, выплаты по подписке на государственные займы (доходившие в то время до 15–20% зарплаты) и даже партийные взносы.

Следует отметить, что, согласно информации управления делами ЦК, переход на денежное довольствие часто

¹¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 15. Д. 107. Л. 76.

¹¹⁸ Там же. Л. 78.

¹¹⁹ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): В 6 т. Т. 2: 1946–1985. Челябинская область. Документы и материалы. Челябинск: Книга, 2006. С. 74–75.

оборачивался значительным увеличением расходов на содержание аппарата. Например, зав. отделами обкома, ранее получавшие бесплатное продовольственное снабжение на сумму 300 руб. в месяц, теперь стали получать довольствие в размере 3750 руб. в месяц.

Тогда же, в конце декабря 1947 г., ЦК ВКП(б) на основании постановления Политбюро ЦК от 29 декабря 1947 г. установили с 1 января 1948 г. новые ставки заработной платы для руководящих партийных и советских работников.

Для Ленинграда эти ставки составляли (в руб. в мес.):

Первый секретарь горкома	2000;
Второй секретарь горкома	2000;
Секретари горкома и зав. отделами горкома	1800;
Зам. зав. отделами горкома	1400;
Зав. сектором в отделе горкома	1250;
Лектор горкома	1250;
Технический секретарь в приемной секретаря горкома	550;
Первые секретари райкомов	1800;
Вторые секретари райкомов	1600;
Секретари райкомов по кадрам	1500;
Зав. отделами райкомов	1400;
Зам. зав. отделом райкомов	1200;

Инструкторы отделов горкома получали 1150 руб. в мес., а инструкторы отделов райкомов — 1100¹²⁰.

Эти ставки с незначительными изменениями сохранялись вплоть до 1953 г.

Ежемесячная зарплата парторга ЦК составляла 2000 руб. Столь высокие ставки (на уровне первых секретарей обкомов) для этой категории партработников были введены по указанию И. В. Сталина для того, чтобы обеспечить их независимость от руководителей предприятий и избежать «сращивания» и прямого подкупа¹²¹.

¹²⁰ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 43. Д. 68. Л. 36, 45; Оп. 74. Д. 3. Л. 77; Д. 5. Л. 5–7; Ф. 24. Оп. 43. Д. 217. Л. 7.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 156.

Зарплата освобожденных секретарей парторганизаций зависела от величины зарплат директоров этих предприятий и составляла обычно 75% от окладов руководителей предприятий, секретарь парторганизации крупного предприятия получал 1400–1700 руб. в месяц; зам. секретаря в такой же организации — около 1200 руб. в месяц¹²²; секретарь небольшой организации (к примеру, районного треста столовых или артели) — 825 рублей¹²³. Кроме этого, секретари парткомов на предприятиях претендовали на различные премии и надбавки, что существенно увеличивало их доходы.

Дополнительно к зарплате всем ответственным работникам партийного аппарата выдавалась «дотация на бытовое обслуживание» в размере 80 руб. в месяц¹²⁴, а также доплаты за выслугу лет.

Работники горкома и обкома обеспечивались бесплатными проездными документами¹²⁵.

К отпуску выдавалось «лечебное пособие» в размере 75% ежемесячного оклада¹²⁶.

Для сравнения уровня зарплат можно привести следующие данные: средняя зарплата рабочих в Ленинграде составляла 489 руб. в марте 1945 г., 735 — в марте 1947 г., 784 — в сентябре 1949 г.¹²⁷. В сентябре 1950 г. средняя зарплата промышленных рабочих составляла 804, а строительных рабочих — 676 руб.¹²⁸. Завуч школы получал ежемесячно около 550 руб. в месяц, учитель — 488, библиотекарь (в системе горкома партии в 1952 г.) — 410¹²⁹. В 1946 г. в среднем по стране

¹²² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 43. Д. 68. Л. 33, 39.

¹²³ Там же. Л. 37.

¹²⁴ Там же. Оп. 74. Д. 5. Л. 2.

¹²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 43. Д. 217. Л. 1–4.

¹²⁶ Там же. Л. 7.

¹²⁷ Дубин А. С., Лебедева Н. Б. Материалы Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области как источник по истории рабочих Ленинграда (1945–1955 гг.) // История рабочего класса Ленинграда. Сборник статей. Вып. 1 / Отв. ред. В. А. Овсянкин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 223.

¹²⁸ История рабочих Ленинграда. Т. 2. С. 343.

¹²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 43. Д. 68. Л. 25.

месячная заработная плата составляла: у 5,6% — до 100 руб., у 19,9% — до 200 руб., у 17,5% — до 300 руб., у 15,4% — от 301 до 400 руб., у 11,6% — от 401 до 500 руб., у 8% — от 501 до 600 руб.¹³⁰

В то же время величина заработной платы научных, преподавательских и инженерных кадров (особенно с учеными степенями) была существенно выше. В 1949–1950 гг. доцент, кандидат наук, работавший в вузе, зарабатывал около 3200 руб. в месяц¹³¹. Ассистент без ученой степени, работавший на кафедре вуза, получал 1150 руб. в месяц¹³².

Как уже указывалось, для работы в партаппарате Ленинграда привлекались в первую очередь люди с высшим образованием. Потери в заработной плате, которые они ощущали при переходе с научной или инженерной работы в партийные структуры (прежде всего на иерархически низкие должности) неоднократно становились предметом обсуждения на совещаниях руководства. В феврале 1947 г. на совещании в горкоме ВКП(б) отмечалось: «<...> материальные условия привели к тому, что инженер, которого можно было бы выращивать на заместителя секретаря парткома, не проявляет особого рвения, чтобы идти на эту работу»¹³³. В марте 1948 г. во время совещания секретарей по кадрам обкомов и крайкомов в ЦК вопрос о заработной плате партийных работников низшего звена был задан секретарю ЦК А. А. Кузнецову. Он согласился с тем, что проблема действительно важна: «...здесь существует у нас некоторая ненормальность» и пообещал «рассмотреть этот вопрос отдельно в ЦК»¹³⁴.

Следует отметить, что доступ к денежному довольствию («пакетам») получали работники лишь определенного уровня — от заместителей заведующих отделами горкома и выше. Работники ниже их по статусу «пакетов» не получали.

¹³⁰ Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. С. 126.

¹³¹ Воспоминания Т. Т. Ермолаевой (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 389а. Л. 13).

¹³² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 70. Д. 219. Л. 154.

¹³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 17.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 107.

Резкая разница в материальном положении между двумя группами партработников вызывала рост скрытого недовольства в инструкторской среде, которое проявлялось, как только появлялась возможность безнаказанно об этом сказать. При смене руководства города в 1949 г. выпал такой случай и недовольные им немедленно воспользовались. В ходе собрания парторганизации аппарата горкома по этому поводу было высказано немало упреков и жалоб:

Мне кажется, что мы нарушаем Устав ВКП(б) по уплате членских взносов. Считаю неправильным исключение из суммы заработка дотации, получаемой партийными работниками» (Григорьев, отдел машиностроения горкома);

Почему секретари горкома ВКП(б), зав. отделами не платят партвзносов со всей зарплаты? Ведь они обманывают партию. Это с нехорошей стороны характеризует лицо партийных руководителей (Иванов, отдел ППКО горкома)¹³⁵.

О положении инструкторов свидетельствует и письмо жены одного из них, направленное на имя первого секретаря горкома и обкома В. М. Андрианова:

<...> инструктору установлена зарплата 1150 руб. На такую зарплату семье из 3-х человек жить тяжело. Семье из 4–5 чел. просто невозможно <...>. Из указанных 1150 руб. удерживают: 35 р. — партвзнос; 11 р. — членский взнос, более 200 р. — подоходный налог и заем, 100 р. — квартплата <...> 804 р. остается на руки на семью в 4–5 чел. <...> в указанном отделе (отделе машиностроения горкома. — *Авт.*) работают товарищи все с высшим образованием, имеют большой производственный и партийный опыт работы. <...> эти товарищи <...> сидят в горкоме по 5 и более лет и по существу теряют свою техническую специальность и не видят перспектив ни технического, ни партийного роста. Все они имеют солидный возраст и 20–30-летний производственный стаж. <...> почему эти товарищи должны владеть такое жалкое существование? <...> Я, например, не могу своим детям

¹³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 12. Л. 42.

покупать сливочное масло, они едят маргарин, о себе не может быть и речи. Основное наше питание составляет картошка. Мы очень редко ходим в кино, годами не ходим в театр, т[ак] к[ак] это недоступно нам. Мы не имеем возможности обновить одежду, донашиваем последнее, что было ранее. Стыдно сказать кому-либо из знакомых, что мы так бедно живем, никто не верит, что коммунист, имеющий 20-летний партийный и <...> производственный стаж, не может прокормить жену и детей. <...> он не имеет возможности послать хотя бы 100 руб. в месяц своим престарелым родителям <...>. У упоминавшихся мною товарищей семьи состоят из 4–5 человек (жены вынуждены не работать, имея маленьких детей). Разве справедливо, когда зав. отделами получают по 5 с лишним тысяч рублей, <...> а их ближайшие помощники и опора — инструктора получают по 1 тысяче и владат жалкое существование? Почему такой колоссальный разрыв в зарплате? Они (инструкторы отдела машиностроения. — *Авт.*) могли бы быть на больших руководящих должностях и зарабатывать на пропитание семьи больше. Слов нет, работа в аппарате горкома ВКП(б) почетное дело, но полуголодное существование снижает этот почет <...>. Естественно, что среди инструкторов могут возникнуть недовольство и нездоровые настроения, если они не уверены, сыта семья сегодня или нет <...>. Если Вы не сможете оказать им помощь в горкоме ВКП(б), то Вы можете помочь им тем, что переведете их на другую работу: хозяйственную, партийную, советскую или какую угодно¹³⁶.

Об этих же проблемах говорится и в анонимном письме от «группы инструкторов», направленном руководству горкома: «Очень просим Вас переговорить с товарищем Сталиным относительно повышения уровня материального обеспечения инструкторского состава. <...> Заведующий (отделом горкома. — *Авт.*) получает зарплату больше инструктора в пять раз, его заместитель — в четыре. Работают они меньше инструкторов в 3–4 раза. Больше того, настолько чувствуют себя привилегированными, что черновую работу они считают оскорблением

¹³⁶ Там же. Л. 49 — 50 об.

для себя. <...>. Почему существует такая несправедливость? У нас в партии этого никогда не было. Этой несправедливости нет на советских предприятиях, в учреждениях. Почему такая несправедливая градация?»¹³⁷

Очередные отпуска начиная по крайней мере с 1949 г. первым секретарям райкомов предоставлялись только после принятия специального решения бюро горкома. После разделения полномочий между обкомом и горкомом партии решения об отпусках первых секретарей райкомов принималось в каждом отдельном случае сначала горкомом, а затем бюро обкома¹³⁸. При поездке на отдых руководящие работники получали путевки в санатории и дома отдыха за 20 % стоимости.

Материальное положение было, безусловно, важно для партийных работников. Однако более важным, по нашему мнению, было моральное удовлетворение от работы в партийном аппарате и обладания властными полномочиями. Исследовательница материальной обеспеченности правящих групп в России Т.С. Кондратьева при подготовке своей монографии провела большое количество интервью с бывшими руководящими работниками и членами их семей. Главный вывод, который она делает, заключается в том, что для «ответственных работников» самой главной привилегией было не улучшенное снабжение, а наличие различных «вертушек» — телефонов спецсвязи, т.е. ощущение приближенности к кругам высшей власти¹³⁹.

С выводом Т.С. Кондратьевой можно согласиться лишь частично. На наш взгляд, не следует сводить всю мотивацию исключительно к реализации властных амбиций. Следует отметить также, что большинство низовых работников партаппарата не ощущали никакой особой «близости к высшим кругам». Напротив, инструкторы постоянно жаловались

¹³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 12. Л. 51.

¹³⁸ См., напр., материалы заседания бюро обкома 18.04.52 (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 70. Д. 219. Л. 235–238).

¹³⁹ Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2009. С. 148–150.

на пренебрежительное отношение к себе, которое проявлялось даже в мелочах, что ярко выражено в их письмах и критических замечаниях:

К инструкторам со стороны секретарей горкома ВКП(б) отношение было пренебрежительное. <...> (инструктор отдела ППКО горкома);

Я однажды случайно попал в кино (речь идет о киносеансах для работников горкома в кинозале на первом этаже Смольного. — *Авт.*). Пропустили меня с трудом. Больше, разумеется, я не пойду, противно видеть эту кастовость. Что общего она имеет с партийностью! (инструктор отдела тяжелой промышленности горкома);

Несколько раз встречался в коридоре с т.т. Кедровым, Левиным, Бадаевым (секретари горкома в описываемый период. — *Авт.*). Разумеется, здоровался. Не отвечают (инструктор горкома);

Возмущают меня и многие другие порядки в горкоме ВКП(б). Общая столовая превратилась в Елисеевский магазин — противно видеть, когда идет по Смольному какой-нибудь секретарь райкома и наши высокие руководители, обвешавшись пакетами (Григорьев, инструктор отдела машиностроения горкома).

Общее мнение выразил один из низовых работников горкома: «Я ранее относился к Смольному как к святынищу, но когда пришел сюда работать — разочаровался. Я сам увидел и со слов товарищей, старших работников горкома ВКП(б), почувствовал здесь затхлость, формализм»¹⁴⁰.

Нам представляется, что немаловажным фактором, мотивирующим рядовых работников аппарата, было осознание ими своего личного, прямого участия в реализации задач «генеральной линии», в деятельности партии и верховной власти по управлению страной, направленной, по их мнению, на построение более разумного и справедливого общества. Точно, на наш взгляд, выразил это настроение современник описываемых событий,

¹⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 12. Л. 40–42.

поэт Б. А. Слуцкий: «Величье цели вызывало великую энергию. Я был внутри энергии, ее частицей был».

Важным показателем опытности работника партаппарата являлся *стаж пребывания на руководящей партийной работе*. В стаж входила работа на всех партийных постах, начиная с освобожденного секретаря парторганизации. У большинства руководящих работников горкома (секретари и зав. отделами) этот стаж составлял более 10 лет в конце 1946 г. По данным на 1947 г. у 12 из 20 первых секретарей райкомов был стаж руководящей работы больше 5 лет, а у 5 чел. стаж руководящей работы был более 2. Среди остальных секретарей райкомов (39 чел.) стаж больше 5 лет имели 17 чел. (44%), от 2 до 5 лет — 17 чел. (44%)¹⁴¹. Таким образом, чем ниже по иерархической лестнице стоял работник, тем меньше у него был опыт партийной работы.

Фактором, характеризующим опытность работника, является и его *стаж работы в данной должности*. По данным на конец 1947 г., эти показатели в аппарате горкома были следующими:

- в группе руководящих работников (секретари, зав. отделами и зам. зав. отделами): меньше 2 лет — 71 %, в том числе меньше года — 43 %;
- среди зав. секторами: меньше 2 лет — 67 %, в том числе меньше года 53 %;
- в группе инструкторов меньше 2 лет в одной должности работало 44 %, в том числе меньше года — 25 %;
- среди первых секретарей райкомов свой пост занимали меньше 2 лет 67 %, в том числе меньше года — 43 %¹⁴².

Еще одним важным показателем мобильности является *сменяемость* работников на данной должности или категории должностей.

Сменяемость кадров можно охарактеризовать такими данными:

¹⁴¹ Составлено по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 928. Л. 47–50, 52, 58; Д. 676. Л. 9–21; Д. 850. Л. 36–38; Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 1–4.

¹⁴² Подсчитано по данным: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 43 — 44 об.

в 1946 г.: по аппарату горкома 33 %, по аппарату райкомов — 58 %;

в 1947 г.: по аппарату горкома 26 %, по аппарату райкомов 40 %¹⁴³.

Сменяемость партийных кадров в Ленинграде была в целом такой же, как в других областях РСФСР. Например, в Свердловской области по данным 1947 г. этот показатель составлял 34,3 %, в Челябинской области — 33, в Молотовской области — 34¹⁴⁴.

Высокая сменяемость не давала работникам возможности освоить вверенные им участки и создавала трудности для их руководителей. Жалобы и упреки по этому поводу постоянно звучали на различных совещаниях, прежде всего от секретарей райкомов: «Наибольшим злом является большая текучесть. <...> прошло 2 ½ года, я с этого времени стал работать первым секретарем и вижу из товарищей, которые начали в это время работать, только 3–4 человека первыми секретарями. Некоторые товарищи работают уже в других районах. Я не представляю, что можно познать район, наладить работу, оставить какой-либо след в районе, проработав полтора года или год! По крайней мере, нужно, чтобы стабильность какая-то была. Это будет только для пользы дела»¹⁴⁵. Наиболее ярко жалобы на постоянные перемещения прозвучали в выступлении Г.М. Нестерова, 1-го секретаря Василеостровского райкома, который предложил даже ввести административное закрепление работников: «В значительной степени затрудняет работу аппарата райкома его частая сменяемость. <...> за 3 года в аппарате нашего райкома сменилось 64 чел., т. е. аппарат сменился по существу дважды, в том числе 4 секретаря райкома по кадрам, 5 заведующих оргинструкторского отдела, 4 инструктора оргинструкторского отдела по группе тяжелой промышленности, 6 инструкторов отдела кадров по группе советских и торговых кадров, 4 заведующих

¹⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 797. Л. 19.

¹⁴⁴ Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. С. 246.

¹⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 155.

сельскохозяйственным отделом. Высокая сменяемость партийного аппарата является <...> результатом большого перемещения работников в связи с переводом на другую работу и выдвижением. <...> секретарь райкома партии т. Сочилин проработал один года и был выдвинут вторым секретарем, потом первым Колпинского райкома партии, т. Журавлев проработал 10 месяцев и был направлен на учебу, т. Кунаев проработал 10 месяцев и был выдвинут на работу вторым секретарем <...>. Зав. оргинструкторским отделом Сироткина ушла на работу в горком партии; т. Боровая проработала 9 месяцев и была направлена в Литовскую ССР; Кузнецов проработал 10 месяцев и был выдвинут на руководящую комсомольскую работу, инструкторы райкома ВКП(б): Гниломедов проработал 8 месяцев, Кириллов 5 месяцев, Баранов 6 месяцев и все были выдвинуты или в аппарат горкома или на работу в другие области; таким образом, часто работник райкома партии не успевает ознакомиться с новым участком и тем более проявить свои способности <...>. В связи с большой сменяемостью партийных кадров возникает необходимость установить определенные условия при перемещении работников <...>. Мы вносим предложение установить такой порядок, при котором перемещение или передвижение в случае, если они удовлетворяют требованиям, может производиться только в том случае, если работник в данной должности проработал, например, 2–3 года»¹⁴⁶. Предложение Нестерова не получило поддержки, но в феврале 1948 г. на пленуме горкома текучесть была названа «одним из существеннейших недостатков в работе с руководящими кадрами»¹⁴⁷.

Немаловажным фактором являлась *направленность* кадровых перемещений.

Для того чтобы оценить, являлось то или иное перемещение аппаратного работника повышением или понижением, необходимо рассматривать по меньшей мере три главных показателя: должностной, системный и территориальный.

¹⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 139–140.

¹⁴⁷ Там же. Л. 199.

Должностной показатель подразумевал повышение или понижение в иерархической системе, где должности в различных сферах деятельности приравнивались друг к другу. Переход с должности заместителя заведующего отделом горкома на работу второго (или первого) секретаря райкома считался либо повышением, либо равнозначным перемещением. Также приравнивались должности второго или третьего секретаря райкома и председателя райисполкома.

Системный показатель позволял сравнивать должности в разных структурах. Наивысшим по значимости считался партийный аппарат, следом за ним шел аппарат Советов и только затем хозяйственный.

Территориальный показатель сравнивал должности по расположению места работы. Естественно, что наиболее престижным считалось максимальное приближение к центру либо к более крупному, значимому району. Например, назначение в Курортный или Пушкинский районы, в которых не было крупных предприятий, а численность населения была сравнительно мала, считалось непрестижными.

Кроме упомянутых главных показателей во внимание принимались и другие факторы, например, переход с должности заместителя руководителя какой-либо структуры на пост первого лица, пусть даже в структуре несколько менее значимой, мог расцениваться как подготовка работника в качестве самостоятельного руководителя.

Таким образом, переход с поста зам. председателя исполкома Сестрорецкого района на должность второго секретаря Московского райкома партии выглядел бы как резкий карьерный взлет: повышение должностного уровня, переход в более престижный аппарат и, наконец, перемещение в крупный, значимый район, т.е. повышение уровня по всем трем показателям сразу. То же самое можно сказать и про переход с поста председателя исполкома Ленинского района на должность первого секретаря райкома партии того же района (повышение уровня по двум показателям)¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Такое повышение произошло в карьере К. П. Сергеева в январе 1947 г.

Переход с работы зам. зав. отделом кадров горкома на должность первого секретаря Свердловского райкома¹⁴⁹ также следует рассматривать как закономерное карьерное повышение.

В «аппаратный фольклор» вошло понятие «минус три» как обозначение достаточно строгого наказания: работник переводился из более престижного аппарата в менее престижный (например из партийного в советский), понижался в должности (из самостоятельного руководителя становился заместителем) и, наконец, отсылался из престижного городского района в отдаленный областной.

В целях анализа направленности перемещений нами было рассмотрено 253 карьерных передвижения партийных работников различного ранга в период 1946–1948 гг. Результаты исследования дают представление о наиболее вероятных путях кадровых перестановок. Можно выделить три типичных пути карьерного роста: прямое продвижение, переход из горкома в райкомы (или обратно), переход на советскую или хозяйственную работу. Для инструктора горкома прямое продвижение означало должность зав. сектором или зам. зав. отделом, переход на работу в райком на должность 2-го секретаря или секретаря по кадрам, переход на советскую работу на пост зам. председателя райисполкома, на хозяйственную работу на пост директора завода или института (при наличии профильного образования). Например, инструктор отдела газификации и топлива горкома Н. А. Федоров был назначен зам. зав. того же отдела, инструктор горкома З. В. Балканская стала 2-м секретарем райкома, а инструктор отдела машиностроения горкома Н. И. Забродин — директором НИИ полимеризационных пластмасс.

Для заведующего и зам. зав. отделами горкома прямое продвижение было возможно на должность секретаря горкома, переход в райком означал занятие поста 1-го секретаря, переход на хозяйственную работу — должность директора крупного предприятия. Так, например, зав. оргинструкторским отделом

¹⁴⁹ Так был перемещен В. М. Краснов в августе 1946 г.

горкома П. И. Левин стал секретарем горкома, зав. отделом городского хозяйства горкома Е. М. Утемов стал 1-м секретарем Сестрорецкого райкома, зам. зав. отделом кадров горкома В. М. Краснов — 1-м секретарем Свердловского райкома, зав. отделом судостроительной промышленности горкома И. И. Егоренков стал директором завода «Большевик».

Для 1-го секретаря райкома «выдвижение на больший участок работы» означало либо перевод в более значимый район, либо переход в аппарат горкома на должность зав. отделом или зам. зав. отделом (1-й секретарь Колпинского райкома Г. Э. Орехов стал 1-м секретарем Петроградского райкома, 1-й секретарь Ленинского райкома Н. А. Николаев — зав. отделом машиностроительной промышленности горкома).

Причины столь масштабных кадровых перемещений можно разделить на внешние и внутригородские. Внутригородские были вызваны формированием партийных структур во вновь образованных районах города и области, а также реэвакуацией большого числа предприятий и организаций. К внешним причинам передвижений кадров относятся: отъезд для учебы в Москву¹⁵⁰ и перевод в порядке партийной мобилизации. Партмобилизации проводились по решению Секретариата ЦК для формирования структур в освобожденных областях и республиках (например в Калининградской области или в Прибалтике), для укрепления сельского хозяйства (мобилизация партработников на должности начальников политотделов МТС) и для подбора кадров в различные госструктуры (например в прокуратуру, МВД, МГБ и др.). Например, в ноябре 1947 г. Секретариат ЦК потребовал от ленинградских обкома и горкома: «<...> в месячный срок отобрать и направить в Министерство внешней торговли СССР 50 коммунистов из числа руководящих партийных, советских и хозяйственных работников <...>»¹⁵¹, а по другой

¹⁵⁰ Например, в 1948 г. в ВПШ при ЦК ВКП(б) от ЛПО было по разнарядке направлено 5 чел. и трое — на курсы переподготовки руководящих работников при ВПШ (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 167. Л. 86, 104).

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 334. Л. 67.

мобилизации для работы в СВАГ необходимо было откомандировать ленинградским горкому 12 чел., а обкому — 7¹⁵².

Время от времени проводились мобилизации коммунистов для заграничной работы, впрочем, не всегда успешные. Например, в 1947 г. ЦК направил в ленинградский горком письмо с просьбой подобрать «проверенных и политически надежных коммунистов», знающих скандинавские языки, для работы переводчиками и референтами. Горком после двухмесячной работы был вынужден ответить, что подобрать требуемые кандидатуры не удалось, так как все знающие скандинавские языки — беспартийные либо имеют изъяны в анкетных данных¹⁵³.

Следует отметить, что перспектива перевода за пределы Ленинграда у многих партработников не вызывала энтузиазма и часто рассматривалась как наказание. В выступлении одного из инструкторов горкома рассказывалось об инциденте, произошедшем с его коллегой, в ходе которого инструктор подготовил справку, критиковавшую высокопоставленного руководителя. Когда тот узнал об авторстве справки, «он с наглостью заявил ему, что “мы с тобой еще сведем счеты”, и свел. Беляев (инструктор горкома. — *Авт.*) был откомандирован в Эстонию»¹⁵⁴.

В архивных делах горкома ВКП(б) содержится немало жалоб и заявлений с просьбами не отправлять на работу в другие регионы, иногда под весьма анекдотичными предлогами, как, например, в справке отдела кадров, где указывается, что «секретарь партбюро завода № 816 т. Г. категорически отказался от работы в МТС, при этом заявил, что на партийной работе он остался без брюк»¹⁵⁵.

Отказы от перемещений приняли такие масштабы, что на них жестко отреагировал 1-й секретарь горкома П. С. Попков. На пленуме горкома в 1948 г. он отметил: «<...> один из секретарей, когда ему предложили возглавить партийное руководство (в Сланцах, по организации топливной базы. — *Авт.*), сказал,

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 1. Л. 61.

¹⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 1. Л. 66–73.

¹⁵⁴ Там же. Д. 12. Л. 42.

¹⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 804. Л. 3.

“хоть дворником, но в Ленинграде”. <...> Я хочу предупредить секретарей, если будут такие заявления, мы в партии не будем держать, нам надо выполнять такие задачи, задачи общенародного значения, а нам коммунисты заявляют такие вещи; в войну никто ничего подобного не заявлял, когда на фронт отправляли, а теперь — я не могу поехать в Сланцы»¹⁵⁶.

Слова партийного руководителя не были пустыми угрозами. К руководителям, пытавшимся избежать перевода за пределы Ленинграда, применялись жесткие меры — вплоть до увольнения с работы. Председатель Дзержинского райисполкома Н. М. Горбунов в 1946 г. за отказ ехать на руководящую работу в г. Пензу постановлением бюро ГК ВКП(б) был снят с работы. Кроме этого, как он писал в заявлении, «Попковым было дано указание не давать мне работы <в Ленинграде>»¹⁵⁷.

Большая текучесть кадров обуславливала необходимость активного *рекрутирования* новых работников партаппарата.

В области подбора новых кадров действовали указания ЦК, которые периодически доводились до сведения низовых работников на инструктивных совещаниях.

Эти «установки» ЦК можно свести к трем основным принципам. Во-первых, на ответственные должности в аппарате должны были выдвигаться люди, имеющие опыт низовой партийной работы. На совещании в ЦК в марте 1948 г. было указано: «Если мы будем <...> подбирать работника в аппарат областного комитета, то этот работник обязательно должен пройти школу районной работы»¹⁵⁸.

Во-вторых, предпочтительным считалось «прямое выдвижение», т. е. на руководящие должности в партийных структурах должны были отбираться только работники этих же структур. Об этом прямо сказал А. А. Кузнецов на совещании в ЦК в июле 1947 г.: «Товарищ Сталин дал нам указание о прямом выдвижении кадров, т. е. <...> если нам требуется первый секретарь

¹⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 6487. Л. 232.

¹⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 71. Л. 117, 128.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 102.

обкома, то надо выдвигать из этого обкома партии. Речь идет о прямом выдвижении, а не о выдвижении со стороны»¹⁵⁹. К примеру, 2-й секретарь райкома или секретарь по кадрам должен был находиться в резерве для назначения первым секретарем райкома.

В-третьих, требовалась всесторонняя проверка политических и деловых качеств, а также анкетных данных кандидата.

При подборе работников партаппарата Ленинграда действовали также указания о приеме только людей с высшим образованием.

В практике кадровой работы все эти требования действовали в качестве общих правил, при этом они постоянно нарушались в случае необходимости.

В постановлении пленума Ленинградского горкома (февраль 1948 г.) констатировалось, что «ошибки в подборе кадров и недостаточное внимание к вновь выдвинутым работникам приводят к их значительной текучести»¹⁶⁰. Для исправления этих ошибок предписывалось: «...отделу кадров горкома ВКП(б) и райкомам ВКП(б) повысить требовательность к подбору работников в аппарат райкомов ВКП(б), выдвигая на эту работу коммунистов, прошедших школу низовой партийной работы, грамотных и культурных, способных обеспечить проведение в жизнь линии партии <...>»¹⁶¹.

Для подбора работников на низовые должности (в первую очередь инструкторов райкомов и горкома) было рекомендовано использовать «партийный и советский актив», т.е. людей, зарекомендовавших себя с положительной стороны при проведении политических кампаний, в первую очередь выборов в Советы различных уровней¹⁶². О результатах работы с активом постоянно отчитывались руководители и работники райкомов.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 146.

¹⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 261 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 263.

¹⁶² В постановлении горкома по этому поводу говорилось: «Райкомам ВКП(б) заботливо выращивать актив, проявивший себя на общественно-политической работе; привлекать его к выполнению практических

Другой работой инструктора было создание резерва <...>. В моей группе имеется в резерве 10 человек. Это в основном партийный, хозяйственный и профсоюзный актив, систематически участвующий в общественных и партийных мероприятиях. Это резерв, в качестве которого мы вполне уверены и знаем, что на той работе, на которую мы его рекомендуем, он вполне себя оправдывает <...>. Из числа избирательного актива у нас в группе 26 человек, причем мы брали на учет таких людей, которые обладают организаторскими способностями и имеют определенный минимум знаний и опыт партийной деятельности <...> 6 человек из них уже зачислены в резерв, остальных мы используем на текущих заданиях, и, безусловно, по мере того, как выявится лицо данных товарищей, мы не замедлим зачислить их в резерв. Резников (Выборгский райком)¹⁶³.

Руководитель Выборгского райкома В. Я. Козлов, отчитываясь об итогах кадровой работы, приводил конкретные примеры, которые показывают типичные пути рекрутирования кадров: «Наиболее распространенной формой изучения кадров в практике работы райкома является привлечение актива в подготовке вопросов на бюро, пленумы, собрания партийного актива. За 1946–1947 гг. к этой работе были привлечены 1072 человека. Особо массовое привлечение имело место во время проведения трех избирательных кампаний. <...> из этого состава черпались кадры руководителей для партийных и хозяйственных организаций <...>. Начальник площадки строительного управления Пичугин несколько раз привлекался для подготовки вопросов на бюро райкома. Он показал способность анализировать и работать. После выполнения ряда поручений он был утвержден внештатным инструктором отдела кадров и в течение месяца заменял инструктора. В настоящее время утвержден инструктором строительного отдела горкома партии»¹⁶⁴.

поручений с тем, чтобы после изучения политических и деловых качеств — выдвигать на руководящую работу» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 263 об.).

¹⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 14 — 14 об.

¹⁶⁴ Там же. Д. 6487. Л. 123–124.

Далеко не все партийные работники выражали удовлетворение от работы с активом. Претензии в основном сводились к критике низкого образовательного уровня и слабых организаторских способностей «активистов». Секретарь по кадрам Калининского РК заявлял, отчитываясь на совещании в 1947 г.: «Одной из причин текучести, а также слабого выдвижения новых, молодых кадров является недостаточная работа РК партии с резервом и с воспитанием руководящих работников. В прошлом году после выборов в ВС СССР мы по указанию ГК партии создали резерв из актива, который проявил себя в выборной кампании. Мы вызывали этих товарищей в райком, разговаривали с ними, провели совещание и стали привлекать их к нашей работе. Однако у товарищей как общее развитие, так и образовательный уровень оказались недостаточными. Мы этот резерв привлекаем для выполнения поручений районного комитета партии. Некоторых коммунистов из этого резерва нам удалось выдвинуть на низовую руководящую работу, но в целом пришлось их передать первичным партийным организациям для работы с ними на местах. Мы вынуждены были при разрешении вопроса с подбором и выдвижением людей работать старым методом, решая каждый раз вопрос отдельно, без должной продуманности»¹⁶⁵.

Райком Кировского района в отчете о кадровой работе за 1946 г. также сообщает о трудностях в работе с кадровым резервом: «<...> так как часть актива, зачисленного в резерв, не имеет достаточного опыта работы, а [другая] часть категорически отказывается от выдвижения на партийную работу, отдел кадров райкома ВКП(б) практически никого из резерва использовать не может»¹⁶⁶.

Таким образом, при выдвижении на нижестоящие должности в партаппарате кандидатуры подбирались либо из числа партработников первичных организаций, либо из резерва специалистов нужного профиля, имевших опыт внештатной работы в аппарате. Проведенный нами анализ кадровых перемещений за 1946–1949 гг. подтверждает это.

¹⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 6.

¹⁶⁶ Там же. Л. 34.

Кандидату, зачисленному в кадровый резерв, категорически запрещалось сообщать о том, на какой должности его предполагается использовать¹⁶⁷.

Полностью отсутствовало рекрутирование в структуры ВКП(б) освобожденных комсомольских работников, столь характерное для последующих десятилетий. Объяснение этому было дано на одном из совещаний в горкоме: «<...> у нас не использован такой большой резерв, как резерв и поставщик партийных кадров — наша комсомольская организация... Недостатки в Ленинградской комсомольской организации в значительной мере происходят из-за большой текучести кадров в комсомоле, от недостаточной их опытности <...>. Что из себя представляет состав секретарей комсомольских организаций? У нас (в Калининском районе. — *Авт.*) сейчас работают секретарями 86 человек с незаконченным средним и начальным образованием. Вот они проработают 2 и 3 года, но сможем ли мы их двигать на партийную работу? Не сможем»¹⁶⁸.

На руководящие должности (секретари райкомов, зав. и зам. зав. отделами горкома) выдвигались люди, имевшие опыт работы в структурах горкома и райкома. Практически отсутствовали случаи выдвижения на руководящие партийные должности хозяйственных руководителей или партработников первичных парторганизаций. Немногочисленные исключения составляли назначения в руководство партаппарата работников исполкомов (таких случаев нами отмечено всего три за весь период 1946–1949 гг.)¹⁶⁹.

¹⁶⁷ «<...> райкомы должны утверждать каждого товарища, зачисляемого в резерв <...> товарищей, зачисляемых в резерв, вызывать (на бюро райкома. — *Авт.*) не следует. Также не следует говорить товарищу о зачислении его в резерв на такую-то конкретную должность. Это дело сугубо аппарата райкома, в частности отдела кадров» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 36).

¹⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 155.

¹⁶⁹ Председатель Володарского райисполкома И. Н. Платонов был назначен зав. отделом (зам. секретаря горкома) судостроительной промышленности горкома, председатель Калининского райисполкома Н. Ф. Козлов стал 1-м секретарем Курортного райкома, председатель Ленинского райисполкома К. П. Сергеев стал 1-м секретарем Ленинского райкома.

Причиной выдвижения кадров советского аппарата могла стать рекомендация П. С. Попкова, который сам пришел на место 1-го секретаря горкома с должности председателя Ленгорисполкома.

Еще одним ярким исключением стало назначение осенью 1946 г. И. Г. Стожилова секретарем по пропаганде горкома вместо И. М. Широкова, лишившегося должности по постановлению ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». И. Г. Стожилов в годы блокады работал начальником городского управления по учету и выдаче продовольственных карточек, затем был зам. председателя Ленгорисполкома, а с июля 1944 г. стал уполномоченным Госплана СССР по Ленинграду. Он никогда не имел отношения к партийной идеологической работе. Его назначение состоялось вопреки мнению влиятельного Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и, разумно предположить, благодаря позиции П. С. Попкова и А. А. Кузнецова, хорошо его знавших. Отсутствие опыта руководства творческими кадрами привело к многочисленным жалобам на него в адрес ЦК. В августе 1947 г. решением Секретариата ему было указано «на недопустимость <...> административно-бюрократических методов в руководстве творческой работой в области литературы и театра»¹⁷⁰, а весной 1948 г. он был снят с должности как «не справившийся с работой». Следует отметить, что эта кадровая ошибка наряду с другими была использована в критике ленинградских руководителей в феврале 1949 г.

Проверка данных для работы в партаппарате производилась путем сбора сведений в партийных организациях, где ранее состоял на учете кандидат. Кроме этого, посылались официальные запросы в УМГБ для проведения спецпроверок (в целях выявления компрометирующих фактов в анкетных данных кандидата и его родственников) предполагаемых работников. Запросы для работы в горкоме посылались через особый сектор горкома, для работы в райкоме — через особые секторы райкомов. Следует отметить, что запросы выполнялись органами госбезопасности с большими задержками. Кроме этого, не всегда наличие определенных

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 319. Л. 15.

компрометирующих материалов (например фактов пребывания родственников на оккупированной территории) принималось во внимание при назначениях. Часто кадровые проверки органами УНКГБ (МГБ) выполнялись весьма формально, со значительными огрехами.

Сказанное можно проиллюстрировать характерным примером. В апреле 1944 г. УНГБ осуществляло проверку В. И. Смолоникова, которого горком предполагал утвердить вторым секретарем Колпинского РК. В справке, подписанной начальником оперативного отдела УНГБ, говорится: «По имеющимся <...> сведениям, СМОЛОВИК В. И. в июле месяце 1941 г. был призван в Красную Армию, откуда вернулся 10.05.43 г. Компрометирующими сведениями на СМОЛОВИК В. И. и его родственников не располагаем»¹⁷¹. Между тем В. И. Смолоников с сентября 1941 г. работал зам. секретаря парткома завода им. Сталина, затем — секретарем завода там же, а с июня 1943 по июль 1944 г. — зав. оргинструкторским отделом Красногвардейского райкома ВКП(б). Более того, родным дядей В. И. Смолоникова был не кто иной, как Н. Г. Николаев-Журид — видный работник ГУГБ НКВД, комиссар госбезопасности 3-го ранга, репрессированный в 1938 г. Об этом факте В. И. Смолоников сообщал во всех написанных им автобиографиях.

Подобная небрежность (или умышленное невнимание к компрометирующим данным) позволила обвинить многих руководителей в потворстве «засоренности кадров» в ходе чисток 1949–1950 гг.

2.4. Практика кадровой работы партийного аппарата.

Количественные и качественные характеристики номенклатуры партийных органов Ленинграда

Роль партии в системе государственно-общественных отношений была законодательно закреплена в Конституции СССР 1936 г. Сделано это было, однако, несколько исподволь (по

¹⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 19695/8. Л. 11.

крайней мере по сравнению со знаменитой ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). В первых же статьях (ст. 2 и 3) Конституции 1936 г. декларировалось: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата. <...> Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся»¹⁷². О роли партии в жизни общества и государства упоминалось мельком, в главе «Основные права и обязанности граждан», в ст. 126, говорящей о праве граждан объединяться в общественные организации: «<...> наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»¹⁷³.

Устав партии, принятый на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г., впервые официально закрепил за партийными организациями предприятий, колхозов и государственных учреждений не только право, но и обязанность контролировать деятельность соответствующих администраций: «Для повышения роли первичных партийных организаций производственных предприятий <...> и их ответственности за состояние работы предприятий этим организациям предоставляется право контроля деятельности администрации предприятия»¹⁷⁴. Оговорка была сделана только для высших органов государственного управления — наркоматов. В них устанавливался особый порядок партийного контроля: «Наркоматские партийные организации, которые в силу особых условий работы советских учреждений функциями

¹⁷² Конституция Союза ССР и Конституции союзных республик. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 7.

¹⁷³ Там же. С. 22.

¹⁷⁴ XVIII съезд всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. С. 685.

контроля пользоваться не могут, обязаны сигнализировать о недочетах в работе наркомата и его отдельных работников и направлять свои материалы и соображения в ЦК ВКП(б) и руководителям наркомата»¹⁷⁵.

Переход к мирной жизни поставил перед партийным аппаратом ряд новых задач.

Во время Великой Отечественной войны существовала особая модель управления страной. Во главе властной пирамиды находился Государственный комитет обороны (ГКО), который в своей деятельности объединял партийную и государственную власть.

Важной проблемой для партийного руководства являлась сложившаяся в ходе войны практика отношений между партийными и государственными или хозяйственными органами. Чрезвычайная военная обстановка диктовала необходимость быстрых решений и не менее быстрого их исполнения любой ценой. В этой ситуации партийные руководители среднего звена, которые отвечали перед высшим руководством за исполнение решений, были вынуждены заниматься организационной деятельностью, вникая во всевозможные детали повседневной хозяйственной работы.

Происходило то, что после войны получило название «сращивания» партийного и хозяйственного руководства. Это явление начало принимать угрожающие масштабы. Партийные функционеры попали в зависимость от хозяйственных руководителей, распоряжавшихся в силу своих должностей материальными и человеческими ресурсами. Безусловно, в этой ситуации контроль партаппарата над деятельностью госорганов был ослаблен — хозяйственные и административные структуры фактически вышли из-под влияния и стали жить по собственным правилам.

По-видимому, в этот период сложилась настолько нестерпимая ситуация, что даже спустя семь лет, в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии она была охарактеризована

¹⁷⁵ Там же. С. 685.

следующим образом: «<...> обстановка военного времени <...> породила крупные недостатки в работе партийных органов <...>. Создалась опасность отрыва партийных организаций от масс и превращения их из органов политического руководства <...> в своеобразные административно-распорядительные учреждения, неспособные противостоять всяким местническим, узковедомственным и иным антигосударственным устремлениям, не замечающие прямых извращений политики партии в хозяйственном строительстве, нарушений интересов государства»¹⁷⁶.

Установившееся в послевоенный период положение вещей внешне имело сходные черты с периодом 1920-х гг. Тогда, в первое революционное десятилетие, партаппарату предстояло полностью овладеть госструктурами. Теперь снова возникла необходимость поставить их под контроль.

Принципиальное отличие состояло в том, что в 1920-е гг. создавалась новая система государственной власти, а в послевоенное время конфликт между государственным и партийным аппаратами происходил внутри властной конструкции, и многое зависело от позиции верховного руководства. Это и определило противоречивость и непоследовательность процессов послевоенного разграничения командных полномочий.

Надлежащий контроль над кадрами был невозможен без прекращения практики «сращивания» партийных и хозяйственных руководителей, т. е. попадания партработников в прямую зависимость от хозяйственников.

2 августа 1946 г. было принято постановление Политбюро ЦК «О фактах премирования министерствами СССР и хозяйственными организациями руководящих работников регионов»¹⁷⁷. В постановлении приводились многочисленные факты, описывающие имевшееся положение дел; в резолютивной

¹⁷⁶ Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. Магадан: Советская Колыма, 1953. С. 90–91.

¹⁷⁷ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 156–157.

части предлагалось «осудить сложившуюся практику», которая «носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей... в силу чего руководящие партийные работники теряют свое лицо и становятся игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства. Такое положение, если ему не положить конец, является позором и гибелью для партработников и парторганизаций, поскольку они лишаются независимости и самостоятельности, необходимой партработникам и парторганизациям для того, чтобы осуществлять руководящую роль как защитников интересов государства против всяких нарушений государственных интересов».

С этими же недостатками в постановлении ЦК предлагалось повести «решительную борьбу» ЦК КП Украины, отчет которого о работе с кадрами был рассмотрен Оргбюро ЦК летом 1946 г. Постановление недвусмысленно требовало «обеспечить независимость и самостоятельность партийных органов с тем, чтобы парторганы в полной мере были способны контролировать работу государственных и хозяйственных организаций»¹⁷⁸.

Еще более ярко позиция руководства партаппарата была выражена в выступлении А. А. Кузнецова на закрытом совещании в ЦК в августе 1947 г.: «Почему ЦК, Политбюро так восстали против системы премирования партийных работников? Потому, что такая система носит <...> характер подкупа и ставит [их] в зависимость от хозяйственников. <...> а ведь мы с вами являемся первыми защитниками интересов государства, мы должны в первую очередь оберегать интересы государства». Кузнецов подчеркнул, что формулировки постановления ЦК от 2 августа 1946 г. были продиктованы лично И. В. Сталиным¹⁷⁹. Эта же идея отражена и в личных записях А. А. Жданова, который отметил, что «задача партии — создать условия, при которых парткомы были бы независимы

¹⁷⁸ Там же. С. 54.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 154–155.

и самостоятельны для осуществления контроля над госаппаратом»¹⁸⁰.

Таким образом, уже в середине 1946 г. руководство партаппарата стало претендовать на роль главных защитников государства и требовать установления жесткого контроля над всеми государственными структурами, которые в силу узковедомственного характера своих интересов противопоставляют себя «интересам государства в целом». Отметим также, что в этом стремлении партаппарат на первом этапе пользовался поддержкой верховного руководителя страны.

В сложившейся системе власти главным методом контроля над государственным аппаратом были кадровые назначения, осуществляемые на основе системы номенклатуры должностей. На совершенствование этой системы и было направлено главное внимание как аппарата ЦК (прежде всего его Управления кадров), так и региональных партийных структур.

В 1946 г. одним из первых решительных шагов стало упорядочивание номенклатуры ЦК. Положение с номенклатурой должностей было на тот момент явно неудовлетворительное. По словам А. А. Кузнецова, «утвержденной номенклатуры ЦК по существу не было, вся работа строилась на основе неутвержденной номенклатуры. <...> министерства, ведомства <...> в целом ряде кадровых вопросов, благодаря отсутствию номенклатуры, <...> обходили аппарат Управления кадров ЦК. Это лишало ЦК партии <...> возможности своевременно предупредить ошибки и недостатки в работе министерств и ведомств»¹⁸¹.

В целях ликвидации такого положения 5 октября 1946 г. было принято постановление Оргбюро ЦК, которое утвердило новую номенклатуру ЦК в количестве около 42 тыс. должностей¹⁸². Одновременно были упорядочены номенклатуры

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 179. Л. 18. Автор благодарит М. В. Зеленова за указание на эту запись.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 122–123.

¹⁸² Там же. Д. 640. Л. 121.

обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик. Их общая численность составила 177 тыс. должностей по основной номенклатуре и 45 тыс. по учетно-резервной¹⁸³. Постановление Оргбюро регламентировало порядок назначения на номенклатурные должности. Все назначения производились только решением ЦК. Кандидатуры работников центрального аппарата министерств и ведомств рассматривались ЦК по представлению министра (руководителя ведомства) или его заместителя по кадрам. Работники региональных партийных и советских аппаратов представлялись местными партийными органами. Кандидатуры работников предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского подчинения рассматривались по представлению их соответствующим министерством (ведомством), но только после согласования с «заинтересованными» региональными партийными органами.

Особо оговаривалось, что «при наличии у обкомов <...> разногласий с министерствами и ведомствами по назначению, перемещению или освобождению работников они входят в ЦК ВКП(б) с самостоятельными предложениями по спорным вопросам». Обкомы были обязаны направлять в ЦК материалы, «характеризующие работников номенклатуры <...> по результатам их деятельности», а также информировать ЦК «о достоинствах и недостатках руководителей <...> предприятий и учреждений»¹⁸⁴.

Таким образом, постановление давало региональным партам аппаратам большие возможности контроля над государственными структурами.

За два последующих года для укрепления власти партам аппарата были предприняты дополнительные меры. ЦК стало рассматривать вопросы работы с кадрами внутри министерств и ведомств, в том числе таких значимых, как Министерство вооружений¹⁸⁵. Тем самым Управление кадров ЦК пыталось

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. С. 55.

¹⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 11–17.

распространить свое влияние и на работников, занимавших должности, напрямую не входившие в партийную номенклатуру. Например, в Министерстве финансов работники Управления кадров «просмотрели весь наличный состав работников министерства, начиная с зам. министра и кончая курьерами, [и] нашли большое количество людей, которых нужно немедленно уволить по политическим и деловым качествам». После обследования Министерства торговли был составлен «список на 70 человек, кого нужно уволить в первую очередь»¹⁸⁶.

В июле 1947 г. на совещании аппарата Управления кадров А. А. Кузнецов поставил новую важную задачу, сказав, что «нужно продолжить работу по укреплению [кадров] в первую очередь научно-исследовательских институтов, в особенности институтов, занимающихся новой техникой, физических институтов или институтов, разрабатывающих проблемы физики»¹⁸⁷. Таким образом, Управление кадров поставило своей задачей взять под контроль деятельность спецкомитетов СМ СССР, занимавшихся созданием новых вооружений, в том числе и атомной проблемой.

Другой приоритетной задачей для кадровых служб партии стал контроль над «политико-моральными качествами» работников, в первую очередь интеллигенции, среди части которой, по словам А. А. Кузнецова, «укоренились старые, вредные антипатриотические настроения». В марте 1948 г. он еще более резко поставил вопрос о «недостатке бдительности» в работе кадровых служб министерств и ведомств, что позволило людям, «в прошлом участвующим в контрреволюционных организациях, оказаться на руководящих постах, в особенности в вузах, на кафедрах марксизма-ленинизма»¹⁸⁸. При этом Кузнецов особо подчеркнул, что партийные кадровики должны перепроверять даже справки об отсутствии компрометирующих материалов, подготовленные органами МГБ, так как «у нас с вами каналов и ис-

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 640. Л. 115.

¹⁸⁷ Там же. Д. 572. Л. 129.

¹⁸⁸ Там же. Д. 640. Л. 108.

точников изучения человека значительно больше, чем у органов государственной безопасности»¹⁸⁹.

Таким образом, в организационном плане партийные кадровые органы под руководством Кузнецова становились своеобразным «всесоюзным отделом кадров», стремившимся контролировать как можно больше аспектов деятельности всех государственных структур.

Перед местными партийными органами на совещаниях ставились по сути те же задачи, что и перед аппаратом ЦК, только адаптированные к региональному уровню.

Планы Кузнецова по усилению влияния партаппарата отражены в проекте нового устава ВКП(б), разработанном летом 1947 г. Комиссию, которой предполагалось поручить подготовку окончательной редакции, должен был возглавить Кузнецов, в отличие от Программной комиссии ЦК во главе с А. А. Ждановым. Это подчеркивает роль Кузнецова в готовившихся преобразованиях. Проект партийного устава предусматривал:

<...> обком, крайком, ЦК компартии союзной республики:

Объединяет, направляет и контролирует работу всех организаций, как общественных, так и государственных и несет ответственность за политическое, хозяйственное и культурное состояние и развитие области, края, республики.

Обеспечивает независимость и самостоятельность партийных организаций и неослабный контроль с их стороны за деятельностью хозяйственных и государственных органов.

Осуществляет правильный подбор и расстановку кадров, их большевистское воспитание и выдвижение.

<...> городской, районный комитет партии направляет, объединяет и контролирует деятельность советских, хозяйственных и других общественных организаций города, района и несет ответственность за политическое, хозяйственное и культурное состояние города, района¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Там же. Л. 109–110.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6. Л. 13–14.

Сравнение проекта и действовавшего на тот момент Устава ВКП(б) ясно показывает, что партаппарат стремился получить всю полноту власти над государственными органами и на региональном уровне. Следует отметить, что идеи, заложенные в этом документе, были во многом реализованы в период правления Н. С. Хрущева, который, как можно не без оснований предположить, был знаком с процитированным документом.

Партийное руководство и партаппарат Ленинграда старались активно воплощать в жизнь концепции, выработанные в Управлении кадров ЦК. Судя по вниманию, которое уделялось в Центральном Комитете кадровой работе в Ленинграде, городская парторганизация наряду с московской представляла собой своеобразный полигон для испытания новых принципов организации властных отношений. Этому способствовало в том числе и то, что А. А. Кузнецов перешел на работу в Москву с поста 1-го секретаря Ленинградских горкома и обкома и близко знал большинство партработников города, с которыми проработал вместе всю войну. Хотя, например, в письме ЦК ВКП(б) о кадровой работе в Ленинграде подчеркивалась роль группы партийных работников блокадного периода, сохранившейся и в послевоенные годы: «Успехи, достигнутые Ленинградской партийной организацией, объясняются прежде всего тем, что горком ВКП(б), несмотря на трудности войны и блокады Ленинграда, сумел <...> сохранить основные руководящие кадры <...>»¹⁹¹.

Однако, на наш взгляд, основной причиной активности ленинградских руководителей по воплощению в жизнь установок ЦК по кадровой работе был специфический опыт регионально-го управления, приобретенный партийными лидерами Ленинграда в годы блокады.

По словам бывшего зам. председателя Ленгорисполкома В. М. Решкина, «ответственность, которая легла на коммунистов города по его защите, обязала Городской комитет партии взять на себя не только партийную работу в городе, но и несвойственные ему функции — непосредственное руководство

¹⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 231.

промышленностью, городским хозяйством, эвакуацией, оборонительными работами и рядом других работ»¹⁹². Эту оценку подтверждает другой зам. председателя Ленгорисполкома и руководитель его плановой комиссии — Н.А. Манаков, который в монографии, изданной в 1949 г., утверждал: «Городской комитет ВКП(б) в условиях осажденного города должен был <...> принять на себя функции организационно-хозяйственного и технического руководства <...> это требовало решения ряда вопросов, связанных с деятельностью всех оставшихся в городе организаций, независимо от их ведомственной принадлежности»¹⁹³.

Следует отметить, что, по мнению руководителей города, использование управленческого опыта военного времени отнюдь не означало возврата к практике подмены хозяйственных руководителей партийными в принятии решений по текущим, оперативным вопросам. Речь шла о региональном планировании и комплексном руководстве развитием народного хозяйства, т. е. об определении партработниками перспективных направлений развития региона и мобилизации сил на необходимых участках. Об этом недвусмысленно было сказано в проекте доклада 2-го секретаря горкома Я. Ф. Капустина на партконференции в декабре 1948 г.: «Глубоко заниматься вопросами промышленности — это значит изучать экономику ее, изучать людей, умело направлять их, правильно руководить ими. Но это вовсе не означает, что партийные работники должны лично вмешиваться в решение сугубо практических, оперативных хозяйственных вопросов, подменять собой хозяйственников, администрировать. У нас еще не изжиты методы военного времени (слова “военного времени” вычеркнуты при подготовке доклада. — *Авт.*), когда в силу обстоятельств партийные работники нередко выполняли и функции хозяйственников. Эти методы совершенно неприемлемы и вредны в нынешних условиях. Нужно целиком и полностью отрешиться от них!»¹⁹⁴

¹⁹² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 374. Л. 11.

¹⁹³ Манаков Н. А. Городское хозяйство Ленинграда. С. 136.

¹⁹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6491. Л. 86.

Таким образом, в период 1946–1948 гг. партийное руководство Ленинграда, выполняя указания ЦК ВКП(б) и используя опыт военного времени, стремилось к общему стратегическому руководству всей хозяйственной и социально-политической деятельностью в регионе. Эти тенденции проявлялись прежде всего в кадровой политике Ленинградского горкома, осуществляемой через номенклатурные назначения.

Кадры номенклатуры партийных органов в Ленинграде подразделялись на кадры номенклатуры ЦК ВКП(б), номенклатуры горкома и номенклатуры райкомов партии.

В период 1946–1953 гг. общее количество номенклатурных должностей, подведомственных горкому партии, оставалось практически неизменным. Некоторые корректировки были связаны с переводом ряда категорий из номенклатуры горкома в номенклатуру обкома. Общая численность номенклатуры горкома составляла: в 1945 г. — 2100 чел., 1946 г. — 2169 чел., 1947 г. — 2430 чел., 1948 г. — 2496 чел., 1949 г. (данные на 01.01.1949) — 2602 чел.¹⁹⁵. При этом не все номенклатурные должности были, как тогда выражались, «замещены», т. е. не для всех должностей были подобраны работники. Так, например, в 1948 г. оставались незамещенными 83 должности номенклатуры горкома, а в начале 1949 г. — 71 должность¹⁹⁶.

Общая численность номенклатуры райкомов по состоянию на февраль 1948 г. составляла 8904 должности, а по состоянию на начало января 1949 г. — 9127 должностей¹⁹⁷. Райкомы партии постоянно стремились расширить перечень подведомственных им номенклатурных должностей. Например, при составлении списка номенклатурных должностей на 1949 г. руководители райкомов значительно расширили свою номенклатуру, увеличив ее сразу на 685 должностей (т. е. в среднем около 30 новых номенклатурных позиций на каждый район)¹⁹⁸.

¹⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 40. Д. 65. Л. 47; Оп. 54. Д. 45. Л. 1.

¹⁹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 54. Д. 45. Л. 1.

¹⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 915. Л. 326–328; Оп. 54. Д. 45. Л. 9.

¹⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 54. Д. 45. Л. 9.

На уровне райкомов доля незамещенных должностей была примерно такой же, как в номенклатуре горкома. Например, в мае 1949 г. вакантными оставались 149 должностей из номенклатуры РК.

Значительным было количество номенклатурных работников, не прошедших процедуру утверждения в соответствующих партийных органах.

В номенклатуре горкома к концу 1948 г. числилось 237 неутвержденных работника, что составляло 9,3% номенклатурных кадров. В райкомах партии положение было еще хуже. По состоянию на май 1949 г. в номенклатуре райкомов числилось 1816 неутвержденных работников, что составляло 19,9% от общего количества. В некоторых райкомах доля неутвержденных доходила до 32%¹⁹⁹.

Следует отметить, что в описываемый период райкомы партии были самыми нижестоящими парторганами, имевшими свою номенклатуру. Иерархически более низким парткомам предприятий вводить номенклатуру категорически запрещалось, на что неоднократно указывалось на различных совещаниях²⁰⁰.

Номенклатура должностей подразделялась на основную и учетно-контрольную (учетно-резервную). Кандидаты на должности, входившие в основную номенклатуру, утверждались данным партийным органом. Кандидаты на должности, входящие в учетно-резервную номенклатуру, утверждались нижестоящими органами, но с обязательным сообщением данных в орган, которому принадлежала должность по учетно-резервной номенклатуре. Например, в Ленинграде должности 2-х секретарей райкомов входили в учетно-резервную номенклатуру ЦК²⁰¹.

¹⁹⁹ Там же. Л. 1, 12.

²⁰⁰ Например, на совещании в горкома весной 1947 говорилось: «<...> не нужно делать так, как <...> на заводе № 800, где без ведома секретаря парткома директор не может назначить начальника цеха, мастера. Здесь нельзя копировать райком партии, никакой номенклатуры в первичной организации не должно быть» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6377. Л. 36 об.).

²⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 109–114.

В основную и учетно-контрольную номенклатуры ЦК было включено около 400 должностей по Ленинграду и Ленинградской области: руководители государственных органов союзного подчинения и их заместители, секретари горкома и обкома партии, председатели и заместители председателей гор- и облисполкома, директора крупнейших предприятий.

По ведомственной принадлежности должности, входившие в основную номенклатуру горкома, распределялись следующим образом (по состоянию на 1948 г.):

по аппарату горкома и подведомственных организаций	214;
секретарей райкомов	62;
по аппарату райкомов	155;
комсомольские кадры (секретари райкомов ВЛКСМ)	36;
профсоюзные кадры	63;
кадры городского хозяйства	88;
советские, финансовые кадры	
и кадры здравоохранения	168;
кадры судов, прокуратуры, УМВД, УМГБ	228;
кадры вузов и научных учреждений	284;
кадры учреждений культуры и печати	132;
кадры промышленности	475;
партторги ЦК и секретари партбюро	
промышленных предприятий	117;
кадры системы трудовых резервов	278;
кадры предприятий торговли,	
пищевой промышленности	
и общественного питания	195 ²⁰² .

Характеристика должностей номенклатуры горкома по иерархическому уровню может быть представлена следующими примерами. В партийном аппарате в нее входили должности вплоть до заместителей заведующих отделами райкомов. Инструкторы райкомов входили в номенклатуру райкома. В госаппарате — заместители председателя Ленгорисполкома,

²⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 928. Л. 49.

председатели райисполкомов и их заместители, начальники и директора всех подведомственных Ленгорисполкому организаций, предприятий и учреждений, председатели, члены и ответственные работники городского суда, председатели всех районных судов, прокурор города и его заместители, районные прокуроры и их заместители. В промышленности — директора, главные инженеры и парторги ЦК всех крупных предприятий, независимо от ведомственной подчиненности. В научных институтах — все директора и заместители директоров по научной работе. В вузах — все директора, заместители директоров по учебной и научной работе. В номенклатуру горкома (и в учетно-резервную номенклатуру ЦК) входили все заведующие кафедрами общественно-политических дисциплин²⁰³. Список номенклатурных должностей часто менялся по решению Секретариата ЦК в зависимости от текущей ситуации. Например, когда после войны вырос объем зарубежных торговых перевозок, все капитаны кораблей заграничного плавания и их помощники по политической части были включены в состав номенклатуры горкома.

В номенклатуру райкомов входило в среднем от 300 до 600 должностей в районе, в зависимости от его величины. Этот список охватывал практически всех руководителей районных структур: от начальников отделов райисполкома до директоров Домов культуры, помощников директоров ремесленных училищ и школ ФЗО, директоров ресторанов, гостиниц, торговых и снабженческих баз. К примеру, в 1948 г. в номенклатуру Василеостровского райкома входило 575 должностей, из них партийных — 197, хозяйственных — 94, научных — 159²⁰⁴. Количество номенклатурных должностей по подведомственности отделам райкомов распределялось следующим образом: номенклатура отделов ППКО райкома составляла 61,9%, отделов пропаганды

²⁰³ К примеру, в ЛГУ в эту номенклатуру были включены 13 заведующих кафедрами, таких как кафедры истории СССР, философии, трудового права, уголовного права и др. (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 900. Л. 80 — 80 об.).

²⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 136.

и агитации — 14,1, промышленно-транспортных отделов — 24,0²⁰⁵.

Номенклатурный принцип подбора кадров иногда давал сбои в работе. Например, в состав номенклатуры включались руководители самостоятельных хозяйственных структур и их заместители. При таком подходе председатель правления артели, в которой работало 50 человек, входил в номенклатуру райкома, а начальник крупного цеха, в котором могли трудиться больше тысячи человек, не попадал ни в один номенклатурный список партийных органов. Подобные трудности не оставались без внимания в Управлении кадров ЦК, где в 1947 г. намеревались даже создать особую «науку о кадрах», призванную разрешать подобные проблемы.

Следует рассмотреть основные характеристики работников номенклатуры ленинградского горкома партии. Данные приводятся по состоянию на середину 1949 г.

Среди работников номенклатуры горкома было 83,8 % мужчин и 16,2 % женщин, при этом количество женщин постоянно сокращалось (в среднем на 1 % в год).

Партийная прослойка оставалась практически неизменной: 95 % членов и кандидатов в члены ВКП(б) и 5 % беспартийных.

Возрастные характеристики выглядят следующим образом: до 30 лет — 4,7 %, от 31 до 35 лет — 6,7 %, от 36 до 40 лет — 22,5 %, от 41 до 45 лет — 33,5 %, от 46 до 50 лет — 19,5 % и старше 50 лет — 13,2 %. Доля старших возрастных групп за период 1945–1953 гг. постоянно повышалась (от 1 до 5 % в год), а количество молодежи сокращалось. Например, с середины 1948 по середину 1949 г. доля номенклатурных работников в возрасте от 46 лет и старше увеличилась на 5,1 %, в то время как число работников в возрасте до 40 лет уменьшилось на 4,2 %. Такая тенденция, на наш взгляд, свидетельствует о стабильности кадрового состава. Группа руководителей, сформировавшаяся в предвоенные годы, оставалась на своих постах, а их естественное старение вызывало увеличение среднего возраста.

²⁰⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 54. Д. 45. Л. 10.

По уровню образования работники номенклатуры горкома распределялись следующим образом: с высшим образованием — 63,2%, с незаконченным высшим образованием — 7,8%, со средним специальным образованием — 3,8%, со средним образованием — 11,3%. Незаконченное среднее образование было у 6,1% работников, а 1,8% ограничивались только начальным образованием. Наибольшее число работников, не имевших законченного среднего образования, занимало должности в партийных и профсоюзных органах. В период с 1946 по 1953 г. неуклонно возрастала доля работников номенклатуры горкома с высшим образованием (от 2 до 6% ежегодно).

Данные о продолжительности пребывания работников на занимаемых должностях таковы: менее 1 года в данной должности работало 27,2%, от 1 года до 2 лет — 17,9% и более 2 лет — 54,9%. Таким образом, почти половина состава номенклатурных работников (45,1%) имели опыт работы в данной должности менее 2 лет, что свидетельствует о сравнительно высокой мобильности внутри номенклатурной группы, поскольку большинство новых назначений происходило из числа работников номенклатуры гор- и райкома. Выдвижение новых работников производилось в основном за счет старших возрастных групп (например, за первое полугодие 1949 г. среди вновь назначенных около 65% было старше 36 лет)²⁰⁶.

Характеристики общей группы руководящих кадров Ленинграда первых послевоенных лет (численно значительно превышавшей партийную номенклатуру) приводятся в статье, посвященной этому вопросу²⁰⁷.

Следует отдельно остановиться на национальном составе номенклатурных и руководящих кадров города.

Среди кадров номенклатуры горкома четверть наиболее многочисленными национальными группами были: русские (85,7%), евреи (7,3%), украинцы (3,3%) и белорусы (1,5%)²⁰⁸.

²⁰⁶ Там же. Л. 29–33.

²⁰⁷ Болдовский К. А. Социальный состав... С. 197–213.

²⁰⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 54. Д. 45. Л. 29.

Данные источников показывают, что в описываемый период (1947–1948 гг.) в Ленинграде не проводилось кадровых чисток по национальному признаку. Национальное распределение внутри различных должностных групп подтверждает это предположение. На промышленных предприятиях среди директоров было 70,3% русских и 22,5% евреев; среди заместителей директоров и главных инженеров — 62,8 и 31,1% соответственно; среди инженеров — 75,8 и 19,4%. В проектных и конструкторских организациях среди директоров было 69,7% русских и 16,8% евреев, среди инженеров — 72,7 и 21,3% соответственно. В научных учреждениях среди руководителей учреждений — 76,2% русских и 14,6% евреев, среди научных сотрудников (старших и младших) — 71,4% и 22,5%. Данные показывают, что в различных должностных группах в целом сохранялось приблизительно одинаковое распределение национальностей и не проводилось мероприятий по вытеснению евреев с руководящих должностей.

Более того, отдельные проявления антисемитизма среди работников партаппарата пресекались, особенно если они становились широко известны. Это можно проиллюстрировать следующим примером. В сентябре 1945 г. зав. отделом оборонной промышленности горкома М. В. Басов направил на имя секретаря по кадрам горкома Г. Ф. Бадаева справку следующего содержания:

...инструктор горкома ВКП(б) в отделе оборонной промышленности Курбатов по телефону начал давать указания инструктору Октябрьского райкома ВКП(б) об изгнании евреев (или, как он называл, — французов) из строительно-монтажного треста № 3 НКБ. <...>

При проверке Курбатов подтвердил, что такие разговоры действительно с его стороны были, но он не придавал этому значения. Он считает, что допустил ошибку. Разговоры Курбатова вызвали среди отдельных работников в Октябрьском райкома ВКП(б) возмущение <...>.

Считаю дальнейшее оставление Курбатова на работе инструктора горкома ВКП(б) нецелесообразным.

Прошу принять постановление бюро горкома ВКП(б) об освобождении его от работы инструктора горкома ВКП(б)²⁰⁹.

Документальные данные показывают, что широкомасштабная кампания по вытеснению евреев из номенклатуры и состава руководящих работников началась только с 1949 г., после прихода к власти нового руководства города.

Основным методом руководства номенклатурными кадрами было назначение и освобождение работников. Следует отметить, что ЦК ВКП(б) предоставило в этом вопросе региональным партийным структурам широкие права.

В ноябре 1946 г. по инициативе А. А. Кузнецова было принято постановление ЦК «О недостатках в учете членов и кандидатов в члены ВКП(б) и мерах по упорядочиванию дела учета коммунистов». За сухой бюрократической формулировкой названия постановления скрывался большой рывок в направлении установления полного партийного контроля над кадрами. В постановлении говорилось:

ЦК ВКП(б) установил, что передвижение членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной организации в другую может происходить:

- а) в пределах района <...> — с разрешения райкома <...>;
- б) за пределы района, города <...> — с разрешения обкома.

К постановлению прилагалась инструкция «О порядке передвижения членов и кандидатов в члены ВКП(б) из одной партийной организации в другую», в которой устанавливалось:

<...> 2. Разрешение на снятие с партийного учета членов и кандидатов, перемещаемых по служебной линии министерствами и ведомствами СССР и РСФСР, дается обкомами.

<...> Если обком возражает против отзыва министерством (ведомством) члена и кандидата в члены ВКП(б) из организации — вопрос о перемещении решается Управлением кадров ЦК

²⁰⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13а. Д. 161. Л. 32.

ВКП(б) по представлению министерства (ведомства), производящего перемещение²¹⁰.

Очевидно, что выполнение подобной инструкции предоставляло региональным партийным комитетам и Управлению кадров чрезвычайно широкие полномочия. Региональный обком (в Ленинграде — горком) мог если и не наложить окончательный запрет, то существенно осложнить перемещение практически любого работника. Любое ведомство, самые значимые министерства были вынуждены просить у Управления разрешения на перемещение своих руководящих кадров. Разумно предположить, что это могло вызвать резкую неприязнь у хозяйственных руководителей и их кураторов.

Ленинградский горком активно пользовался предоставленными ему правами. Например, в апреле 1947 г. горком обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой предоставить райкомам города, в порядке исключения, право самостоятельно решать вопросы о переводе работников из района в район. В письме указывалось, что ежемесячно горком рассматривает вопросы о перемещении 1500–1600 чел.²¹¹

Решающую роль горкома при согласовании кандидатур руководителей можно проиллюстрировать примерами из переписки его отдела кадров с различными министерствами и ведомствами. Возьмем только один характерный случай. В сентябре 1947 г. Министерство гражданского строительства четыре раза отправляло телеграммы-молнии в горком с просьбой согласовать кандидатуру директора строящегося шлакогипсового комбината. После интенсивного обмена телеграммами по этому вопросу горком ответил окончательным отказом, который Министерство вынуждено было принять.

Райкомы партии следовали практике горкома. На совещании в начале 1948 г. 1-й секретарь Выборгского райкома В. Я. Козлов с гордостью докладывал: «Постановление ЦК партии о работе

²¹⁰ Вопросы партийной работы в послевоенный период. Сборник документов. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1948. С. 87.

²¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 40. Д. 47. Л. 7.

с кадрами в Министерствах и ведомствах помогло поднять работу с хозяйственными кадрами на высшую ступень. В ряде случаев бюро райкома отклоняло представленные министерством на утверждение кандидатуры. Так, заместитель директора завода “Ильич” Добров, работая продолжительное время, не утверждался, как не соответствующий назначению. Бюро райкома отклонило эту кандидатуру, и министерство согласилось с мнением райкома. Таким же образом поступили и с заместителем директора завода “Красный Октябрь” и некоторыми другими»²¹².

Одним из основных критериев эффективности работы с кадрами был процент работников номенклатуры, утвержденный на заседаниях бюро горкома и райкомов. Утверждение на бюро, с одной стороны, препятствовало стремлению руководства ведомств провести назначение, минуя партийные органы, а с другой — возлагало на соответствующее партийное руководство ответственность за утвержденного работника. О необходимости увеличения процента утвержденных на бюро постоянно упоминалось в документах партийных органов и на различных совещаниях. В этом отношении Ленинградский горком достиг высоких показателей. В 1947 г. доля работников, занимающих номенклатурные должности и утвержденных решением бюро горкома, составила 90%, что превышало показатели большинства других региональных партийных комитетов. По наиболее важным группам процент утвержденных был еще выше: по государственным органам (исполкомы и подведомственные им структуры) — 93,1%, органам суда, прокуратуры и юстиции — 93,7%²¹³.

Расширения полномочий в деле назначения номенклатурных кадров требовало и руководство райкомов партии. Выступая на общегородском совещании по кадровой работе, 1-й секретарь Володарского райкома В. А. Колобашкин сказал: «У нас есть номенклатурные работники, которые утверждаются Центральным Комитетом партии, городским комитетом и районными комитетами, но это очень часто не выдерживается. Я так

²¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 125.

²¹³ Там же. Оп. 7. Д. 900. Л. 6.

себе представляю: если есть круг работников, утверждаемых районным комитетом партии, надо, чтобы их районный комитет партии и утверждал. Это будет повышать ответственность районного комитета за товарищей. За последнее время часто присылают работников в район без ведома и согласия районного комитета партии, только потому, что кто-то из инструкторов отдела кадров дал согласие на назначение того или иного работника... выходит так, что райком партии вынужден только штамповать, потому что факт сам по себе уже совершился. Я думаю, что в этом отношении права районного комитета партии нужно уважать»²¹⁴. Другие секретари райкомов в своих выступлениях поддержали это пожелание.

Повышенное значение в 1946–1948 гг. в кадровой работе уделялось «идейно-политическому облику» руководителей. При этом недостатки в управленческой практике и хозяйственной деятельности часто объяснялись невысокой политической культурой конкретных работников. Например, в ходе пленума горкома в феврале 1948 г. это положение было раскрыто с использованием конкретных примеров: «<...> некоторая часть партийных и хозяйственных работников отстает в своем развитии от бурного роста страны, от идейного и культурного роста трудящихся, отстает от требований, которые предъявляются в социалистическом обществе <...>. В результате такие работники перестают быть государственными, политическими деятелями, становятся аполитичными, утрачивают большевистский облик.

Не случайно на фабрике им. Горького часто имеют место несчастные случаи. Часто выходит из строя ценнейшее оборудование. И директор, и главный инженер фабрики не повышают свой идейно-политический уровень и отстают от задач сегодняшнего дня.

Идейно-политическая отсталость партийных, хозяйственных и советских работников ведет к провалам в их работе, приводит к тому, что они не могут достаточно обеспечить осуществление политики партии, утрачивают чувство ответственности

²¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 156–157.

перед партией и советским государством и наносят ущерб делу социалистического строительства»²¹⁵.

Особое внимание при кадровой работе уделялось интеллигенции. ЦК ВКП(б) постоянно указывал Ленинградскому горкому на необходимость самого пристального внимания к этой группе. В письме ЦК, посвященном вопросам кадровой работы в горкоме, подготовленном по материалам проверки, проведенной в начале 1948 г., недвусмысленно говорилось: «Ленинградский горком ВКП(б) проделал большую работу по укреплению более подготовленными кадрами отделения Союза советских писателей, редакций журналов, издательств, научно-исследовательских учреждений, однако некоторые участки идеологического фронта всё еще возглавляются слабыми работниками»²¹⁶.

Особое значение эти вопросы приобрели после развертывания в общесоюзном масштабе кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», последовавшей после «дела Клюевой — Роскина»²¹⁷.

Первоочередные проблемы и задачи по контролю над кадрами интеллигенции, особенно работающими в областях, которые считались идеологически важными, прозвучали в выступлении 1-го секретаря горкома П. С. Попкова на пленуме горкома, специально посвященном вопросам кадровой работы и проходившем в феврале 1948 г. Руководитель города сказал:

<...> не можем мы допустить, прежде всего в гуманитарных вузах, безразличного отношения к тому, кто заведует кафедрой литературы, в особенности русской, кто заведует кафедрой истории СССР, кто заведует кафедрой всеобщей истории. Мы не можем такие вопросы обходить, не вмешиваться в это дело и нам не безразлично, кто возглавляет кафедру, кто состоит в аспирантуре в этих вузах, потому что это имеет непосредственное

²¹⁵ Там же. Л. 145.

²¹⁶ Там же. Л. 235.

²¹⁷ Подробнее об этом «деле» см.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести»: «Дело «КР». М.: Наука, 2005.

отношение к вопросам идеологии, и районные комитеты партии должны вмешаться в это дело.

<...> Нам надо вмешаться, посмотреть, кто идет в аспирантуру, здесь мало того, что человек талантливый, мы антисоветски настроенных людей не можем пропускать в аспирантуру, тут мы должны наложить большевистскую руку и сказать, что такой человек в аспирантуре нам не нужен, пусть он годика три поработает на заводе, там рабочий класс его отшлифует, поставит правильно ему мозги, а потом уж пусть он идет в аспирантуру²¹⁸.

Примеры идеологических отклонений и борьбы с ними партийных структур были приведены в выступлении Г. Э. Орехова:

В ряде институтов были вскрыты случаи низкопоклонства перед иностранщиной. В Институте экспериментальной медицины ученый совет осудил профессора Паршина, восхвалявшего иностранную науку, и освободил его от работы.

В Травматологическом институте, правда, после настоятельных указаний райкома, партийной организацией был резко осужден антипатриотический поступок проф. Эпштейна и доцента Розова, отказавшихся от приоритета своего научного открытия в пользу аргентинского ученого <...>.

В Педагогическом институте им. Покровского преподаватель истории т. Ветров допускал грубые ошибки, в частности, в вопросах происхождения славянского государства, преподносил давным-давно отвергнутую реакционную теорию о норманнском происхождении славянского государства <...>.

Нужно сказать, что и в Первом медицинском институте совсем недавно был исключительно позорный факт для некоторых работников из числа интеллигенции.

Недавно в наших высших учебных заведениях прошли ученые советы по обсуждению итогов XVI пленума Центрального Комитета ВЛКСМ. И вот при обсуждении этого вопроса ряд профессоров, в том числе всем нам известные Джанелидзе

²¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 234–235.

и Купалов, выступили с такой теорией, что комсомол не только не помогает воспитывать молодежь, а, наоборот, отвлекает ее от учебы и мешает учебе молодежи. Районный комитет партии рассмотрел этот вопрос и обязал директора института профессора Озерецкого вновь созвать Ученый совет, на котором подвергнуть резкой критике поведение профессоров Джанелидзе и Купалова²¹⁹.

Руководство и контроль над кадрами интеллигенции затруднялись из-за уровня компетентности партийных работников, занимавшихся этими вопросами и использовавших в своей работе прежде всего административные методы воздействия.

Время от времени эта проблема вызывала беспокойство у руководителей города. Так, например, в ходе обсуждения кадровых вопросов секретарь горкома по кадрам Г. Т. Кедров отметил:

<...> в Василеостровском районе группу высших учебных заведений возглавляет т. Максакова, никогда не работавшая в высшем учебном заведении и имеющая лишь среднее образование.

Неужели у тов. Нестерова (1-й секретарь Василеостровского райкома. — *Авт.*) в Василеостровском районе, с большим количеством интеллигенции, нельзя найти инструктора с высшим образованием?²²⁰

Это замечание вызвало возражения со стороны Г. М. Нестерова, который в своем выступлении постарался продемонстрировать, что, несмотря на отсутствие высшего образования, инструктор, действуя на основании постановлений ЦК, вполне успешно справляется со своими обязанностями: «<...> инструктор отдела кадров по группе научно-исследовательских институтов и вузов т. Максакова, систематически изучая ход выполнения постановления ЦК партии по учреждениям Академии наук СССР, ознакомившись с содержанием работы кадров, <...> вскрыла ряд

²¹⁹ Там же. Л. 181.

²²⁰ Там же. Л. 202.

существенных недостатков, что позволило райкому партии поставить вопрос перед Президиумом Академии наук СССР об укреплении руководства ряда институтов. Так, по предложению инструктора райкома партии заместителем директора по научной части Института русского языка Академии наук был выдвинут бывший секретарь партийной организации доктор наук профессор Филин; заместителем директора Института востоковедения Академии наук выдвинут бывший секретарь партийной организации этого института доктор наук профессор Боровков, заместителем директора Института языка и мышления Академии наук назначен активист избирательной кампании молодой ученый т. Аврорин. Укреплено руководство научно-исследовательского института огнеупоров, директором которого по предложению инструктора отдела кадров райкома назначен лауреат Сталинской премии профессор Федосеев. Практика работы этих руководителей показала, что инструктор райкома т. Максакова хорошо изучила кадры и правильно определила их способности»²²¹.

Еще одним методом воспитания кадров интеллигенции были так называемые дискуссии, в ходе которых подвергались проработке недостаточно идеологически выдержанные ученые: «Одним из важных средств идеологического воспитания научных работников стали творческие научные дискуссии. Одна из таких научных дискуссий была проведена в Ленинградском университете по инициативе партийной организации политико-экономического факультета. При обсуждении книги профессора Розенфельда “Промышленность Соединенных Штатов Америки и война” был вскрыт идеологически вредный характер книги. Дискуссия помогла автору понять существо его ошибок и, что самое главное, явилась хорошей школой для всех ее участников»²²².

²²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 137.

²²² Там же. Л. 147. Я. С. Розенфельд (1883–1973) — выдающийся советский ученый-экономист. После проработки был освобожден от работы в ЛГУ, в 1949 г. был арестован. Подробнее кампания по борьбе с «космополитизмом» на экономическом факультете ЛГУ описана в статье Л. Сидоровского (*Сидоровский Л.* Разгром // Совершенно секретно. 2008. № 8. С. 26–27).

Многие недостатки в работе среди интеллигенции руководители райкомов объясняли отсутствием нужного количества подготовленных кадров, перекладывая при этом ответственность на вышестоящие органы. В качестве примера можно привести отчетное сообщение Василеостровского райкома, в котором говорится: «Райком ВКП(б) в течение двух лет не может укрепить кафедру марксизма-ленинизма ЛГУ, хотя эта кафедра особенно нуждается в укреплении. Райком партии не получил необходимой поддержки и помощи в этом деле со стороны отдела кадров и агитации и пропаганды горкома партии, хотя неоднократно обращался к ним»²²³.

В целом, ленинградские партийные руководители активно поддерживали и выполняли директивы Управления кадров ЦК ВКП(б).

Отдел кадров горкома партии стремился взять в свои руки всю кадровую работу в городе, не ограничивая себя рамками только партийного аппарата и даже номенклатуры горкома. Об этом свидетельствует фраза из отчета отдела кадров горкома за 1947 г.: «Выполняя решение XVIII съезда ВКП(б) о централизации всей работы с кадрами, отдел кадров горкома ВКП(б) занимался не только подбором, расстановкой и воспитанием кадров, входящих в номенклатуру ЦК и горкома, но и осуществлял повседневное руководство и направлял работу с кадрами районных комитетов ВКП(б), учреждений, ведомств и предприятий»²²⁴.

Контроль над кадрами распространялся даже на такие «неприкасаемые» министерства, как МГБ и МВД.

В 1946 г. отдел кадров Ленинградского обкома ВКП(б) (следует отметить, что начальником отдела был секретарь обкома А. М. Григорьев — лично преданный А. А. Кузнецову человек) провел проверку деятельности подразделений УМГБ и УМВД. Проверка происходила на основании поступивших в партийные органы заявлений граждан. В отчете говорилось:

²²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6487. Л. 148.

²²⁴ Там же. Оп. 7. Д. 676. Л. 10.

За 1946 г. проведено 64 проверки работы отделов и отделений МВД, МГБ и судебно-прокурорских участков.

В феврале 1946 г. при проверке комиссией обкома ВКП(б) правильности ведения следствия со стороны работников следственного отдела Управления МГБ, в транспортном и водном отделах МГБ Октябрьской ж. д. и Балтийского бассейна были вскрыты факты грубейшего нарушения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г.

В погоне за цифровыми показателями отдельные оперативные работники проводили недостаточную агентурную разработку объектов, допускали преждевременные, а иногда и необоснованные аресты граждан, виновность которых не доказана. В следственной работе применялись к подследственным меры физического воздействия, фальсификации документов, угрозы, нецензурная брань, грубость и т.д.

По собственному произволу отдельные работники следственного отдела, с целью получения нужных показаний, избивали подследственных (начальник отделения следственного отдела Кружков, старший следователь следственного отдела Леонов и др.).

В целях создания «громких дел» и придания им «острой» политической окраски некоторые работники управления МГБ ЛО допускали необъективную запись показаний обвиняемых и свидетелей, «натяжки» и даже прямую фальсификацию следственных документов.

Указанные факты грубейших нарушений в агентурной и следственной работе были известны руководству МГБ ЛО, но анализом их они не занимались и должных мер к их устранению не принимали.

Существовавшая порочная практика в работе органов МГБ объясняется еще и тем, что оперативный состав не работал систематически над повышением идейно-политического и культурного уровня своих знаний, в результате эти работники теряли партийную принципиальность и политическую бдительность. Партком УМГБ ЛО смирился с таким положением, не помог коммунистам создать необходимые условия для повышения политического и культурного кругозора.

С целью устранения отмеченных недостатков были проведены с участием секретаря обкома ВКП(б) заседания партийного комитета Управления МГБ и закрытые партийные собрания коммунистов следственного отдела УМГБ ЛО и транспортного отдела МГБ Октябрьской железной дороги.

Секретарь партийного комитета УМГБ ЛО т. Сафонов на проводимой после этого партийной конференции Управления МГБ в новый состав членов партийного комитета не избран. Начальник следственного отдела т. Подчасов, его заместитель т. Артемов, начальники отделений: Кружков, Имбрат, Иванов и др. — сняты с работы и привлечены к ответственности. Следственный отдел УМГБ ЛО укреплен проверенными и знающими свое дело работниками²²⁵.

В отчете о проверках, произведенных обкомом партии, упоминается и о недостатках в системе исправительно-трудовых учреждений МВД:

В апреле 1946 г. отдел кадров обкома ВКП(б) проверил содержание заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях УМВД ЛО и установил, что заключенные содержались в антисанитарных условиях, подвергались массовым избиениям, на тяжелых физических работах использовались без учета пола и возраста и не обеспечивались надлежащим питанием по предусмотренным нормам. Должная воспитательная работа среди заключенных не проводилась, дисциплина среди них поддерживалась методами угроз и применением различных мер физического воздействия.

Вопрос об этих нарушениях обсуждался на бюро обкома ВКП(б), постановлением которого начальник политотдела УИТ-Лик УМВД т. Горбачев снят с работы, а начальнику Управления трудовых лагерей и колоний т. Деревянко объявлен выговор.

В процессе устранения отмеченных недостатков начальником ГУЛАГА МВД СССР т. Наседкиным было снято с руководящей работы в лагерях и колониях 21 человек, из них 3 человека (Пейрик, Соколов и Петров) исключены из партии и привлечены к уголовной ответственности²²⁶.

²²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 7. Д. 977. Л. 35.

²²⁶ Там же. Л. 36.

Цитирование столь пространных фрагментов документов вызвано не совсем обычным, на наш взгляд, их характером. Претензии, высказанные в адрес работников УМГБ, сводятся не к упрекам в недостаточной активности по поиску «врагов», а к нарушениям законности и прав граждан в ходе рядовых оперативных и следственных действий. Недостатки в работе УИТЛиК также, по мнению партийных контролеров, заключаются в нарушении прав заключенных. По нашему мнению, региональные партийные работники, опасаясь обвинений в «потворстве врагам», не стали бы заострять внимание на нарушениях подобного рода, не согласовав предварительно этот вопрос с руководителями в ЦК ВКП(б).

Нам представляется, что подобные действия были санкционированы А. А. Кузнецовым, который как раз в то время был избран секретарем ЦК. Можно предположить, что сбор негативных данных о работе МВД и МГБ проводился с личного одобрения И. В. Сталина, готовившего материал для смены руководства этих ведомств. В любом случае — партийный аппарат в данном конкретном вопросе сработал оперативно, качественно и оказался сильнее «карательных» органов.

Партийный аппарат не оставлял без внимания и работу Управления МВД по Ленинграду и Ленинградской области. Следует отметить, что в период 1945–1948 гг. отношения руководства горкома ВКП(б) и УМВД часто принимали форму скрытого противостояния, которое выражалось в сборе и передаче в вышестоящие инстанции компрометирующих материалов друг на друга. Иллюстрацией этого может послужить расследование фактов злоупотреблений в ходе денежной реформы декабря 1947 г. среди ленинградских партийных руководителей районного уровня. Это расследование было инициировано органами МВД и привело как к смещению со своих постов ряда районных руководителей, так и компрометации ленинградского партийного аппарата перед вышестоящими инстанциями²²⁷. От-

²²⁷ Подробнее эти события рассматриваются в статье: *Болдовский К. А. Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 175–184.*

ветные действия партийного руководства города не заставили себя долго ждать. От своей должности был отстранен начальник Управления МВД И. С. Шикторов. Руководство горкома сформировало комиссию по проверке работы городской милиции, прежде всего отдела БХСС и управления уголовного розыска, под председательством заведующего административным отделом горкома Г. Э. Орехова. Комиссия закончила свою работу к началу марта 1949 г. и результаты обследования обсуждались на бюро горкома на заседании 17 марта 1949 г. В справке комиссии были перечислены недостатки в работе подразделений городской милиции (в том числе в такой «деликатной» сфере, как агентурная работа), а также злоупотребления руководящих работников Управления.

В справке сообщалось, что «абсолютное большинство дел возбуждается на преступников-одиночек, а организованные хищнические и спекулятивные группы и их связи не вскрываются и не пресекаются. <...> По учетным данным создается видимое благополучие в обеспечении отдела БХСС секретным аппаратом, а фактически из-за отсутствия систематической работы, связи с ним и неправильного воспитания значительная часть его не работает и расшифровывается <...>. В практике работы отдельных сотрудников ОБХСС применяются провокационные методы. <...> Один из секретных сотрудников <...> в течение длительного времени по указанию и при содействии начальника отделения <...> вовлекал малоустойчивых лиц в спекулятивную деятельность, которые впоследствии арестовывались и были осуждены»²²⁸.

Комиссия обратила внимание на многочисленные факты нарушения законности, «закрывающиеся в большом количестве незаконных задержаний граждан, необоснованном производстве арестов и обысков, грубом, хулиганском и бестактном отношении к людям. В 1948 г. было задержано и содержалось в предварительном заключении 23 533 человека, а к уголовной ответственности из них привлечено лишь 15 473 человека, остальные

²²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 98. Л. 138–139.

8205 человек освобождены, в том числе 2433 чел. даже без привлечения к административной ответственности, как ни в чем не виновные. <...> За 1948 год (отделом наружной службы. — *Авт.*) <...> привлечено 421 000 ленинградцев к административной ответственности. Каждый шестой житель города Ленинграда в течение года был подвергнут штрафу. Имели место случаи, когда сотрудники милиции, находящиеся на посту и не подвергшие никого из граждан штрафу, посылались дополнительно в наряд»²²⁹.

Отмечались также факты сокрытия преступлений от регистрации («за 3 года и 3 месяца в городе произошло 61 000 различных криминальных случаев, а по учету преступности отражено лишь 9000 случаев, на которые возбуждены уголовные дела <...>»²³⁰), злоупотреблений и взяточничества, а также «аморальных проявлений» сотрудников милиции («за 1948 г. по всем подразделениям милиции города аморальные проявления, за которые накладывались дисциплинарные взыскания, не только не снизились, а возросли и составляют 19,4 % от общего количества личного состава, в том числе 50,6 % аморальных проявлений совершено коммунистами и 44,4 % лицами офицерского состава»²³¹).

Ответственность, по мнению партийных органов, следовало возложить на руководство управления милиции, так как выявленные серьезные недостатки явились результатом «неудовлетворительного руководства работой отделов и подразделений милиции со стороны начальника управления т. Иванова, незнания им существа работы <...> и его либерализма в борьбе со всякого рода недостатками, ошибками и совершаемыми личным составом проступками», а также «прямого ослабления руководства и контроля за деятельностью оперативного и специального аппарата со стороны заместителей начальника управления <...>, начальника ОБХСС <...> и его заместителей <...>, самоустранившихся от непосредственной оперативной деятельности, и их

²²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 98. Л. 140–142.

²³⁰ Там же. Л. 141.

²³¹ Там же. Л. 144.

примиренческого отношения к ошибкам и недостаткам, допускаемым подчиненными работниками»²³².

Необходимыми мерами для устранения «недостатков и ошибок» комиссия считала обсуждение данного вопроса на бюро горкома ВКП(б) и «кадровое укрепление» руководства милиции, ОБХСС и других подразделений, что означало на практике смену руководства в этих структурах.

Данный вопрос действительно обсуждался на бюро горкома 17 марта 1949 г., но предлагаемые меры в полном объеме применены не были из-за смены руководства в ленинградской партийной организации, произошедшего в конце февраля того же года.

Руководство ленинградской городской парторганизации активно боролось с практикой «сращивания». В апреле 1946 г. П. С. Попков заявил на собрании партийного актива: «В нашем руководстве порою сохраняются еще старые методы военного времени и блокадного периода <...>. Некоторые наши партийные работники незаметно для себя превратились из партийных руководителей в людей ведомственного типа, решающих вопросы не с принципиальных партийных позиций, а с узких позиций того или иного ведомства»²³³.

Активная кампания велась против практики «подмены» партийных обязанностей хозяйственными делами. В апреле 1946 г. в передовой статье «Ленинградской правды» говорилось: «Еще встречаются порой партийные работники, которые склонны подменять хозяйственных руководителей, которые готовы давать указания о порядке размещения станков в цехе и в то же время забывают о внутрипартийной работе <...>. Не подменяя хозяйственных руководителей, наши партийные организации должны повседневно и умело осуществлять контроль над деятельностью администрации»²³⁴.

Борьба со «сращиванием» не ограничивалась только увещеваниями и призывами. В материалах отдела кадров горкома

²³² Там же. Оп. 49. Д. 98. Л. 145.

²³³ Ленинградская правда. 1946. 18 апреля. С. 2.

²³⁴ Там же. 19 апреля. С. 1.

содержится, например, такая информация: «Увлечение разрешением мелких хозяйственных вопросов вплоть до подыскания инструмента для отдельных предприятий и расстановки оборудования в ущерб работе с кадрами, а также забвение дела своего идейно-политического роста привело к тому, что решением бюро горкома все трое (секретари по кадрам Свердловского, Ленинского и Фрунзенского райкомов) были освобождены от работы»²³⁵.

В выступлениях и отчетах постоянно подчеркивалось, что «идти на поводу у хозяйственных работников» — губительный путь для партийного работника. Типичными были сообщения такого рода: «Бывший директор завода им. Энгельса Салтанов оказался жуликом и был арестован. Секретарь парторганизации этого завода Суворов оказался на поводу у хозяйственников, за что был снят с работы и исключен из партии»²³⁶.

Иногда под ударом оказывались весьма высокопоставленные партработники. Приведем только один пример.

28 июня 1947 г. секретарям горкома была направлена «Справка по анонимным письмам о практике работы и неправильных действиях секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б) т. Закржевской Т.В.», подписанная зав. оргинструкторским отделом горкома Левиным и инструкторами Щербаковой и Восковым²³⁷. В справке приводились факты «использования т. Закржевской служебного положения в личных целях». Перечислялись случаи, когда Т.В. Закржевская вызывала на дом мастеров ателье для подгонки и примерки одежды, которую для нее изготавливали за наличный расчет и без оформления ордеров. Приводились также факты ремонта квартиры, предназначенной для Т.В. Закржевской, государственными организациями и допущенного при этом перерасхода денежных средств. Как показывает документ, руководство усматривало главную провинность первого секретаря райкома не в фактах бытовой коррупции,

²³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 7. Д. 676. Л. 12.

²³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 6487. Л. 125.

²³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 37. Л. 1–5.

а в том, что «тов. Закржевская поставила себя в зависимость к ряду хозяйственных руководителей»²³⁸.

Итоги деятельности руководства партийной организации города с 1946 по 1948 г. были подведены на VIII городской / X областной партийной конференции, проходившей 22–25 декабря 1948 г.

Говоря о кадровой работе, П. С. Попков подчеркивал: «<...> Обком и горком сумели выдвинуть <...> новых людей, которые успешно справляются с решением задач, стоящих перед ЛПО»²³⁹.

В отчетном докладе горкома и обкома партии были отмечены недостатки в области организационно-партийной работы:

Во-первых, райкомы часто брали на себя разрешение многих вопросов хозяйственной и советской работы и медленно изжили характерную для военного времени практику подмены советских и хозяйственных кадров;

Во-вторых, некоторые районные комитеты осуществляли недостаточный контроль и оказывали слабую помощь первичным парторганизациям. Наши райкомы еще не изжили до конца элементы декларативно-заседательского метода руководства, недостаточно занимались организаторской работой;

и, в-третьих, многие наши райкомы всё еще всецело поглощены решением многочисленных текущих дел и... не уделяют внимания решению коренных, перспективных вопросов развития своих районов, неправильно полагая, что все эти перспективы должны за них наметить в горкоме или обкоме²⁴⁰.

«За последние 5 лет горкомом и райкомами было выдвинуто на руководящую работу 12 500 человек, в том числе на номенклатурные должности горкома 2658 человек, из них на партийную работу 928, на советскую 715, на хозяйственную 984». Следует пояснить, что часто последнее высказывание трактуется исследователями неправильно — как доказательство того, что

²³⁸ Там же. Л. 6.

²³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 73. Д. 29. Л. 192.

²⁴⁰ Там же.

работники из Ленинграда активно занимали руководящие посты в центральных и региональных структурах РСФСР. В действительности, как ясно из подготовительных материалов к докладу, речь шла в основном о перемещениях работников из Ленинграда в другие регионы в порядке так называемых «партийных мобилизаций» и отнюдь не на самые высокие посты²⁴¹.

Рост образовательного уровня был проиллюстрирован следующими цифрами: «77,4 % секретарей райкомов партии Ленинграда имеют высшее образование против 58 % на начало 1946 г., в области 34 % против 8,5 %. На работу секретарями райкомов в городе и области выдвинуто 29 женщин. Количество секретарей парторганизаций, имеющих высшее и среднее образование, увеличилось в Ленинграде до 58,6 %, в области до 35 %»²⁴².

«В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) обком и горком партии начали организацию послевоенного подъема партийной пропаганды с решительного улучшения идейно-теоретической подготовки партийных кадров».

В выступлении Я. Ф. Капустина, второго секретаря горкома, был затронут и вопрос партийного контроля:

Первый и главный вопрос в области партийно-политической работы — это вопрос подбора, расстановки и воспитания наших кадров <...>.

Правильно расставлять работников — это значит, говорит товарищ Сталин, — подбирать их «во-первых, по политическому признаку, т.е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т.е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы» <...>

Второй и не менее важной задачей в работе партийных организаций является совершенствование дела партийного контроля всех участков нашей работы²⁴³.

²⁴¹ Подробнее об этом см.: *Болдовский К.А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 3. С. 121–126.

²⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 73. Д. 29. Л. 193.

²⁴³ Там же. Л. 526–527.

Обращает на себя внимание и «ритуальная» часть конференции, т. е. здравицы, приветствия и выборы почетного президиума. Так, например, на конференции особо подчеркивалось, что в почетный президиум выбраны секретари ЦК и «в том числе и Алексей Александрович Кузнецов».

В конце конференции после ритуальных выкриков «Да здравствует наш отец, наш друг, наш вождь и учитель великий товарищ Сталин! Великому товарищу Сталину ура!», последовала и совершенно нетипичная для партийных форумов того времени здравница: «Товарищу Молотову ура!»²⁴⁴ Следует заметить, что никаких других фамилий, кроме Сталина и Молотова, не звучало.

Вряд ли подобные нарушения партийного ритуала и подчеркивание симпатий делегатов конференции к А.А. Кузнецову и В.М. Молотову могли понравиться И.В. Сталину и его окружению. Скорее всего, эти «неумеренные восторги» добавили рвения инициаторам и организаторам разразившихся вскоре чисток.

Выступая на пленуме горкома и обкома, проходившем непосредственно перед конференцией, П.С. Попков заметил: «В этом составе наш пленум последний. Не знаем, как конференция скажет, но я думаю, что этот состав пленума неплохо поработал, экзамен во всяком случае выдержал»²⁴⁵. Последовавшие вскоре события показали, что «экзамены» еще только предстоят.

Подводя итоги сказанному в настоящей главе, необходимо еще раз подчеркнуть, что Ленинградская партийная организация в первые послевоенные годы была по численности одной из крупнейших в стране. Руководящие органы ЛПО как городского, так и районного уровней формировались на пленумах и конференциях, участники которых были представителями номенклатурных руководителей среднего звена. Формально избираемые кандидатуры согласовывались и утверждались в вышестоящих партийных органах. Структура партийного аппарата

²⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 73. Д. 29. Л. 686.

²⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6516. Л. 15.

определялась действовавшим в то время Уставом ВКП(б). Изменения в структуре производились в зависимости от конкретных нужд и санкционировались ЦК ВКП(б).

Численность ответственных работников горкома партии незначительно изменялась и составляла около 200 чел. Ответственных работников райкомов было от 650 до 700 чел. Количество райкомов в разные периоды составляло от 19 до 21. Штатное расписание горкома и райкомов утверждалось в ЦК ВКП(б).

Реорганизация партийного аппарата, предпринятая летом–осенью 1948 г., привела к расформированию отделов кадров и созданию новой структуры подразделений.

По численности основной категорией партийных работников были инструкторы горкома и райкомов ВКП(б). Низкий иерархический статус инструкторов, большой объем работы и неудовлетворительная оплата труда (в сравнении с работниками аналогичной квалификации в хозяйственных структурах и научных организациях) вызывали их недовольство своим положением.

Доля работавших в партаппарате Ленинграда женщин составляла около 30 % в аппарате горкома и 35–37 % в аппаратах райкомов. Женщины занимали, как правило, низкие по иерархическому статусу должности. Вопрос о повышении представительства женщин постоянно ставился руководством ЦК перед нижестоящими структурами. Несмотря на это, число женщин, занимавших руководящие должности в партийных структурах, оставалось небольшим.

По возрасту основной контингент работников партаппарата Ленинграда периода 1946–1948 гг. составляли люди от 35 до 45 лет. Количество молодых работников увеличивалось незначительно, несмотря на постоянные указания сверху о необходимости «омоложения» кадров.

Вопросы повышения образовательного уровня работников партаппарата в первые послевоенные годы были в центре внимания как руководства ЦК, так и местных партийных лидеров. Для обучения руководящих партийных работников создавались многочисленные структуры, начиная от ВППШ при ЦК

ВКП(б) и заканчивая различными курсами при обкомах и горкомах партии.

Образовательный уровень партийных работников Ленинграда по сравнению с аналогичными показателями в других регионах страны был высоким. Среди руководящих партработников в начале 1948 г. высшее и незаконченное высшее образование было примерно у 71 % человек. Среди ответственных работников практически отсутствовали люди без законченного среднего образования. Образовательный уровень был выше у руководящих кадров и несколько ниже среди инструкторов (особенно среди инструкторов райкомов). По профилю образования среди ленинградских партработников было больше всего инженеров различных специализаций и экономистов.

По партийному стажу среди руководящих партработников явно преобладали коммунисты, вступившие в партию в период между 1925 и 1938 гг.

Национальный состав партаппарата в описываемый период был практически однороден. При подавляющем преобладании русских (92,0 %) двумя другими крупными национальными группами были украинцы (4,6 %) и евреи (2,3 %).

Материальное положение партийных работников определялось различными постановлениями и указаниями руководящих партийных органов. До начала 1948 г. денежное довольствие сопровождалось различными «пайковыми» («лимитными») выдачами продовольственных и промышленных товаров. С начала 1948 г. основным источником материальных благ стала заработная плата в денежной форме. Для руководящих партработников были предусмотрены дополнительные ежемесячные денежные выплаты в размере 2–3 окладов («пакеты»). Уровень зарплаты инструкторов не превышал зарплат научных работников низшей квалификации. Инструкторы постоянно выражали недовольство низким уровнем материального обеспечения.

Большинство партийных работников имели достаточно высокий стаж руководящей работы. Вместе с тем высок был показатель сменяемости и низок — показатель стажа работы в данной

должности, что свидетельствует о постоянных кадровых перемещениях как внутри ЛПО, так и за ее пределы («партийные мобилизации»).

Основным источником кадрового рекрутирования были партийные работники низшего уровня — секретари и зам. секретарей первичных партийных организаций. Полностью отсутствовало рекрутирование из числа освобожденных комсомольских работников и руководителей народного хозяйства.

Основной задачей работы как Управления кадров ЦК ВКП(б), так и нижестоящих партийных органов была реализация программы тотального контроля над назначением и передвижением всех руководящих кадров в государственных и партийных структурах с использованием номенклатурного механизма. Для реализации этой задачи неоднократно принимались различные постановления ЦК, которые аппарат ЛПО и его кадровые подразделения старались неукоснительно выполнять.

Численность номенклатуры ленинградского горкома колебалась в описываемый период примерно от 2200 до 2500 должностей. Численность совокупной номенклатуры райкомов составляла около 9 тыс. должностей.

Ленинградские партийные органы в своей кадровой работе старались полностью реализовать властные полномочия, предоставленные им партийным руководством, и подчеркивали приоритет партийных решений при назначении и перемещении работников над ведомственными интересами государственных структур.

Особое внимание кадровых служб партии было направлено на осуществление контроля над кадрами интеллигенции. В то же время отсутствуют данные об осуществлении масштабных чисток по национальному признаку вплоть до 1949 г.

Партийный аппарат стремился поставить под свой контроль и местные подразделения МГБ и МВД. Парторганы осуществляли проверки работы этих структур, затрагивая даже такие области, как агентурная работа. О выявленных недостатках они информировали ЦК ВКП(б) для принятия кадровых решений.

ГЛАВА 3

ПАРТИЙНЫЙ АППАРАТ ЛЕНИНГРАДА В 1949–1953 ГГ.

Начало 1949 г. ознаменовалось существенными переменами для ленинградского партаппарата. Смена руководства города и начавшаяся вскоре после нее кампания кадровой чистки оказались переломным моментом для партийной организации города. Кадровые чистки и репрессии, известные под не совсем точным названием «ленинградского дела», упоминаются во многих научных и публицистических работах. Поэтому нам показалось разумным поместить краткий обзор исследований по этой теме в первый параграф этой главы. Во втором параграфе рассматривается процесс кадровых перестановок в партаппарате Ленинграда в хронологической последовательности. Третий параграф посвящен анализу процедуры чисток, ее формам и методам, характеру предъявленных обвинений. В четвертом параграфе анализируются наиболее характерные черты деятельности нового ленинградского партийного руководства.

3.1. Чистки 1949–1950 гг. в Ленинграде: итоги исследований

В историографии «послевоенного сталинизма» история партийного аппарата Ленинграда первых послевоенных лет оказалась в тени репрессий 1949 г. и последующих лет, объединенных под общим названием «ленинградского дела». Сам этот термин, появившийся впервые в докладной записке В.С. Абакумова И.В. Сталину, чьим автором, скорее всего, был сам руководитель страны, с нашей точки зрения, крайне неудачен. В историографии он закрепился под влиянием выступлений Н.С. Хрущева, который активно пользовался им в своей борьбе с политическими противниками в 1954 и 1957 гг. Причины

этого «дела», очевидно, находились в Москве, в высшем руководстве страны, а жертвами процессов стали далеко не только выходцы из Ленинграда. Более того, многие руководители, начинавшие свою карьеру в Ленинграде, не только не пострадали, но и добились существенных повышений (например Т. Ф. Штыков, Д. Ф. Устинов, В. П. Мжаванадзе и др.). Таким образом, ни с точки зрения причин, ни с точки зрения участников «дело» отнюдь не было связано только с Ленинградом. Сузить его масштабы было на определенном этапе выгодно его инициаторам, а затем и новому руководству в процессе реабилитации пострадавших и критики своих предшественников.

В исторических исследованиях, мемуарах и популярной литературе приводятся различные версии причин возникновения «ленинградского дела». На первом этапе, во время сталинского руководства, все обвинения, естественно, признавались истинными. Затем, в период реабилитации и «оттепели», под влиянием директивных выступлений Н. С. Хрущева¹, считалось, что все жертвы не только абсолютно невиновны в инкриминируемых преступлениях, но и ничем не отличались по своим взглядам от уцелевших коллег. Репрессии объяснялись болезненной подозрительностью вождя, которой ловко пользовались в целях борьбы за власть «нечистоплотные авантюристы, проникшие в руководство». В зависимости от политической конъюнктуры такими авантюристами объявлялись различные деятели из окружения И. В. Сталина: сначала, в 1953–1954 гг., В. С. Абакумов и Л. П. Берия, затем, в 1957 г., Г. М. Маленков и Н. А. Булганин.

До второй половины 1980-х гг. в СССР тема была закрыта для исследований. Многолетнее молчание впервые было прервано в конце 1987 г., когда в ленинградском журнале «Диалог» появились статьи В. А. Кутузова².

¹ См., напр., выступление Н. С. Хрущева на собрании партийного актива Ленинграда 4–5 мая 1954 г. и его выступления в ходе пленума ЦК КПСС в июне 1957 г. (Молотов, Маленков, Каганович. 1957).

² Кутузов В. А. 1) «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. С. 15–21; № 19. С. 15–23; 2) «Ленинградское дело» // Страницы истории. Дайджест прессы. 1987. Л.: Лениздат, 1988. С. 228–243.

В 1989 г. в «Известиях ЦК КПСС» была опубликована подборка документов, посвященная этой проблеме³. Первой объемной научной работой, в которой были широко использованы ранее недоступные архивные источники, стала книга ленинградских исследователей, вышедшая в 1990 г.⁴ Значение этой публикации трудно переоценить. Достаточно сказать, что она и по сегодняшний день остается источником фактов и цитат для очень многих авторов. В многочисленных научных публикациях одного из создателей этой монографии, В. А. Кутузова, исследуются самые разные проблемы, связанные с репрессиями в ЛПО в послевоенные годы. В работах ученого освещены такие вопросы, как количество пострадавших в ходе чисток⁵, судьба организаторов репрессий⁶, политическая биография А. А. Кузнецова⁷,

³ О так называемом «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126–137.

⁴ «Ленинградское дело» / Сост.: В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990.

⁵ Кутузов В. А. 1) «Ленинградское дело»: к вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения 1998–1999: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003» / Ред. Е. А. Адамченко, М. В. Стукалина. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 378–381; 2) «Ленинградское дело». Удар по идеологическим кадрам // Диалог. 1989. № 36. С. 14–19; 3) Как это было? // Вечерний Ленинград. 1988. 16, 18, 20, 21, 23 мая; 4) Конец «ленинградского дела» // Диалог. 1988. № 17. С. 12–18; 5) Так называемое «ленинградское дело». Подлинные страницы истории // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.

⁶ Кутузов В. А. 1) «Ленинградское дело»: судьбы исполнителей // Российская государственность: история и современность / Ред. А. Ю. Дворниченко, В. Н. Барышников и др. СПб.: Знаменитые универсальности, 2003. С. 614–623; 2) Главный экзекутор «Ленинградского дела» // Ленинградская панорама. 1991. № 7. С. 32–34; 3) Несостоявшийся генсек // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 7. С. 33–35; 4) Так называемое «ленинградское дело». Подлинные страницы истории. С. 53–67.

⁷ Кутузов В. А. 1) Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии // Россия в XX веке. Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина / Под ред. В. М. Ковальчука. СПб:

партийное руководство Ленинграда⁸, чистки в Ленинградском государственном университете. В.А. Кутузову принадлежит и историографический обзор работ по этой проблеме⁹.

В 1988 г. появилась публикация А.В. Афанасьева, посвященная А.А. Кузнецову¹⁰. В публицистической статье, основанной на воспоминаниях двух помощников А.А. Кузнецова, автор пытается представить своего героя «личностью, умеющей принимать решения независимо от авторитетов, расклада мнений и расстановки сил в верхах». Стремление представить «ленинградскую группу» своеобразными «борцами с системой» и тем самым найти простое и понятное объяснение произошедших событий свойственно и другим авторам.

Истории «ленинградского дела» уделено достаточно большое внимание в научной литературе. Без упоминания о нем

Нестор-История, 2005. С. 288–305; 2) «Много сделал для защиты города...»: страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова // История глазами историков. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию д. и. н. Евгения Романовича Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 304–311; 3) Алексей Александрович Кузнецов. Страницы послевоенной политической биографии. // Клио. Журнал для ученых. 2001. № 3 (15). С. 162–167.

⁸ Кутузов В.А. 1) А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 146–152; 2) А.А. Жданов или А.А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193–203.

⁹ Кутузов В.А. Дискуссионные и малоизученные вопросы «Ленинградского дела» // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 110–112. Еще один, более ранний, историографический обзор опубликован Т. В. Лешуковой (Лешукова Т.В. Историография «Ленинградского дела» // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докладом 10–12 октября 1994. СПб., 1994. С. 231).

¹⁰ Афанасьев А.В. Победитель // Они не молчали / Сост. А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 388–409.

не обходится ни одна работа обобщающего характера, рассматривающая период советской истории 1945–1953 гг. Однако создается впечатление, что большинство исследователей принимают на веру версию Н. С. Хрущева о злых кознях окружения «стареющего», «болезненно подозрительного» Сталина в борьбе за власть. В качестве примера типичной точки зрения приведем цитату из монографии В. М. Зубока: «Сталин нанес смертельный удар по “ленинградцам” <...>. Эти представители партийно-хозяйственной номенклатуры полагали, что Сталин и впредь будет опираться на них <...>. Все они были людьми Жданова, и Сталин первоначально их продвигал. Берия и Маленков, видевшие для себя угрозу в возрастании влияния этой группы, делали всё возможное, чтобы скомпрометировать “ленинградцев” в глазах вождя»¹¹. Исследователи упускают из вида то, что эта версия страдает недостатком элементарной логики. Утверждение о том, что Сталин был подозрителен настолько «болезненно», что его можно было убедить в измене ближайших соратников (да еще на основании таких мало-значительных обвинений, как подтасовка результатов голосования и несанкционированное проведение оптовой ярмарки), противоречат многочисленным фактам: он самостоятельно, часто без влияния ближайшего окружения принимал важнейшие внутри- и внешнеполитические решения, относящиеся к стратегии развития страны.

В уже упоминавшихся работах О. В. Хлевнюка на основе анализа архивных источников убедительно показывается, что Сталин всегда оставался носителем высшей власти и единоличным диктатором как для своих «ближайших соратников», так и для всей страны.

Недоказанным представляется и утверждение о существовании некой «ленинградской группы» в руководстве страны. Число послевоенных выдвиженцев из Ленинграда было явно

¹¹ Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 100.

недостаточно для формирования такой группы¹². Сам по себе факт начала в Ленинграде партийной и государственной карьеры некоторых руководителей не может являться доказательством их принадлежности к какой-либо «группе». Некоторые из «ленинградских выдвиженцев» (как, например, министр вооружений Д. Ф. Устинов) не только не поддерживали секретарей ЦК А. А. Кузнецова и Г. М. Попова, но и напрямую противостояли их инициативам. Доказательством этого может служить рассмотрение вопроса о работе Министерства вооружений с кадрами на Секретариате ЦК, а также история снятия Г. М. Попова. Более точной представляется версия о том, что Кузнецов в своих инициативах опирался на мнение широкого круга партийных работников среднего звена, прежде всего в регионах. Не вызывает сомнения, что Кузнецов в Москве продолжал поддерживать тесные связи с руководителями Ленинграда, помогал им в решении различных проблем города и настаивал, чтобы они постоянно информировали его о своих делах. Это «кураторство», хотя, вероятно, и несколько выходило за рамки принятого в аппарате стиля отношений, но, конечно, не могло влиять на деятельность «высшего руководства».

Сомнительной представляется и теория о лидерстве А. А. Жданова в некой группе ленинградцев. Ряд источников показывают, что партийные работники Ленинграда тесно взаимодействовали в годы блокады с А. А. Кузнецовым, в то время как Жданов занимался более общими вопросами организации обороны. В послевоенный период, как свидетельствуют архивные документы, большинство просьб ленинградских властей было направлено в адрес Кузнецова. Об этом же говорил в своей речи на февральском пленуме горкома и обкома в 1949 г. П. С. Попков. Наконец, как установил Ю. С. Аксенов, «А. А. Кузнецов <...> получил особо доверительную форму общения со Сталиным через “записки”»¹³. Жданов поддерживал, как свидетельствуют

¹² Болдовский К. А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. С. 121–126.

¹³ Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти. С. 102.

документы, некоторые инициативы Кузнецова по изменению роли партаппарата в системе власти, но не был лидером и организатором вряд ли существовавшей «ленинградской группы».

Свой вклад в исследование проблемы вносят и ученые, занимающиеся изучением российской элиты в целом. В вышедшей в 2006 г. работе О. В. Гаман-Голутвиной¹⁴ автор также не прошла мимо «ленинградского дела». Вслед за Ю. Н. Жуковым¹⁵ она считает, что возникновение дела — признак уменьшения влияния И. В. Сталина и усиления роли Л. П. Берии, организовавшего чистки при помощи Г. М. Маленкова. Отстаивание этой, весьма спорной версии, приводит к парадоксальному результату: на одной странице работы встречаются два практически взаимоисключающих утверждения. Сначала автор пишет: «“Ленинградское дело” и другие, подобные ему, чистки элитного слоя стали проявлением сложившейся еще в предвоенный период установки Сталина на перманентную чистку как способ элитной ротации и блокирования малейших попыток внутриэлитной консолидации, на поддержание гомогенности внутренней структуры элиты, когда каждый руководитель существует, как “несвязанный атом”», а несколькими абзацами ниже высказывает точку зрения, согласно которой «“Ленинградское дело” стало проявлением серьезного кризиса созданной Сталиным системы власти, ибо важнейшим условием успешного функционирования последней являлась эффективность верховной власти, выступающей монопольным субъектом элитной ротации»¹⁶.

Иногда в трудах авторитетных исследователей встречаются и весьма экзотические версии. Вряд ли можно серьезно рассматривать гипотезу о том, что такой поднаторевший в интригах мирового масштаба лидер, каковым, несомненно, был Сталин, принимал важные решения, основываясь на недоверии «к характерному для ленинградцев *esprit de corps*

¹⁴ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁵ См., напр.: Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти.

¹⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. С. 276–277.

и чувству независимости»¹⁷, которые, кстати, для ленинградских партийных выдвиженцев были свойственны в то время так же, как и для представителей других территорий, — т.е. никак.

Р.Г. Пихоя считает, что «серьезной причиной <...> стало обвинение во фракционности, запрещенной в партии еще на X съезде и свирепо преследовавшейся Сталиным»¹⁸. Следует заметить, что, во-первых, никаких обвинений во фракционности (в смысле резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии»¹⁹) «ленинградцам» не предъявлялось, а во-вторых, фракции обычно создаются для отстаивания каких-либо своих, особых, в первую очередь политических целей, о существовании которых Р.Г. Пихоя не упоминает.

В последние годы внимание исследователей привлекают проекты реформ, возникавшие в первые послевоенные годы. В 2002 г. А.В. Пыжиков прокомментировал один из проектов программы ВКП(б), разработанный в 1947 г.²⁰ В исследованиях отечественных и зарубежных историков и социологов появился анализ разногласий между отдельными группами в руководстве страны²¹, другие авторы считают, что проекты реформ готовились при непосредственном участии и под жестким контролем

¹⁷ Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991 гг. М.: Вагриус, 1994. С. 322.

¹⁸ Пихоя Р.Г. СССР: История власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. С. 66.

¹⁹ В резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии» фракции определяются как группы «с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину». См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1983. С. 395.

²⁰ См., напр.: Пыжиков А.В. «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества». Из проекта программы партии 1947 г. // Исторический архив. 2002. № 6. С. 3–10.

²¹ См., напр.: Пыжиков А.В. Ленинградская группа. С. 89–104; Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 273–276.

Сталина²². В публикациях упоминаются планы проведения в 1948 или в начале 1949 г. очередного съезда партии, о подготовке которого было уже объявлено. Ни съезд, ни партийная конференция, которая также планировалась, по невыясненным до сих пор причинам так и не были созваны. Логичной представляется гипотеза о том, что на ожидаемых партийных форумах должны были быть озвучены новые цели развития страны, обозначены экономические и политические приоритеты. Документы, связанные с подготовкой этих мероприятий, малоизвестны даже сейчас. Меньше внимания в публикациях уделяется проектам изменения роли партии в системе власти, таким как, например, уже упоминавшийся проект нового устава ВКП(б), предоставлявший огромные полномочия региональным партийным структурам.

Нельзя не согласиться с О. В. Хлевнюком, который считает, что «попытки <...> выявить в окружении Сталина группировки, различающиеся программами или что-либо иницирующие, <...> представляют собой лишь предположения и гипотезы <...> ни один из подобных тезисов не был доказан фактами»²³. Такие гипотезы, однако, дают направление дальнейшим исследованиям.

Разногласия среди представителей сталинского окружения не являлись, безусловно, политической борьбой в общепринятом смысле этого слова. Скорее можно говорить о различных подходах, взглядах на пути развития страны, находившихся в русле общей политики. Намерения участников не были направлены на кардинальную смену руководства. Они проходили, если можно так выразиться, «в тени вождя», и исход их зависел от того, на чью сторону в конечном итоге станет единственный высший руководитель. Нельзя, однако, сводить такую борьбу только к элементарному аппаратному подсиживанию

²² Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 102.

²³ Обсуждение учебника А. Соколовой и В. Тяжельникова // Отечественная история. 2000. № 5. С. 92.

конкурентов. Речь может идти, скорее, о противостоянии различных подходов к решению ближайших задач развития государства и партии.

Можно высказать предположение, что «ленинградское дело» было лишь внешним проявлением изменения в области политики развития страны, произошедшего примерно в 1948 г. Смена политики, в силу природы режима, естественно, повлекла за собой и изменения в кадровом составе руководства.

Во многих работах, особенно у зарубежных историков, «русский национализм» называется в качестве одной из главных причин возникновения «дела». В качестве примера можно упомянуть монографию Д. Бранденбергера²⁴ или соответствующий раздел из обобщающего труда Дж. Хоскинга²⁵. Нельзя не согласиться с утверждением Д. Бранденбергера о том, что «объяснять “ленинградское дело” лишь продолжающейся борьбой различных кремлевских группировок <...> — значит не учитывать идеологической подоплеки этой чистки»²⁶. По мнению автора, «ленинградское дело» очерчивает те пределы, которые Сталин и «партийная верхушка» установили для развития «русского национализма», т.е. недопустимость, с точки зрения вождя, перехода от пропагандистских лозунгов к организационному оформлению пусть даже небольшой самостоятельности России в составе СССР.

Следует отметить, что приведенные в работе доводы подтверждают гипотезу о возникновении «дела» из-за разногласий по значительно более принципиальным вопросам, чем место в очереди для «прямого доступа» к вождю. С другой стороны, вряд ли стоит предполагать, что разговоры о желательности создания структур коммунистической партии РСФСР были главной причиной столь масштабных репрессий.

²⁴ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм; *Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism* // *Russian Review*. 2004. N 63. 2. P. 241–255.

²⁵ Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991 гг. С. 322–323.

²⁶ Бранденбергер Д. Национал-большевизм. С. 279.

В 2012 г. вышла в свет работа А. З. Ваксера²⁷. Эта небольшое по объему исследование является, на наш взгляд, чрезвычайно значимым. Автор впервые в историографии ищет экономические причины «ленинградского дела». Они, по мнению Ваксера, кроются в неудачной попытке реформирования советской экономики, предпринятой Н. А. Вознесенским с согласия Сталина, в частности с принятием постановления СМ СССР от 28 июля 1948 г. «О ликвидации системы государственных дотаций и повышении оптовых цен на продукцию ряда отраслей тяжелой промышленности и тарифов на железнодорожном транспорте». За этим длинным названием скрывалась попытка ввести для оздоровления народного хозяйства «экономический инструментарий, который фактически оказался сведенным на нет в 30-е и 40-е гг.»²⁸. Реформа провалилась из-за несовместимости экономических рычагов с принципиальными основами административно-командной системы хозяйствования. Принятые меры в итоге привели к бюджетному кризису 1949 г. Значение реформы, по мнению Ваксера, состоит в том, что «впервые после свертывания нэпа Вознесенским и его единомышленниками была осуществлена <...> попытка совмещения административной системы управления с использованием экономического инструментария хозяйствования». В результате неудачи «Сталин, в течение ряда лет поддерживавший их идеи, бросил <...> вчерашних единомышленников, переложив всю ответственность за провал на них»²⁹.

Автор отмечает, что «ленинградское дело» «далеко выходит за пределы региона и кремлевских стен. Это одна из поворотных <...> страниц <...> послевоенной истории СССР»³⁰.

Гипотеза, высказанная А. З. Ваксером, представляет несомненный интерес. Следует заметить, однако, что причины репрессивной кампании вряд ли ограничиваются только

²⁷ Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб.: Европейский Дом, 2012.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Там же. С. 45.

³⁰ Там же.

экономической сферой. Необходимо проанализировать с привлечением архивных документов ход и остановку реформ послевоенного времени в таких областях, как внутривластная политика, организация системы власти и управления, взаимоотношения со странами Восточной Европы. Эти исследования смогут раскрыть причины резкой смены курса развития страны в 1948 г.

Необходимо отметить, что значительно меньше внимания в работах историков уделяется событиям, происходившим на нижних этажах «властной пирамиды», т.е. обстоятельствам, сопутствующим чисткам партийного и государственного аппаратов как в Ленинграде, так и в других регионах СССР.

В 2006 г. вышла статья А.П. Смирнова, в которой рассматриваются биографии некоторых руководителей послевоенного Ленинграда: анализируя состав группы, автор утверждает: «Сформировавшиеся в государстве тоталитарного типа, они не помышляли об уничтожении этой системы. Однако их поведение, внутренний мир всё более выходили за ее пределы. <...> Сталинский режим инстинктивно учуял в том социальном слое угрозу для своего существования»³¹. К похожим выводам приходит и А.А. Амосова. В ее кандидатской диссертации и других работах исследуется биография П.С. Попкова — одного из ведущих руководителей города в годы блокады и послевоенный период. Результаты исследований обобщены в монографии, вышедшей в конце 2013 г. По мнению ученого, П.С. Попков был одним из «новаторов, сплотившихся в крепкий коллектив, работавший свои действенные методы управления, которые никак не вписывались в жесткие рамки существовавшей системы»³².

Нам представляется, что такие оценки чрезмерно идеализируют ленинградских руководителей. На сегодняшний день нет достоверных данных, подтверждающих их стремление выйти

³¹ Смирнов А.П. «Ленинградское дело». Портрет поколения // История Петербурга. 2006. № 6. С. 23.

³² Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб.: Алетейя, 2014. С. 208.

за установленные верховным руководителем «пределы». Не совсем понятно, что понимается под «жесткими рамками системы», так как, по нашему мнению, тактика действий верховного руководства в разные годы «послевоенного сталинизма» была различной.

Известные факты говорят о том, что ленинградские руководители старались «держаться в кильватере» той политики, которая доминировала в кремлевских стенах. Для них, как и для любого регионального руководителя того времени, страшным кошмаром могла показаться мысль о том, что они «не впишутся в рамки системы».

Как только над их головами стали собираться тучи (например в феврале–марте 1949 г.), многие из членов «крепкого коллектива», стремясь обезопасить себя, стали поддерживать разгромную кампанию, направленную против бывших коллег.

В 2009 г. был опубликован сборник статей и материалов «Судьбы людей. “Ленинградское дело”»³³ (составитель А. П. Смирнов). В этой книге кроме научных статей приводятся воспоминания жертв репрессий, а также ранее не публиковавшиеся материалы, например приговор основной группе обвиняемых, вынесенный в конце сентября 1950 г., список репрессированных, фотокопии документов.

Новые архивные материалы, касающиеся репрессий 1949–1950 гг. в Ленинграде, охарактеризованы в статье сотрудника ЦГАИПД СПб Н. И. Шульгиной³⁴.

Юридическая несостоятельность следствия и судебного процесса по делу «ленинградской группы» анализируются в мемуарах Л. А. Вознесенского — сына А. А. Вознесенского, а также в его статье³⁵. В статьях В. Ф. и Г. Ф. Михеевых — сыновей Ф. Е. Ми-

³³ Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А. М. Кулегина; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009.

³⁴ Шульгина Н. И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289.

³⁵ Вознесенский Л. А. 1) Истины ради...; 2) Беззаконие — «по закону» // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 143–158.

хеева, управляющего делами обкома и горкома ВКП(б) с 1940 по 1949 г. — описывается механизм репрессий, анализируются документы следствия³⁶. В этих работах приводятся редкие сведения о частной жизни участников описываемых событий.

В статье Б.А. Старкова рассматривается версия «коррупционной» составляющей причин «ленинградского дела». По мнению этого исследователя, «энергичное вмешательство организованной преступности в хозяйственно-экономическую сферу в послевоенный период, ее сближение с партийной, советской и государственной верхушкой» свидетельствовали о слабости руководства на местах, которое «становилось нормой жизни партийного и советского бюрократического аппарата власти»³⁷. Тема коррупции среди руководящих работников «сталинского периода» до сих пор недостаточно разработана. Архивные источники содержат свидетельства о нарушениях, допущенных руководителями разного ранга, в том числе и в Ленинграде.

Необходимо, однако, отметить, что в ходе «ленинградского дела» не предъявлялись обвинения в связях с уголовной преступностью. Такого рода факты отсутствуют в обвинительном заключении и в приговоре основной группы обвиняемых. Не упоминались они и в многочисленных обвинительных выступлениях новых ленинградских руководителей. Нет никаких документально подтвержденных оснований считать, что коррупционные нарушения в Ленинграде были более крупными или распространенными, нежели в других регионах страны.

В последний период стали выходить работы, в которых рассказывается об отдельных жертвах послевоенных чисток,

³⁶ *Михеевы В. Ф и Г. Ф.* 1) Перечеркнутая память // История Петербурга. 2008. № 5. С. 96–99; 2) «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 214–232 — 2013. № 1. С. 178–198.

³⁷ *Старков Б.А.* Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера / Отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 106.

предпринимаются попытки воссоздать психологические образы этих людей. Кроме уже упоминавшихся статей В. А. Кутузова и диссертации А. А. Амосовой необходимо отметить монографию А. А. Гордиенко о Г. Н. Куприянове — партийном руководителе Карело-Финской ССР.

Из публикаций зарубежных авторов нельзя не упомянуть статью Б. Тромли³⁸. Автор, базируясь на архивных материалах Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), приводит очень интересные сведения как о количестве людей, подвергнутых партийным взысканиям в связи с «ленинградским делом», так и о характере выдвинутых против них обвинений.

В 2012 г. вышла в свет монография П. А. Дружинина, посвященная идеологическим чисткам среди ленинградских ученых-литературоведов³⁹. Книга, основанная на исследовании архивных источников, содержит большой объем документальной информации, дающей представление не только о процессах, проходивших в филологической среде, но и об общей обстановке в Ленинграде в 1949–1953 гг.

Особый интерес представляет сравнение «методов» чисток предвоенных и послевоенных лет. Некоторые авторы находят прямые соответствия между процессами этих двух периодов. В уже упоминавшейся работе Р. Г. Пихоя можно прочесть, что в ходе «ленинградского дела» «под борьбу группировок за власть подводилась идейная основа, устанавливалась преемственность с политическими процессами десятилетней давности»⁴⁰. На наш взгляд, несмотря на внешнее сходство чисток, имеет смысл говорить скорее об их принципиальных различиях, которые в известной степени отражают изменения в общественно-политических реалиях, разграничивающие конец 1930-х и конец 1940-х гг.

³⁸ *Tromly B.* The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56, N 5, July. P. 707–729.

³⁹ *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. М.: НЛО, 2012.

⁴⁰ *Пихоя Р. Г.* СССР: История власти. С. 66.

3.2. Изменения в кадровом составе партийного аппарата Ленинграда в 1949–1953 гг.

Прологом к чисткам в Ленинградской партийной организации послужило разбирательство подтасовки результатов голосования на объединенной партийной конференции города и области, прошедшей в декабре 1948 г.

Поводом для начала расследования было анонимное письмо, поступившее в ЦК в начале января 1949 г. В письме от имени «одного из членов счетной комиссии» говорилось, что председатель комиссии А. Я. Тихонов не сообщил делегатам о том, что против некоторых руководителей города было подано незначительное число голосов. В январе в Москву для беседы с Г. М. Маленковым вызвали А. Я. Тихонова и В. В. Никитина. Никитин (1-й секретарь Смольнинского райкома) был близким знакомым Тихонова, которому тот якобы сообщил в доверительной беседе о подтасовке.

Это разбирательство, хотя и не столь значимое по сравнению с последовавшими далее событиями, дает возможность сделать некоторые предположения относительно механизма подготовки обвинений. Дело в том, что В. В. Никитин формально не имел отношения к подсчету голосов. Казалось бы, в Москву должны были вызвать остальных членов счетной комиссии.

Ситуация с «анонимным письмом» сильно напоминает аналогичный «сигнал», поданный в ЦК в конце 1947 г. и сообщавший о нарушениях отдельных работников Смольнинского района в ходе денежной реформы⁴¹. Совпадения (как территориальное — в обоих случаях информация исходила от лица, связанного со Смольнинским райкомом партии, так и в скорости доставки информации высшим руководителям страны) дают основания считать, что в обоих случаях речь шла об операциях по сбору компрометирующих материалов на ленинградское руководство с использованием источника информации в партийных или советских органах Смольнинского района.

⁴¹ *Болдовский К. А.* Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат. С. 175–184.

Еще одним фактом, свидетельствующим о том, что активная подготовка к чистке ленинградского руководства началась не позднее конца 1948 г., является сбор УМГБ по Ленинграду и области компрометирующих материалов на одного из секретарей обкома В. А. Колобашкина. В сообщениях сотрудников МГБ указывалось, что в начале января 1949 г. один из подследственных в ходе допроса заявил, что Колобашкин был в 1930-х гг. связан с осужденными троцкистами. Эта информация была доложена руководству УМГБ и передана в ЦК. Характерно, что кроме Колобашкина в показаниях фигурировал и Т. Ф. Штыков, который в то время к Ленинграду отношения не имел (работал послом СССР в КНДР) и против которого обвинений в троцкистских связях не выдвигалось.

Кадровые перестановки в ЛПО начались практически сразу же после принятия Политбюро постановления от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». События февраля 1949 г. подробно проанализированы в уже неоднократно упоминавшейся работе В. И. Демидова и В. А. Кутузова, поэтому остановимся только на некоторых моментах, напрямую касающихся партийного аппарата Ленинграда.

В ходе объединенного пленума горкома и обкома ВКП(б), проходившего 22 февраля 1949 г. при активном участии секретаря ЦК Г. М. Маленкова, со своих постов были сняты первый секретарь горкома П. С. Попков и второй секретарь Я. Ф. Капустин. Были освобождены от должностей также А. Я. Тихонов (на момент проведения пленума занимал должность зав. отделом тяжелой промышленности горкома), В. Ф. Грудинин (заместитель заведующего отделом кадров горкома, член счетной комиссии партконференции) и В. В. Никитин (1-й секретарь Смольнинского райкома) за фальсификацию результатов голосования на объединенной конференции горкома и обкома партии в декабре 1948 г. (Тихонов и Грудинин) и за недонесение об этом факте (Никитин). Первым секретарем горкома и обкома ВКП(б) на пленуме был избран В. М. Андрианов.

Следует отметить, что его избрание на объединенном пленуме сопровождалось весьма характерным высказыванием Г.М. Маленкова. В ответ на реплику Г.Ф. Бадаева о том, что бюро горкома не видит в ЛПО кандидата на должность первого секретаря, Маленков заметил, что он не считает, что такой кандидатуры нет. Эти слова были произнесены в тот момент, когда рядом с Маленковым уже находился В.М. Андрианов. Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что реплика Маленкова носила явно провокационный характер. При этом необходимо отметить, однако, что вопрос о кадровых перемещениях в Ленинграде попал в протокол Политбюро только в начале апреля. 3 апреля Политбюро рассмотрело «Вопрос Ленинградского горкома ВКП(б)» (решение Секретариата было принято по этому вопросу 1 апреля 1949 г.), а 5 апреля — вопрос «О 1-м секретаре Ленинградских обкома и горкома ВКП(б)», (решение Секретариата по этому вопросу вынесено в тот же день)⁴². Причины такой задержки с оформлением решения Политбюро по важнейшему политическому вопросу могут быть истолкованы по-разному.

Неясным остается и что происходило на многочасовом заседании бюро горкома и обкома ЛПО, проходившем непосредственно перед пленумом.

В архивных делах пока не обнаружена стенограмма выступления Г.М. Маленкова на объединенном пленуме. Возможно, она находилась среди 33 листов, изъятых из архивного дела Маленковым, о чем уже было упомянуто ранее⁴³.

Единственным выявленным нами источником, кроме уже известных воспоминаний В. В. Садовина, дающим некоторое представление о содержании выступлений Г. М. Маленкова, остаются рукописные пометки, сделанные им в ходе заседаний бюро и пленума и хранящиеся в его личном фонде⁴⁴. Краткие, перечеркнутые записи, большинство которых удалось

⁴² Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 556–557.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 13. Л. 103.

⁴⁴ Там же. Л. 105–109.

расшифровать, свидетельствуют о характере обвинений, предъявленных Маленковым ленинградским руководителям. Например, там указано: «Вчера на бюро Обкома и Горкома очень хорошо сказала т. Закржевская⁴⁵ об одном важном недостатке в работе Ленинградской организации. Она сказала, что нельзя жить заслугами и героизмом периода блокады». В качестве недостатков, кроме тех, которые были упомянуты в решении ЦК, обозначены: «[плохая] работа с активом, зазнайство, живем заслугами периода блокады, подхалимство, [отсутствие] критики». Упрек был брошен и по поводу «подбора кадров в городской организации». При этом в качестве примеров непродуманных кадровых решений упоминались фамилии И. Г. Стожилова, А. Я. Тихонова и В. А. Колобашкина.

Самая большая часть обвинений была посвящена А. А. Кузнецову и его якобы имевшим место властным амбициям: «Дело не в том, что ходили к Кузнецову. Важно тут то, что ЦК не знал, что докладывали Кузнецову и какие он дает указания Ленингр[адской] орг[аниза]ции. <...> Кузнецов в отношении Ленингр[ада] установил другой порядок — единоличн[ые] указ[ания], ничего не докладывал Политбюро ЦК».

Ленинградские руководители упрекались в чрезмерном восхвалении А. А. Кузнецова: «<...> [объявили] выговор за то, что не прервал работы конф[еренции] и не доложил, что на конф[еренцию] прибыл и за кулисами находится т. Кузнецов. Кульминац[ионный] пункт на райконф[еренции] — встать, долг[о] аплод[ировать] т. Кузнецову. [Перекрывали] движение при проезде К[узнецова] по Лен[инграду]». В целом, большая часть претензий сводилась к тому, что ленинградские руководители в своих действиях чрезмерно ориентировались на Кузнецова.

Один из основных упреков в адрес Я. Ф. Капустина заключался в том, что он «дисциплину группы ставил выше партийной».

⁴⁵ Т. В. Закржевская длительное время была 1-м секретарем Куйбышевского РК. В феврале 1949 возглавляла отдел ППКО Ленинградского обкома ВКП(б).

В качестве одной из первоочередных мер Г. М. Маленков отметил: «О чекисте, этого освободить, вернуть старого».

Следует отметить одну весьма характерную деталь. Как следует из заметок Маленкова, первой с критикой стиля бывшего ленинградского руководства на заседании бюро выступила Т. В. Закржевская. Именно она упомянула о чрезмерном перевознесении «блокадных заслуг». Это выступление стало, видимо, одним из первых в череде «критики и самокритики» представителей бывшего руководства города.

Следует отметить, что в ходе февральского пленума постоянно подчеркивалось (Маленковым и другими), что ЛПО в целом не несет ответственности за «грехи» руководителей. Затем это положение видоизменилось. На октябрьском пленуме горкома 1949 г. В. М. Андрианов уже утверждал, что «под влияние антипартийной группировки попала лишь маленькая кучка выродков, которая уже разоблачена и устраняется». Разумно предположить, что подобная смена формулировок не могла произойти без согласования с высшим руководством.

Практически сразу после февральского пленума со своих должностей были сняты работники аппарата, наиболее тесно связанные по роду службы с первым секретарем обкома и горкома ВКП(б): заведующий особым сектором горкома и обкома В. В. Агапов (снят с работы 25 марта 1949 г.), помощник первого секретаря В. Ф. Шишкин (освобожден от должности 2 марта 1949 г.) и управляющий делами Ф. Е. Михеев. Эти работники, связанные с руководством повседневным общением, были заменены приехавшими из Москвы вместе с В. М. Андриановым: Н. А. Романовым, Ф. И. Сержантовым и Н. А. Ладыгиным. Хотя отстранение прежних работников носило демонстративно грубый характер и расценивалось как проявление недоверия, ничего необычного с номенклатурной точки зрения в такой кадровой рокировке не было — новый начальник старался поставить на наиболее «чувствительные» посты знакомых, проверенных людей.

Второй и третий секретари горкома избраны не были. Эта ненормальная для партийной работы ситуация длилась почти

полтора месяца — до апрельского пленума горкома (4 апреля 1949 г). На нем В. М. Андрианов предложил решить наконец организационный вопрос. В ходе выступления П. И. Левин выдвинул в качестве кандидатуры на пост второго секретаря Н. А. Николаева. Сразу после этого Николаев, в свою очередь, предложил на должность секретаря горкома кандидатуру В. П. Щербакова. Как Николаев, так и Щербаков длительное время работали в ленинградской парторганизации. Николаев был 1-м секретарем Ленинского райкома, затем заведовал отделом машиностроения горкома, в декабре 1948 г. избран секретарем горкома ВКП(б). Щербаков возглавлял Калининский райком, затем (после Николаева) работал заведующим отделом машиностроения горкома. Следует отметить, что избрание Николаева на должность 2-го секретаря горкома (в отличие от избрания Андрианова) прошло уже в полном соответствии с принятым порядком. Еще 25 марта этот вопрос был рассмотрен на Секретариате ЦК, а 29 марта оформлено соответствующее решение Политбюро⁴⁶.

В ходе апрельского пленума, как следует из стенограммы (и правленного, и неправленного вариантов), не было произнесено ни единого слова, касающегося вопросов, обсуждавшихся в феврале. Пленум был посвящен мерам по реализации обязательств, данных ленинградцами в письме И. В. Сталину. Доклад по этому вопросу делал Н. Д. Синцов, в скором времени ставший одним из объектов кадровой чистки. Обсуждение резолюции пленума было весьма лапидарным. В ходе этого обсуждения с единственным предложением о внесении редакционной поправки выступила М. А. Вознесенская, 1-й секретарь Куйбышевского райкома, сестра Н. А и А. А. Вознесенских. В. М. Андрианов внешне благожелательно отнесся к ее предложению, поставил его на голосование, после чего оно было единогласно принято⁴⁷.

В этот же период вместо В. В. Никитина 1-м секретарем Смольнинского райкома был утвержден на бюро горкома (2 марта 1949 г.) Н. Н. Родионов, работавший до этого

⁴⁶ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. С. 563.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 14. Л. 1–8.

в Ленинграде секретарем партбюро НИИ-48 Министерства судостроительной промышленности. Он стал одним из «политических долгожителей», выдвинувшихся в ходе чистки. К 1954 г. Родионов стал секретарем горкома КПСС и даже принял участие в собрании партактива с участием Н.С. Хрущева, посвященном «ленинградскому делу». Уже в апреле — начале июня 1949 г. были освобождены от своих постов некоторые руководители исполкома Ленгорсовета и партийные работники. 6 апреля освобожден от занимаемой должности В.М. Решкин — заместитель председателя Ленгорисполкома. 21 апреля были сняты с работы: А.А. Бубнов — секретарь Ленгорисполкома (он будет исключен из партии решением бюро горкома 27 июля 1949 г.), В.П. Галкин — заместитель председателя горисполкома. 28 апреля бюро горкома рассмотрело дело К.И. Сафонова — 1-го секретаря Кронштадтского райкома, и постановило освободить его от занимаемой должности. 1 июня был снят заведующий горздравотделом Ф.И. Машанский.

Характерным является то, что снятие руководителей Ленгорисполкома проводилось во многих случаях по анонимным сигналам и в этом активное участие принимали секретари горкома из «старого состава». В качестве примера можно привести письмо В.П. Щербакова Г.М. Маленкову: «<...> Секретариат тов. Маленкова Г.М. Сообщаю, что по анонимному заявлению “медицинские работники” меры приняты и заведующий Ленгорздравотделом т. Машанский Ф.И. с работы снят»⁴⁸.

Непосредственно после апрельского 1949 г. пленума горкома началась работа по проверке деятельности различных подразделений партийного и советского аппарата. В период с апреля по сентябрь 1949 г. на бюро горкома были заслушаны отчеты райкомов партии с одинаковой формулировкой: «О выполнении предложений и критических замечаний по обсуждению постановления февральского пленума». Как вспоминали потом на партийных конференциях участники этих заседаний, каждое из них сопровождалось разносами от В.М. Андрианова за то, что

⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 520. Л. 33.

райкомы «медленно очищаются от скомпрометировавших себя кадров».

В апреле на бюро были заслушаны отчеты Ждановского, Смольнинского, Куйбышевского и Невского райкомов, при этом постановление по отчету Куйбышевского райкома (первый секретарь — М.А. Вознесенская) было принято первым и в кратчайшие сроки: 20 апреля был заслушан отчет, уже 28-го принято постановление, содержащее критику работы райкома и его руководства по реализации постановления февральского пленума. В мае были заслушаны отчеты Московского, Дзержинского и Колпинского райкомов и вынесены соответствующие постановления. В этом же месяце бюро горкома сформировало бригады для проверки работы Выборгского, Пушкинского, Фрунзенского, Курортного, Петродворцового и Сестрорецкого райкомов. Тогда же, в мае, был заменен первый секретарь Выборгского райкома — вместо В.Я. Козлова им стал С.Г. Иванов. В июне бюро горкома заслушало отчеты Фрунзенского, Петродворцового, Сестрорецкого и Курортного райкомов.

В ходе подготовки отчетов райкомов горкомом партии проводилась работа по сбору компрометирующих материалов на городских руководителей среднего звена: в аппаратах партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, на промышленных предприятиях и учреждениях науки и культуры. Документально эта деятельность оформлялась в виде справок, адресованных В.М. Андрианову. Справки, составленные отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, были озаглавлены единообразно: «Справка о критических замечаниях в адрес горкома ВКП(б), горкома ВЛКСМ, райкомов ВКП(б) [или других структур], высказанных коммунистами на партийных собраниях, при обсуждении постановления февральского пленума обкома и горкома ВКП(б)».

Первые справки были подготовлены уже в начале марта 1949 г. До июня эту работу курировал заведомом ППКО горкома А. Ф. Павлов (который в скором времени сам станет жертвой чисток), а после июня 1949 г. — сменивший его А.В. Носенков. Анализ этих документов дает основание полагать, что в период

марта–июля 1949 г. подбирались критические замечания относительно нейтрального характера, не содержащие политических обвинений. Типичными были жалобы на бюрократизм партийных, советских и хозяйственных руководителей, невнимание к нуждам рядовых коммунистов. Наиболее типичными были высказывания такого рода: «Директор (Ижорского завода. — Авт.) т. Кузнецов превратился в буржуа, имеет три наилучших машины и трех шоферов»⁴⁹, «секретарь райкома т. Козлов не бывает на наших собраниях, и я его в лицо не знаю»⁵⁰, «райком ВКП(б) мало знает нашу партийную организацию»⁵¹. Фиксировались среди прочего и необычные упреки: «Ленинградский горком ВКП(б) мало уделяет внимания единственному в Ленинграде цирку»⁵² и прямые доносы: «В 1934 г. после убийства С. М. Кирова Кузнецов, будучи секретарем Дзержинского райкома партии, всячески защищал оппозиционера, бывшего начальника Управления НКВД Ленинградского округа Алехина»⁵³.

Анализируя материалы подготовленных в период марта–июля справок, можно заключить, что мелкие прегрешения нашлись практически у всех руководителей, но никаких серьезных, тем более политических обвинений не фиксировалось. Это, скорее всего, объясняется тем, что из руководителей среднего звена именно к ним были применены серьезные меры на февральском 1949 г. пленуме. В целом, до июня–июля 1949 г. заметно желание ряда работников (не только А. Ф. Павлова) «подстроиться» под новое руководство.

Приведем еще один характерный пример. В мае 1949 г. В. М. Андриановым было направлено письмо в ЦК ВКП(б), в котором он, ссылаясь на мнение рядовых граждан, указывал на «засилье евреев в городе». В письме, в частности, говорилось: «...торговля, местная промышленность, разного рода институты, наука, здравоохранение и прочее уверенно подбираются в руки

⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 929. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Л. 29.

⁵¹ Там же. Л. 30.

⁵² Там же. Л. 22.

⁵³ Там же. Л. 19.

евреев <...>»⁵⁴. Проведение целенаправленной работы по сбору высказываний для этого письма подтверждает то, что эта тема присутствует в уже упомянутых «справках о критических замечаниях». Например, еще в апреле 1949 г. в адрес В. М. Андрианова А. Ф. Павловым была направлена информация о высказываниях такого типа: «Почему в санаториях Карельского перешейка среди отдыхающих 90 % евреев?»⁵⁵

Письмо В. М. Андрианова дало старт кампании чистки кадров по национальным признакам, в целом не характерной для предшествовавшего периода. В развернутую кампанию постарались активно включиться и работники, выдвинутые прежним руководством. 3 июня 1949 г. на имя Андрианова Куйбышевским райкомом было направлено письмо, озаглавленное «О работе института “Ленгипрогаз”». В письме, в частности, сообщалось: «Объективно вдохновляемые директором, сотрудники института — евреи, организуют группы, выступающие едино и в противовес другой части сотрудников по ряду принципиальных вопросов, выставляют своих кандидатов при выборах руководящих органов собраний, партийных и профсоюзных органов, а в последнее время стали устраивать обструкции решениям партийного бюро»⁵⁶. Письмо было подписано 1-м секретарем Куйбышевского райкома М. А. Вознесенской. Она будет арестована 21 июля 1949 г. — первой из партийных работников, затронутых «ленинградским делом».

В целом, с точки зрения кадровых перестановок период февраля–июня 1949 г. был относительно спокойным. Основные события чистки стали разворачиваться во второй половине июня 1949 г. В это время произошло сразу несколько событий. Из Москвы прибыла группа партийных работников, получившая в воспоминаниях современников и в публикациях исследователей название «московской сотни». Материалы Секретариата

⁵⁴ Новейшая история России. 1914–2008: Учебное пособие. 4-е изд., исп. и доп. / Под ред. М. В. Ходякова. М.: Юрайт, 2010. С. 341.

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 929. Л. 58.

⁵⁶ Там же. Оп. 28. Д. 196. Л. 80.

ЦК показывают, что слово «сотня» следует употреблять скорее как гиперболу.

12 августа 1949 г. «в распоряжение ленинградского горкома ВКП(б) для использования на преподавательской и пропагандистской работе» были направлены Л. А. Дубинин, А. Ф. Зайцев, О. И. Кузнецова, А. М. Лазарева и Н. П. Скрыпнев⁵⁷.

17 сентября того же года «в распоряжение Ленинградского обкома ВКП(б) для использования на ответственной работе в обкоме и горкоме партии» были командированы М. П. Байбикова, И. К. Замчевский, В. М. Овсянников, Ф. И. Спирин, М. Н. Тимофеева, Г. Н. Шумилов и П. И. Яковлев. Все они до этого работали в аппарате ЦК ВКП(б). Кроме этого, специально для работы в партколлегии были направлены А. Я. Новиков и Н. А. Комиссаров.

Из числа закончивших ВПШ при ЦК для использования на руководящей работе в партийных и советских органах были А. А. Жидков, Е. С. Русанов, Н. В. Подгорнов, В. И. Смирнов и Г. В. Тимошков. Для использования на партийно-пропагандистской и преподавательской работе — П. И. Епишев, С. С. Зими́на, С. П. Князев, Т. И. Игнатов, А. И. Шутов, И. Я. Чупахин, Р. Г. Ромашова, Е. В. Бурова, А. А. Склемин, И. Г. Коршунов, И. Л. Иванов и Т. Т. Михайленко.

Постановление Секретариата ЦК особо оговаривало, что каждому из командируемых следует «сохранить материальное обеспечение, получаемое ими в аппарате ЦК ВКП(б)»⁵⁸.

Учитывая, что далеко не все направленные остались работать в Ленинграде сколько-нибудь продолжительное время, численность «московского десанта» можно оценить в 35–40 чел., большая часть которых занимала должности вне аппарата горкома — например, в различных идеологических структурах города.

Прибывшие работники назначались на руководящие посты, в первую очередь в сферах контроля партийных и административных органов, а также пропаганды и агитации.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 452. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Д. 462. Л. 59–60.

Скорее всего, в этот же период в Москве было принято окончательное решение о начале арестов основных участников предполагаемой группы. Первые аресты по делу — М. А. Вознесенской и Я. Ф. Капустина, с помощью которых, по-видимому, рассчитывали получить компрометирующие показания на остальных — произошли 21 и 22 июля. Учитывая время, необходимое для подготовки, решение о начале масштабной репрессивной кампании должно было быть принято как раз в конце июня. Хронологическое совпадение этих событий дает основание полагать, что начало полномасштабной чистки следует датировать концом июня 1949 г.

В конце июня были произведены первые значительные кадровые замены: снят с работы и исключен из партии Н. Д. Синцов — секретарь горкома по пропаганде (его место занял В. Н. Малин, прибывший из Москвы). 22 июня А. А. Кузнецов заменил в должности председателя Ленгорисполкома П. Г. Лазутина, который был выведен из состава бюро горкома партии на пленуме, состоявшемся 24–25 июня. В этот же день А. В. Носенков стал заведующим отделом ППКО горкома вместо А. Ф. Павлова. 30 июня бюро горкома рассмотрело вопрос «о заявлении Вайсганта⁵⁹ о неправильных действиях и зажиме критики уполномоченным Госплана СССР Подугольниковым». Следует отметить, что А. П. Подугольников был в то время членом горкома партии. В этот же день был рассмотрен и вопрос «о незаконном расходовании средств на организацию банкета для проводов бывшего секретаря Невского райкома Колобашкина». В. А. Колобашкин работал секретарем обкома партии и был членом горкома ВКП(б). Это первый отмеченный нами случай по-

⁵⁹ Весьма характерным является то, что заявитель — Б. С. Вайсгант начал карьеру в качестве инструктора ленинградского горкома партии. В феврале 1942 г. он был освобожден от должности и исключен из партии за спекуляцию продуктами питания («за проявленное мародерство, выразившееся в обмене и продаже на рынках дефицитных продуктов по спекулятивно-мародерским ценам») (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4444. Л. 14–15). После этого он пытался добиться снятия взыскания и вряд ли питал симпатии к бывшим ленинградским руководителям.

явления в материалах горкома «банкетной темы», которая вскоре станет столь популярной при «разоблачениях» руководящих работников. На этом же заседании бюро был снят с работы Г. С. Королев — 1-й секретарь Петродворцового райкома партии и кандидат в члены горкомы. Столь быстрое снятие с должности партийного руководителя не самого значимого района города, возможно, объясняется его анкетными данными⁶⁰.

В июле масштабные проверки руководящих органов продолжались. 11 июля бюро горкома создало бригады для проверки Ленинского и Петроградского райкомов партии, горкома ВЛКСМ, Облпрофсовета, исполкома Ленгорсовета. 20 июля был рассмотрен обобщенный вопрос «о ходе выполнения райкомами ВКП(б) предложений и критических замечаний, высказанных при обсуждении постановления февральского пленума».

Деятельность «бригад по проверке работы» начала приносить свои плоды. Уже в конце июля на бюро рассматривалось сразу три вопроса, относящихся к деятельности Ленгорисполкома: «о фактах нарушения законодательства и советской демократии отдельными работниками Ленгорисполкома и районных Советов депутатов трудящихся» (26 июля), «о фактах использования служебного положения руководящими работниками управления строительства Ленгорисполкома» (26 июля) и «об антипартийных действиях и злоупотреблениях бывшего секретаря Ленгорисполкома Бубнова А. А.» (27 июля). Был также рассмотрен вопрос о «незаконном расходовании средств в Свердловском райкоме». Рассматривались и персональные дела: В. И. Смоловика (зав. отделом пропаганды и агитации ГК), И. Н. Платонова (1-го секретаря Октябрьского райкома), о В. С. Акулине (завотделом пропаганды и агитации Октябрьского райкома).

В августе и сентябре 1949 г. продолжали крепнуть уже обозначившиеся тенденции чистки и появлялись новые направления. Были вынесены постановления об отчетах Ленинского

⁶⁰ Первая фамилия Г. С. Королева — Нейц. Он изменил фамилию в 1945 г.

райкома и Ленгорисполкома «о выполнении предложений и критических замечаний по обсуждению постановления февральского пленума». Бюро горкома рассмотрело вопросы о деятельности секретарей горкома: 25 августа — «об антипартийном поведении секретаря Ленинградского горкома Левина» (П. И. Левин был арестован 2 сентября), а 23 сентября — «об антипартийном поведении секретаря горкома Щербакова». В результате В. П. Щербаков был выведен из состава бюро горкома и пленума горкома. Щербакова и Левина обвиняли, в частности, в том, что они «покрывали В. М. Решкина» — заместителя председателя Ленгорисполкома. «Помощь» Решкину выразилась в том, что ему помогли подыскать новое место работы.

Освобождались от работы и руководители районного звена: 20 августа бюро горкома освободило от должности председателя исполкома Ждановского района З. А. Павлову, 22 августа был снят с поста 1-го секретаря Кировского райкома П. И. Семенов (он будет исключен из партии меньше чем через месяц — 21 сентября).

Продолжалась проверка Свердловского райкома — 24 августа был рассмотрен вопрос «о фактах устройства банкетов и незаконном расходовании средств в Свердловском райкоме партии». По результатам рассмотрения данного вопроса на этом же заседании был снят с работы В. М. Краснов — первый секретарь райкома.

Набирала обороты чистка Ленгорисполкома. В августе–сентябре были рассмотрены вопросы: «об охотничьем хозяйстве Ленгорисполкома» (5 августа), «о недостойном поведении заведующего горотделом социального обеспечения Маркелова» (19 августа), «о работе городского ломбарда» (19 августа), «об антипартийном поведении» заместителя председателя Ленгорисполкома Н. А. Манакова (23 сентября) (на этом заседании Манаков был выведен из состава членов бюро и пленума горкома). Назначенный в конце июня председателем Ленгорисполкома А. А. Кузнецов также проявил себя во время активизации чистки: 23 сентября бюро горкома рассмотрело его заявление «о неправильном поведении заместителя председателя

Ленгорисполкома Матковской» (М. В. Матковская была в то время членом горкома партии). Буквально накануне октябрьского пленума горкома партии — 4 октября — бюро горкома освободило от должности Г. М. Нестерова — 1-го секретаря Невского райкома.

Большинство указанных выше «вопросов» готовились «с прицелом на будущее». Вопрос об охотничьем хозяйстве Ленгорисполкома, в которое иногда выезжали на отдых руководители, вырос в целое расследование того, кто из бывших руководителей встречался в этом уединенном месте и что они там обсуждали. В делах бюро горкома сохранился черновой экземпляр справки без подписи, подготовленной одним из заместителей заведующих отделом горисполкома. В справке сообщается о том, кто именно из бывших руководителей города и области посещал этот загородный домик. Видимо, такая справка была полезна для установления «преступных связей». Расследование истории охотхозяйства закончилось трагически для его заведующего В. О. Белопольского. Несмотря на свою незначительную должность, он был арестован, отправлен на следствие в Москву и 31 октября 1950 г. приговорен к высшей мере наказания вместе со своими бывшими руководителями. Рассмотрение вопроса о городском ломбарде также имело последствия. На основании того, что были обнаружены факты распределения невыкупленных вещей в качестве ценных подарков, которыми награждались руководящие работники (причем по большей части не входившие в партийное руководство), бывших городских руководителей стали обвинять в использовании служебного положения в личных, корыстных целях.

Кадровый анализ показывает, что репрессии были направлены в первую очередь против членов и кандидатов в члены пленума горкома партии, избранных на последней партийной конференции в декабре 1948 г.

В начале октября 1949 г. в Москве Л. П. Берией и Г. М. Маленковым был подготовлен проект закрытого письма Политбюро ЦК членам партии «Об антипартийной враждебной группе

Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.»⁶¹. Хотя письмо и не было выпущено, политические обвинения в потворстве антипартийной группе (АПГ) стали предъявляться ленинградским руководителям в массовом порядке именно с этого момента.

Ко времени октябрьского пленума горкома 1949 г., состоявшегося 5–6 октября, произошли уже значительные кадровые изменения. Два секретаря горкома, избранные в апреле, ушли со своих постов: В.П. Щербаков был снят, а Н.А. Николаев покончил с собой. Перед этим, 26 августа 1949 г. Секретариат ЦК принял следующее постановление: «Осудить антипартийное поведение второго секретаря Ленинградского горкома Николаева, как вредное для дела сплочения городской партийной организации, идущее вразрез с постановлениями ЦК ВКП(б) и февральского пленума обкома и горкома ВКП(б). Снять Николаева Н.А. с поста второго секретаря Ленинградского горкома и вывести его из состава членов бюро и пленума горкома»⁶². На том же заседании Секретариата «за антипартийное поведение и неискренность перед партией» с поста секретаря горкома был снят П.И. Левин.

В ходе обсуждения организационных вопросов В.М. Андрианов предложил утвердить решение бюро горкома «об антипартийном поведении секретаря горкома Щербакова»⁶³.

Затем Андрианов заявил: «<...> у нас сейчас недостает трех секретарей горкома. Бюро горкома подготовлено сейчас к тому, чтобы внести на рассмотрение пленума решение пока об одном секретаре»⁶⁴. На должность секретаря горкома была предложена и единогласно одобрена кандидатура А.И. Алексеева, парторга ЦК в ГСПИ 11 (ГСПИ — Государственный специальный проектный институт). Алексеев родился в 1911 г. в Саратове. В 1936 г. закончил Ленинградский инженерно-строительный

⁶¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 56–58.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 456. Л. 10.

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 25. Л. 105.

⁶⁴ Там же. Л. 106.

институт, с 1939 г. учился в Высшей партийной школе, во время войны участвовал в боевых действиях (но не в Ленинграде), в феврале 1946 г. вернулся в Ленинград и практически сразу же уехал в длительную командировку в Германию, откуда возвратился в апреле 1948 г. В мае этого же года был утвержден ЦК ВКП(б) парторгом ЦК в ГСПИ 11. В целом биография нового секретаря горкома свидетельствовала о том, что, хотя он и был тесно связан с Ленинградом, близких отношений с бывшим руководством города не поддерживал. Более того, прежняя должность Алексеева входила в учетно-резервную номенклатуру ЦК, следовательно, его в ЦК знали, и это назначение было им предварительно одобрено. Алексеев был первым из нового призыва руководителей высшего регионального уровня. В его назначении отчетливо проявилась существовавшая кадровая установка — назначать на ответственные должности по возможности ленинградцев, однако тех, кто не был ранее связан с бывшим руководством города.

Кроме А. И. Алексеева членом бюро горкома избрали Б. Ф. Николаева — 2-го секретаря областного комитета партии. Хотя Николаев и родился в Санкт-Петербурге, с 1939 г. он работал в партийных организациях Вологды. На должность секретаря обкома Ленинградской области он пришел 29 июня 1949 г. с поста 1-го секретаря Архангельского обкома ВКП(б).

В. И. Чернецов лишился обязанностей кандидата в члены бюро горкома, так как «был освобожден от обязанностей секретаря Обкома и Горкома ВЛКСМ за допущенные ошибки в руководстве»⁶⁵.

Затем В. М. Андрианов предложил исключить из состава пленума горкома «лиц, связанных с антипартийной группировкой и исключенных из партии». С этой формулировкой были выведены: Г. Ф. Бадаев — бывший 2-й секретарь обкома партии, П. Г. Лазутин — бывший председатель Ленсовета, А. А. Бубнов — бывший секретарь Ленсовета, М. А. Вознесенская — бывший 1-й секретарь Куйбышевского райкома, В. П. Галкин — бывший зампред

⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 25. Л. 107.

Ленсовета, А. М. Григорьев — бывший председатель Облпрофсовета, В. М. Краснов — бывший секретарь Свердловского райкома, А. Ф. Павлов — бывший заведующий ППКО горкома, В. М. Решкин — бывший заместитель председателя Ленгорисполкома, П. И. Семенов — бывший секретарь Кировского райкома, Н. А. Федоров — бывший заведующий транспортным отделом горкома, Г. М. Нестеров — бывший секретарь Невского райкома⁶⁶.

Ряд руководящих работников вывели из состава горкома с формулировкой: «скомпрометировавшие себя и снятые с руководящих постов»⁶⁷. Из числа членов горкома были выведены: В. А. Колобашкин — бывший секретарь обкома партии и П. Г. Куракин — бывший заведующий легкой промышленности горкома.

Из кандидатов в члены горкома вывели: З. А. Павлову — бывшего председателя исполкома Ждановского района, Ф. И. Машанского — бывшего заведующего горздравотделом, К. И. Сафонова — бывшего секретаря Кронштадтского райкома, снятых со своих должностей ранее.

Из состава членов горкома был выведен также ряд работников «в связи с выбытием их из организации»⁶⁸: И. И. Иванов — бывший начальник Управления городской милиции, Е. С. Лагуткин — бывший начальник Управления МВД, А. П. Подугольников — бывший уполномоченный Госплана, Д. Г. Родионов — бывший начальник Управления МГБ, Г. И. Суворов — бывший директор Кировского завода, Д. Н. Гусев — бывший командующий Ленинградским военным округом.

Как видно из списка, эта последняя группа состояла из руководителей «центрального подчинения», которые снимались с работы и переводились на другое место совместным решением ЦК и главы соответствующего ведомства. Следует добавить, что все работники этой группы также пострадали из-за своей «близости» к бывшему ленинградскому руководству.

⁶⁶ Там же. Л. 108–110.

⁶⁷ Там же. Л. 110.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 25. Л. 111.

Таким образом, из оставшихся 68 членов горкома на октябрьском (1949 г.) пленуме лишились своих мест 23 чел., а из 23 кандидатов в члены горкома партии — 3.

К октябрю 1949 г. практически полностью был обновлен состав бюро горкома и секретариата горкома. Из 12 членов бюро были заменены все. Из 4 кандидатов в члены бюро — все. Состав секретарей горкома обновился полностью.

Однако пленум занимался не только снятием с должностей. На том же пленуме группа партийных работников получила повышение. Все они были переведены из кандидатов в члены горкома партии. В эту группу вошли: С. Н. Ганичев — первый секретарь Курортного райкома, А. В. Голубева — заместитель председателя Ленгорисполкома, К. А. Кузнецов — начальник Ленметростроя, Г. А. Левичев — заведующий отделом тяжелой промышленности горкома, К. Н. Шмаргунов — директор Политехнического института.

Кадровые замены состава горкома были кооптацией, т. е. тем явлением, против которого столь активно выступали И. В. Сталин и А. А. Жданов на знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. Это нарушение было настолько очевидным, что в скором времени секретарям горкома пришлось достаточно неуклюже отвечать на вопросы коммунистов, касающиеся этих событий.

4 февраля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о созыве ленинградской городской партийной конференции. В рамках подготовки к ней были проведены партконференции районных организаций ВКП(б).

Городская партконференция была намечена первоначально на апрель 1950 г., а конференции районов, на которых должны были выдвигаться делегаты на городской форум, обычно проводились за месяц. Но в этот раз районные конференции прошли в середине января — конце марта. По всей видимости, это было связано с тем, что в 1950 г. цели конференций в районах были расширены. В их задачу входили не только заслушивание отчета районного комитета ВКП(б) и выборы делегатов, как обычно, но и перевыборы районных комитетов партии, т. е.

смена всего районного партийного руководства. Вновь пришедшему руководству районов требовалось время, чтобы освоиться, взять рычаги управления в свои руки и обеспечить прохождение городской конференции так, как задумывал ее горком партии. 19 апреля В. М. Андрианов был вынужден обратиться к Г. М. Маленкову с просьбой разрешить перенести городскую партконференцию на конец мая 1950 г.⁶⁹

Анализ архивных материалов, в которых отложились данные о пленумах райкомов и партийных конференциях девятнадцати районов Ленинграда, вскрыл детали и подробности, подчеркивающие репрессивный характер партийных чисток, проводившихся в городе.

Остановимся на некоторых, достаточно типичных примерах.

Первый секретарь райкома Василеостровского райкома партии А. Н. Климов, возглавлявший районную парторганизацию весь 1949 г., был снят с должности 30 марта 1950 г. и в скором времени исключен из партии. Ему не помогло активное участие в разоблачении «пособников антипартийной группы». Незадолго до этого, 8 марта 1950 г. в отчетном докладе райкома на 26-й районной партконференции он подвел промежуточные итоги чистки в районе. Он отметил, что «у руководства райкома стояли активные пособники антипартийной группы, поддавшиеся ее тлетворному влиянию <...> бывшие секретари райкома Нестеров, Журавлев, Социлин»⁷⁰. Еще 18 ноября 1949 г. была снята с работы 2-й секретарь райкома М. А. Плюхина «за то, что, будучи членом счетной комиссии на 10[-й] областной и 8-й городской партконференции, была участницей фальсификации результатов голосования»⁷¹. Климов подчеркнул успехи возглавляемого им райкома в деле разоблачения «орудовавших (в ЛГУ. — *Авт.*) врагов народа Рейнхарда, Розенфельда, Штейна, Гуковского и др.»⁷². Отчитываясь о работе по «расчистке»

⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 60. Д. 644. Л. 81.

⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 23. Л. 17.

⁷¹ ЦНАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 22. Л. 1.

⁷² Там же. Д. 23. Л. 22.

ЛГУ, он подчеркнул, что там «орудовали враги народа, а также безродные космополиты Бортник, Эйхенбаум, Зельманова <...> также разоблачен Корнатовский»⁷³.

Масштабные чистки на районном уровне привели к кадровому голоду. Как отмечалось в докладе, «только в 1949 г. в 69 первичных организациях сменилось 76 секретарей»⁷⁴. Урон понесло и бюро райкома: «<...> избранный <...> состав бюро РК вследствие того, что отдельные члены бюро скомпрометировали себя перед партией <...> во многом изменился. Достаточно сказать, что из старого состава сейчас работают только 3 человека»⁷⁵. Несмотря на столь «впечатляющие» достижения, 31 марта 1950 г., после выступления на пленуме райкома секретаря горкома Ф. Р. Козлова, А. Н. Климов был освобожден от работы.

3 марта 1950 г. был выведен из состава членов пленума Московского райкома А. А. Филиппов, незадолго до этого освобожденный от обязанностей председателя райисполкома; с должности была снята и секретарь райисполкома Яковлева⁷⁶. В ноябре 1949 г. была освобождена от работы В. М. Капитонова — 2-й секретарь райкома, с формулировкой «за близость к антипартийной группе». С 18 по 20 марта 1950 г. прошла XI партконференция Московской районной организации ВКП(б). В отчетном докладе райкома на партконференции о причинах снятия Капитоновой было сказано следующим образом: «Т. Капитонова своими действиями, в угоду бывшему секретарю райкома Павлову допустила беспринципность <...>, допустила политические ошибки, связанные с неправильной оценкой критических выступлений коммунистов»⁷⁷. Бюро горкома объявило Капитоновой строгий выговор. Непосредственно перед конференцией, на пленуме райкома, своего поста лишился и 1-й секретарь А. М. Гребеньков. Это произошло в несколько смягченной по сравнению с остальными случаями форме, так как Гребенько-

⁷³ ЦНАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 23. Л. 45.

⁷⁴ Там же. Л. 38.

⁷⁵ Там же. Л. 64–65.

⁷⁶ Там же. Д. 386. Л. 5, 14.

⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 384. Л. 86.

ву не предъявляли обвинений в «близости к Кузнецову, Попкову или другим членам АПГ». Присутствовавший на пленуме секретарь горкома Ф. Р. Козлов заявил: «Гребеньков имеет строгий выговор от ЦК, и он обратился к нам с просьбой не выдвигать его на партийную работу. Мы сочли возможным тов. Гребенькова отозвать и использовать на другой работе, дать возможность исправиться»⁷⁸. Первым секретарем был избран И. В. Спиридонов (до этого работал директором завода «Госметр»), вторым секретарем — А. М. Быстрова (работала заведомо пропаганды и агитации того же райкома), третьим — Б. А. Попов (до избрания был секретарем парторганизации завода им. Егорова)⁷⁹.

XIII партконференция Невского района проходила 18–19 января 1950 г.⁸⁰ К этому времени от своих должностей уже было освобождено всё руководство райкома партии: 1-й секретарь Г. М. Нестеров, секретари Алябьева и Григорьев. В декабре 1949 г. был снят с работы и исключен из партии председатель райисполкома Н. М. Дмитриев. Всем им ставили в вину то, что они «занимались антипартийной практикой, организацией банкетов <...>, снижали дисциплину, принижали критику и самокритику <...>». Кроме этого, Алябьева скрывает свое социальное положение — ее дед был фабрикантом и домовладельцем»⁸¹.

После конференции на пленуме райкома партии 25 января 1950 г. 1-м секретарем был избран Г. Н. Шумилов. Он прибыл в Ленинград в августе 1949 г. по направлению ЦК, в аппарате которого работал с 1942 г. В течение 2 месяцев он проработал в должности заместителя заведующего отделом в горкоме партии, а затем перешел в Невский райком. На этом же пленуме 2-м секретарем райкома был избран И. И. Сафонов, который успел проработать в новой должности только одну неделю — уже 2 февраля он перешел на работу в горком партии на должность заместителя заведующего отделом ППКО. Тогда же, 2 февраля

⁷⁸ Там же. Д. 386. Л. 109.

⁷⁹ Там же. Д. 384–385.

⁸⁰ Там же. Д. 429–430.

⁸¹ Там же. Д. 429. Л. 151.

1950 г., вторым секретарем райкома был избран В. И. Колушев (он будет снят с работы в октябре того же года «за непартийное поведение, выразившееся в восхвалении участника антипартийной группы Колобашкина»⁸²). Третьим секретарем был избран Е. М. Карасев.

С 18 по 19 февраля 1950 г. проходила XIII конференция Октябрьской районной партийной организации⁸³. Прежние руководители райкома и исполкома были сняты со своих постов еще в декабре 1949 г. На конференции секретарь горкома Ф. Р. Козлов подверг резкой критике бывшее руководство райкома: 1-го секретаря И. Н. Платонова, 3-го секретаря И. К. Шантыра, председателя райисполкома А. М. Белоуса и ряд других работников аппарата. В постановлении районной партконференции было сказано: «Бывшие секретари райкома Платонов и Шантыр, поддавшись влиянию и будучи ставленниками антипартийной группы, сознательно не принимали никаких мер к разоблачению действий участников этой группы. <...> Бюро райкома просмотрело, что значительная часть руководящих кадров оказалась засоренной людьми сомнительными по своим политическим качествам (далее следует список из 10 фамилий. — *Авт.*). Только в результате принятых горкомом партии мер, была вскрыта засоренность кадров в самом аппарате райкома, райисполкоме, Высшей школе профдвижения, Ленинградском отделении ТАСС и в ряде других предприятий и учреждений. <...> Райком партии не возглавил борьбу по очищению аппарата райкома, предприятий и учреждений от примазавшихся на руководящие посты враждебных и карьеристских элементов, подхалимов и угодников»⁸⁴.

Первый секретарь Г. Н. Дмитриев до избрания на эту должность был секретарем партбюро Кораблестроительного института, а в предвоенные годы (1938–1939 гг.) работал в этом же райкоме секретарем по кадрам⁸⁵. Представление о масштабах

⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 433. Л. 114.

⁸³ Там же. Д. 476.

⁸⁴ Там же. Д. 477. Л. 162–163.

⁸⁵ Там же. Д. 476. Л. 99.

чистки среди руководства Октябрьского района дает заявление Дмитриева, сделанное им в ходе партконференции: «<...> бюро райкома обновлено полностью (кроме одного человека), а из состава пленума райкома выведено 8 человек»⁸⁶.

Партийная конференция Смольнинского района проходила 25–26 марта 1950 г.⁸⁷ Следует отметить, что первый секретарь Смольнинского райкома В. В. Никитин был снят одним из первых. На его место пришел Н. Н. Родионов. Так как первым секретарем райкома был уже новый выдвиженец, которого трудно было обвинить в связях с антипартийной группой, критика на конференции была направлена против третьего секретаря Л. С. Умновой. Она пришла на работу в райком с поста 1-го секретаря райкома ВЛКСМ (там она работала со времени блокады — с 1943 г.) и была обвинена в том, что она «подхалимка и лакей бывшего секретаря Никитина». Кандидатуру Умновой исключили из списка для голосования при выборе членов райкома партии.

С 25 по 26 марта 1950 г. проходила X конференция партийной организации Фрунзенского района⁸⁸. На конференции были сняты со своих постов 1-й секретарь райкома К. И. Лопатин и 2-й секретарь А. И. Галина. Пленум райкома партии, на котором было принято это решение, состоялся раньше — 22 марта 1950 г.⁸⁹

Уже в марте 1950 г. начали звучать жалобы на отсутствие квалифицированных работников. Например, на партконференции Московского района высказывались претензии к кадровой работе горкома партии:

«Есть ли в горкоме отдел машиностроения — неизвестно... заведующего этим отделом нет давным-давно <...>. Нельзя в Ленинграде, где машиностроительная промышленность является ведущей, не иметь заведующего таким отделом, нельзя

⁸⁶ Там же. Л. 100.

⁸⁷ Там же. Д. 646–647.

⁸⁸ Там же. Д. 676, 677.

⁸⁹ Там же. Д. 678.

по группе свыше двух десятков предприятий не иметь инструктора»⁹⁰ (Спиридонов, директор завода «Госметр»).

Приведем еще несколько примеров из большого набора жалоб: «Горком партии поступил правильно, освободив ряд руководителей Гороно, но он допустил большую медлительность в комплектовании кадров. Товарищи, которые стоят во главе Гороно, это исполняющие обязанности, это и. о. и трижды и. о. В результате они решают вопросы недостаточно. Год проходит, а руководства в Гороно нет. В нашем районе то же самое — председателя исполкома нет третий месяц, начальника районного жилуправления нет полгода, начальника строительного отдела нет целый год»⁹¹ (Хитрова, зав. РОНО).

В отчетном докладе Московского райкома партии в марте 1950 г. указывалось: «Более 30 % секретарей парторганизаций имеют опыт партийной работы до одного года и крайне нуждаются в оказании им помощи. Имеют место случаи выдвижения на руководящую партийную работу без достаточной проверки, в результате чего за истекший год (в Московском районе) 9 человек освобождены от работы, как не справившиеся, и 9 человек сняты, как скомпрометировавшие себя»⁹².

Катастрофическое положение с кадрами были вынуждены признать и А. В. Носенков с Ф. Р. Козловым: «К сожалению, у нас в Смольном много новых работников, которые не умеют работать»⁹³ (А. В. Носенков на пленуме Невского райкома — март 1950 г.); «Горком партии и райкомы не укомплектованы полностью, потому что многие товарищи по тем или иным видам скомпрометировали себя, приходится менять часть кадров»⁹⁴ (Ф. Р. Козлов в феврале 1950 г.)

На 9-й городской партийной конференции, проходившей с 30 мая по 2 июня 1950 г., В. М. Андрианов попытался подвести определенные итоги кампании. Он сформулировал наиболее

⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф.25. Оп.47. Д.385. Л.14.

⁹¹ Там же. Д. 385. Л. 18.

⁹² Там же. Д. 384. Л. 98.

⁹³ Там же. Д. 431. Л. 170.

⁹⁴ Там же. Д. 477. Л. 92.

важные, на его взгляд, обвинения против «руководителей антипартийной группы», но сделал это грубо и неуклюже: «Кузнецов с Попковым сошлись давно на сокрытии троцкистов в организации»⁹⁵; «Антипартийная группа не имела и не могла иметь каких-либо идейных побуждений. Это шайка морально и политически разложившихся проходимцев, претендовавших на особую роль в обороне Ленинграда <...>. Эти Дон-Кихоты претендовали и не прочь были себе присвоить роль претендентов Российского государства (так в тексте стенограммы. — *Авт.*). Вот почему им были по душе все эти Всероссийские ярмарки, преподнесение Кузнецову <...> памятника Петру I <...> преподнесение бюста Суворова, золотой шпаги <...>. Вот вам наши современные Дон-Кихоты с рахитичными ногами и пустыми головами»⁹⁶. Упоминание В. М. Андриановым в качестве отрицательного сравнения Дон-Кихота вряд ли было его собственным изобретением. Скорее всего, оно было введено в оборот кем-либо из вышестоящих руководителей.

В выступлении отмечалось, что большинство ленинградских коммунистов не должны отвечать за дела «антипартийной группы»: «Они глубоко конспирировали свои подлые делишки, всё прятали от партийной организации, создали между активом и коммунистами запретную зону, всё скрывали, опираясь главным образом на таких же, как сами проходимцев <...>. Ясное дело, если бы коммунисты знали об этом, они не потерпели бы главарей антипартийной группы»⁹⁷.

Одновременно с формулированием обвинений, В. М. Андрианов заверил собравшихся, что чистки в основном закончены и даже критиковал не в меру усердных исполнителей: «Некоторые чересчур усердно начинают за всякие проступки приписывать грехи или просто брать под подозрение и клеветать на честных коммунистов, относить их к антипартийной группе и обвинять в связях с антипартийной группой. Такой

⁹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 361. Л. 376.

⁹⁶ Там же. Л. 377–378.

⁹⁷ Там же.

подход не только неправилен, но и вреден. Надо запомнить, что будет слишком много чести для антипартийной группы приписывать к ней большое количество людей»⁹⁸. «В решениях октябрьского пленума совершенно четко сказано, что антипартийная группа не имела опоры в организации, что это гнойник на здоровом организме <...>. Нельзя допускать, чтобы перестраховщики, клеветники возымели действие. Задача заключается в том, чтобы помочь новым кадрам, пришедшим в последнее время на партийную работу, <...> создать уверенность в работе кадров, поддержать их в работе»⁹⁹. Выступая в прениях, мысль о необходимости приостановить поток анонимных заявлений высказал, скорее всего с санкции руководства, народный артист СССР Н. К. Черкасов¹⁰⁰.

Долгожданным сообщением о конце периода кадровых репрессий для партийной элиты Ленинграда прозвучали слова 1-го секретаря обкома партии: «Теперь всё это — пройденный этап».

3.3. Обвинения и методы кадровых перестановок в 1949–1950 гг.

В конце 1930-х гг. любая крупномасштабная чистка сопровождалась не менее сильной пропагандистской кампанией, так как необходимо было объяснить партии и народу причины арестов и кадровых перестановок, а по возможности и списать на злой умысел бывших соратников все проблемы в народном хозяйстве.

Одним из заметных отличий чистки, проводимой в ходе «ленинградского дела», была невнятная, неубедительная для широких партийных масс система обвинений.

Сейчас трудно однозначно указать, в чем причины этого: в неопределенности намерений верховной власти (некоторые мемуаристы упоминают слухи о том, что Сталин до самого

⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 361. Л. 377–378

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 431. Л. 121.

последнего момента не принял окончательного решения о судьбе основной группы обвиняемых) или в недостаточных усердии и «изобретательности» следствия. Документальные источники свидетельствуют, что одним из обвинений, предъявлявшихся арестованному В.С. Абакумову, являлась попытка «смазать» следствие по «ленинградскому делу», т.е. нежелание глубже расследовать отдельные эпизоды, особенно касающиеся возможной связи обвиняемых с границей¹⁰¹.

Нельзя исключать, что именно эти недоработки послужили одной из причин нараставшего недовольства деятельностью министра МГБ Абакумова со стороны Сталина, что в совокупности с другими причинами привело к его отставке и аресту в 1951 г.

Рассмотрим набор обвинений, предъявлявшихся «ленинградской группе», имея в виду при этом, что обвинения не объясняют истинных причин возникновения данного дела, а направлены скорее на то, чтобы закамуфлировать суть конфликта на верхних уровнях власти.

Впервые официально проступки «ленинградской группы» были сформулированы в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». Обвинения, содержащиеся в постановлении, сводились к следующему:

- попытка оторвать («образовать средостение») ЛПО от ЦК;
- организация без разрешения ЦК и СМ СССР оптовой ярмарки;
- фальсификация результатов выборов членов пленума горкома на VII городской / X областной объединенной партийной конференции в декабре 1948 г.

Это постановление достаточно подробно разобрано в исследованиях¹⁰², авторы которых доказали надуманность и сфабрикованность обвинений.

¹⁰¹ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Январь 1946 — март 1953. С. 573.

¹⁰² См., напр.: «Ленинградское дело» / Сост.: В. И. Демидов, В. А. Кутузов.

Важно то, что причины начинавшихся репрессий были неясны также и современникам, работникам ленинградского партаппарата. На этом факте следует остановиться подробнее.

Вопрос о голосовании на конференции касался при самом общем подходе членов счетной комиссии (их было 35 чел.) и, может быть, секретарей горкома и обкома партии, да и то не всех. Иногда в мемуарной литературе встречается утверждение, что искажение результатов голосования на партийных форумах было для коммунистов того времени настолько невообразимым, чудовищным преступлением, что никаких других доказательств вины организаторов этого и не требовалось (об этом, например, упоминается в мемуарах П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль»¹⁰³).

Знакомство с материалами партийных конференций разного уровня показывает несколько другое отношение к этой проблеме. Так, например, на партконференции Дзержинского района в марте 1950 г. разбиралось дело секретаря райкома партии В. М. Пузанкова. Его обвиняли, в частности, в том, что при выборах делегатов на городскую партконференцию он давал указания председателю счетной комиссии районной конференции не объявлять голоса, поданные против П. С. Попкова, избравшегося делегатом от этого района. Оправдываясь, Пузанков заявил: «За три дня (перед конференцией) было 40 установок: то “нумеруйте (то есть подсчитывайте поданные голоса — в том числе голоса “против”. — *Авт.*) всех, кто выдвинут конференцией”, то “нумеруйте только начиная с простых смертных, а члены Политбюро (за членов Политбюро голосовали как за «почетных делегатов» — *Авт.*) и Попков не должны нумероваться”, потом “выделите (то есть уберите из списка «избранных» — *Авт.*) Попкова”. Возможно, когда я беспокоился о членах Политбюро, я назвал и Попкова <...>. Моя ошибка рассматривалась через 2 дня после февральского пленума, а потом ее рассматривал райком и мне был объявлен выговор»¹⁰⁴.

¹⁰³ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996 С. 380-381.

¹⁰⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 127. Л. 263.

Как видно из приведенной цитаты, практика подтасовок в ходе голосований по отношению к кандидатурам руководства прочно укоренилась в партийном аппарате; выработался даже своеобразный жаргон. В.М. Пузанков перешел допустимые границы только в одном — не зная о грядущих политических переменах, старательно выполнил «указание» и причислил к «неприкасаемым» тогдашнего руководителя партийной организации Ленинграда. Также весьма характерно, что за подобную фальсификацию ему (уже после февральского пленума) объявили только выговор. Видимо, его коллеги по партаппарату знали о сложившихся обычаях и считали, что персональная вина Пузанкова минимальна.

Еще один пример — оправдания председателя счетной комиссии другой районной партконференции Новопашенной, также обвиненной в подтасовках, в марте 1950 г.: «В отношении установок (при подсчете голосов — *Авт.*) — установки были в отношении членов политбюро. Секретарь райкома <...> вызвал меня и сказал <...>, что в составе делегатов имеются члены политбюро и будет плохо для партийной организации, если будут иметься товарищи, которые будут голосовать против»¹⁰⁵.

Приведем другой пример: на партконференции Смольнинского района был оглашен следующий факт: «Я была избрана в состав счетной комиссии и получила указание от секретаря райкома ВКП(б) т. Никитина о том, что если в бюллетенях будут вычеркнуты фамилии Попкова, Никитина, <...> то ни в коем случае не оглашать»¹⁰⁶.

Во время проведения районной партконференции Лодейнопольской партийной организации руководство райкома ВКП(б) получило распоряжение от зам. зав. отдела ППКО обкома В.М. Осноса не оглашать число голосов, поданных против кандидатур И.В. Сталина, В.М. Молотова и П.С. Попкова. В ходе последующего разбирательства Оснос так объяснил свое указание: «Я считал, что голосовать против руководителей партии

¹⁰⁵ Там же. Д. 346. Л. 195.

¹⁰⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 929. Л. 13.

и правительства может только враг, прикрывающийся партийным билетом, и такой факт <...> лег бы пятном на всю организацию»¹⁰⁷.

В просмотренных нами архивных документах содержатся упоминания еще о четырех случаях такого рода. Если учесть, что далеко не все подобные факты становились достоянием гласности, то можно сделать вывод, что такие случаи были если не типичным, то вполне ординарным явлением.

В недавно ставших доступными для исследователей материалах, подготовленных для заседания бюро ЛГК ВКП(б) 17 марта 1949 г., содержатся объяснения членов счетной комиссии декабрьской (1948 г.) ленинградской партконференции. Из них следует, что большинство работавших в комиссии людей не были даже оповещены о том, что против ленинградских руководителей подано некоторое количество голосов. Члены комиссии, которые знали об искажениях результатов голосования, допущенных А. Я. Тихоновым, считали произошедшее вполне ординарным явлением.

Характерным является тот факт, что ни во время разбирательства в марте 1949 г., ни после не обсуждались случаи подтасовок голосований по кандидатурам И. В. Сталина и других лидеров партии.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в данном случае основная «вина» П. С. Попкова и других ленинградских руководителей состояла в том, что они посмели приравнять себя (при подсчете голосов) к непогрешимому верховному лидеру и его сподвижникам. Косвенным подтверждением этому может служить фраза из объяснения одного из членов счетной комиссии конференции, который, рассказывая и объясняя причины своего проступка, указал на «наличие в ленинградской партийной организации элементов «вождизма», ссылаясь при этом на «очень быстро создаваемый авторитет т. Попкова *до уровня авторитета руководителей нашей партии*» (курсив наш. — Авт.)¹⁰⁸.

Обвинение в несогласованном с центром проведении оптовой ярмарки было явно не подходящим для предъявления его

¹⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 98. Л. 126.

¹⁰⁸ Там же. Л. 56.

широкому кругу партийных и советских работников — отношение к организации ярмарки имел весьма ограниченный круг лиц. Кроме этого, в партийной организации возникали вполне обоснованные вопросы: если ярмарка проводилась с нарушениями, то почему ЦК вовремя не поправил ее организаторов — ведь о ней широко сообщалось в газетах. Многие наверняка помнили, что в Ленинграде уже проводились межрегиональные оптовые ярмарки с привлечением организаций из других республик. Например, в 1946 г. такая ярмарка проходила с участием представителей из трех прибалтийских союзных республик¹⁰⁹.

Более перспективным с точки зрения дальнейших чисток выглядел первый пункт — желание оторвать ЛПО от ЦК, тем более что в постановлении Политбюро содержался злобещий намек на то, что «Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к тем же антипартийным методам заигрывания с ленинградской организацией <...>»¹¹⁰. Казалось бы, обвинение действительно серьезное и, если так можно выразиться, «долгоиграющее» — участники группы хотели обеспечить себе поддержку со стороны одной из крупнейших и авторитетнейших организаций. Возникает естественный вопрос — зачем? Для реализации каких «враждебных» замыслов? Ведь никакой политической платформы они, в отличие от группы Зиновьева, не формулировали и, тем более, в ЛПО не обнародовали. Безусловно, эти вопросы возникали и у ленинградских партийных работников того времени. Более того, упоминание Г. Е. Зиновьева в этом контексте могло наводить на размышления. Именно он в свое время настаивал на закреплении руководящей роли партии и ее аппарата в системе властных отношений¹¹¹. С этой точки зрения

¹⁰⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 7493. Л. 110–111, 183–186, 203–206.

¹¹⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 51.

¹¹¹ Например, в 1923 г. на XII съезде партии он заявлял: «Мы должны сейчас добиться того, чтобы и на нынешнем новом этапе революции руководящая роль партии или диктатура партии была закреплена. У нас есть товарищи, которые говорят: “диктатура партии — это делают, но об этом не говорят”. Почему не говорят? Это стыдливое отношение

основное настоящее, в отличие от придуманных для объяснения происходящего «широким партийным массам», обвинение сводилось к поддержке А. А. Кузнецова и к ориентированию на его позицию в повседневной деятельности.

Представляется разумным предположение, что сначала кампания развивалась по образцу процессов 1930-х гг. С этой точки зрения, до определенного момента логика в развитии обвинений и «конструировании» дела присутствует. Отработанная методика выглядит следующим образом: сначала предъявляются не самые тяжелые обвинения, позволяющие, однако, отстранить нужных лиц от руководящих постов и начать собирать компрометирующие материалы; затем, после сбора информации, проводятся первые аресты, после чего «дело» разрабатывается на основе документов следствия, приобретает более широкий характер по количеству обвиняемых и законченную идеологическую платформу.

Косвенным подтверждением того, что в данном случае первоначально предполагалось пойти по этому пути, служат слова Ф. Р. Козлова, сказанные им в начале 1950 г. на пленуме Дзержинского райкома в Ленинграде: «Посмотрите, как ЦК партии поступил с антипартийной группой? Вначале проверили и отстранили от работы и дальше стали проверять. Оказалось, что они вели вражескую работу и тогда их прибрали куда следует, потому что они шли против генеральной линии партии <...>»¹¹².

Однако на определенном этапе отработанный механизм застопорился. Можно предположить, что это произошло примерно в октябре–ноябре 1949 г. К этому времени относится известный проект закрытого письма Политбюро ЦК членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), разработанный при участии

неправильно... Почему мы должны стыдиться сказать то, что есть, и чего нельзя спрятать? Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т. е. диктатуру лучшей его части, его партии. Это нужно иметь мужество смело сказать и защитить...» (Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков) 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1923. С. 41).

¹¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 128. Л. 78.

Г. М. Маленкова и Л. П. Берии¹¹³. В проекте содержались заявления о том, что «<...> группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве»¹¹⁴. Впервые официально упоминается то, что группа «сложилась еще перед войной <...> в начале войны и особенно во время блокады Ленинграда активизировала свою антипартийную деятельность»¹¹⁵. Судя по содержанию письма, дело предполагалось расширить за счет привлечения новых обвиняемых: А. Н. Косыгина и В. М. Молотова. Однако проект письма ЦК не был одобрен И. В. Сталиным. Причины этого решения могут быть весьма разнообразны и требуют отдельного рассмотрения. Можно предположить, что после отказа верховного руководителя от идеи «общегосударственного заговора» было дано указание ограничить предъявляемые обвинения только рамками города. Большая часть обвинительного заключения, подготовленного для «основного процесса ленинградского дела» и утвержденного 26 сентября 1950 г.¹¹⁶, также посвящена деятельности обвиняемых в ЛПО.

Из анализа переписки В. М. Андрианова с Г. М. Маленковым становится ясно, что именно с октября 1949 г. в Ленинграде активизировался сбор компрометирующей бывших руководителей информации. Все, даже самые малозначительные, факты немедленно докладывались Андриановым Маленкову¹¹⁷,

¹¹³ Стремление Л. П. Берии избавиться от партийного контроля или «принизить роль партии» постоянно упоминалась в ходе осудившего его деятельность Пленума ЦК КПСС в июле 1953 г.

¹¹⁴ Цитируется по: Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 57.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Копия обвинительного заключения находится в Библиотеке Конгресса США (Dmitrii Antonovich Volkogonov papers, 1887–1995. Box 3 (Microfilm reel 2). Folder 14. P. 0–37, 162–165, 169, 172 / US Library of Congress). Автор благодарит Д. Бранденбергера за возможность ознакомиться с этим документом.

¹¹⁷ Например, в феврале 1950 г. до сведения Г. М. Маленкова были доведены результаты расследования деятельности бывшего директора Дворца пионеров, который был уличен в том, что несколько педагогов дворца

а в отдельных случаях и Сталину¹¹⁸. Следует отметить, что Маленков не отрицал своей роли в подготовке и проведении «ленинградского дела», в частности во время покаянных выступлений на Пленуме ЦК КПСС в июне 1957 г.

Из переписки В.М. Андрианова с ЦК следует, что он координировал деятельность УМВД и УМГБ в Ленинграде по сбору обвинительного материала. Например, именно ему органы МВД направили материалы внутрикамерной агентурной разработки, а также личное заявление находящегося в заключении А.С. Злобина, который, по его словам, выполнял «различные бытовые поручения» прежних ленинградских руководителей. Злобин рассказал, что в июне–сентябре 1942 г. он по поручению Я.Ф. Капустина сопровождал продовольствие (пять ящиков с мукой), промтовары и деньги из Ленинграда в Челябинск для передачи семьям ленинградского руководства¹¹⁹. Показания Злобина практически полностью вошли в обвинительное заключение.

Во многих случаях партийные органы сами проводили тщательное расследование. Например, в мае 1950 г. по поручению инструктора ЦК В.А. Гогосова отдел ППКО обкома искал информацию о деятельности в период блокады А.М. Борисова — бывшего секретаря Выборгского райкома. Инструктор отдела Богданов опросил бывших коллег Борисова, собрал 13 письменных объяснений и подготовил обобщающую справку, в которой приводились факты, относящиеся к личной жизни Борисова¹²⁰.

Из-за отсутствия фактов приходилось обращать внимание даже на слухи. Инструкторы обкома опросили бывших работников Выборгского райкома, которые рассказали, что «на банкете после районной партконференции, когда подвыпили, то начали

давали домашние уроки игры на пианино детям руководителей города (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 60. Д. 645. Л. 12–35).

¹¹⁸ Например, лично И.В. Сталину была направлена записка В.М. Андрианова о компрометирующих материалах в отношении профессора Н.А. Корнатовского (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 518. Л. 91–96).

¹¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 60. Д. 644. Л. 5–10.

¹²⁰ Там же. Д. 662. Л. 3–16.

хвастаться, что вот скоро у нас будет ЦК и Совет Министров свой в Ленинграде и лучших из вас заберем туда работать, а руководить будет самый достойный Попков, <...> а кто против нас, того из Ленинграда выдвинем»¹²¹.

Вся собранная информация немедленно докладывалась Г. М. Маленкову, но держалась в секрете от большинства работников города.

Для многих низовых партийных, советских и хозяйственных работников из резолюции октябрьского (1949 г.) пленума вина «антипартийной группы» не становилась понятной. Наоборот, этот пленум внес еще большую сумятицу в структуру обвинений.

Все обвинения, предъявляемые работникам партаппарата среднего и низшего звеньев, делились на три типа: близость к членам антипартийной группировки, потворство засоренности кадров, коррупционные проявления. Чаще всего в конкретных случаях сочетались обвинения всех трех типов в той или иной пропорции.

Представляется весьма достоверным, что с самого начала кампании у организаторов чистки сформировалось устойчивое мнение о том, что тесные связи между ленинградскими работниками зародились в период блокады. Действительно, с этой точки зрения Ленинград в военные годы стал уникальным явлением — название «город-фронт» не было пропагандистским штампом. Нигде больше гражданская, партийная и военная составляющие власти не были сплетены так плотно. При всей помощи «большой земли» руководство города отлично понимало, что вся ответственность лежит целиком на них. Трудности войны и оторванность блокадного города, с одной стороны, способствовали сплочению руководителей, работавших вместе, а с другой — не позволяли высшему руководству контролировать этот процесс. Очень точно, на наш взгляд, настроения этого

¹²¹ Там же. Оп. 54. Д. 518. Л. 134–135. Это единственное упоминание о планах переноса столицы РСФСР в Ленинград, которое нам удалось обнаружить.

периода охарактеризованы историком М. Я. Гефтером: «В тяжелых испытаниях войны возродился — вместе с чувством личной ответственности за судьбы отечества — и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем»¹²². Этот «зародыш личного взгляда» и стремилось искоренить высшее руководство страны в первую очередь.

Мысль о том, что корни «антипартийной группы» уходят в блокадные времена, а следовательно, что под подозрением оказывается каждый, кто работал на руководящих постах в тот период, широко не афишировалась.

Скорее всего, новое руководство считало, что люди, только что пережившие чудовищные трудности, гордившиеся своей стойкостью, люди, которые своими глазами видели работу руководства в осажденном городе, негативно воспримут такие обвинения. Однако время от времени эти подозрения озвучивались особо ретивыми разоблачителями; появился даже термин — «блокадные секретари».

Например, в ходе партконференции Фрунзенского района один из выступавших утверждал: «Она (речь идет об одном из секретарей райкома. — *Авт.*) не может работать на партийной работе <...>, т[ак] к[ак] принадлежит к плеяде блокадных партийных работников, осуществлявших подбор кадров не по деловым и политическим качествам, а по семейственным, товарищеским и дружеским отношениям»¹²³. Это заявление вызвало резко негативную реакцию зала, что вообще-то нехарактерно для того периода, тем более что в президиуме конференции сидел секретарь горкома Ф. Р. Козлов. Негодование зала было, видимо, столь велико, что его не смогли обойти при стенографировании, правда, оставив автора реплики анонимным: «С места: Вы в своем выступлении секретарей назвали “блокадными секретарями”. Мы здесь в войну <...> защищали Родину, мы

¹²² Цит. по: *Зубкова Е. В.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953 гг. С. 20.

¹²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 678. Л. 61.

здесь своим здоровьем страдали». Из дальнейшей стенограммы видно, что выступавший начал косноязычно оправдываться, а секретарь горкома был вынужден прийти к нему на помощь:

Я сказал «блокадные секретари» не в том смысле, что блокада никуда не годится <...> во время блокады среди отдельной группы партийных, хозяйственных работников образовалась группа <...>.

Козлов Ф. Р.: Не группа, а кучка.

<...> и они непартийно себя вели, противопоставляли свои интересы общегосударственным, общепартийным интересам. Антипартийная группа — они ведь во время войны здесь жили¹²⁴.

Еще один пример проявления особого внимания к связям блокадного времени — разбор персонального дела Г. П. Гуторова на пленуме Ждановского райкома 23 марта 1950 г. Гавриил Петрович Гуторов был членом пленума райкома партии; решением бюро райкома было рекомендовано вывести его из состава пленума. Проект постановления содержал стандартные для этой кампании формулировки: «Гуторов Г. П., работая заведующим отделом легкой промышленности горкома партии, всячески угодничал перед старым антипартийным руководством горкома и обкома партии <...>. Тов. Гуторов не встал на путь открытого и честного признания своих недостатков перед партией и не помог горкому в работе по разоблачению враждебной деятельности антипартийной группы и лиц, связанных с ней»¹²⁵. Следует отметить, что Гуторов работал в горкоме с 1941 по 1945 г., после чего он был снят со своего поста за недостатки по службе и направлен на работу с существенным понижением. Пытаясь оправдаться, он заявил: «Во-первых, в горкоме я уже не работаю 5 лет, поэтому при всем моем желании я не мог ничего вскрывать, просто я не сталкивался с этой работой <...>, во-вторых, <...> никаким подхалимством и угодничеством я не занимался, ни я лично, ни с группой. Мне, как и членам пленума, понятно,

¹²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 678. Л. 62.

¹²⁵ Там же. Д. 153. Л. 22.

что вряд ли человека, который угодничал, снимали бы с работы в Горкоме партии <...>. Я не виноват, что я в то время работал в Горкоме партии, когда там был целый ряд людей, оказавшихся сейчас враждебными <...>».

Апелляция к логике Гуторову не помогла. Присутствовавший на пленуме заведующий отделом горкома Ф. И. Спирин разъяснил ему позицию партийного начальства: «Вы работали в горкоме до 1945 г. А Вам известно, что *антипартийные действия бывших руководителей горкома и обкома как раз особенно активизировались в период блокады* (курсив наш. — Авт.), и в этот период Вы с ними работали <...>. Вот поэтому и ставится вопрос, что Вы до 1945 г. работали завотделом <...> и должны многое знать, почему в Горкоме партии в эти годы было много безобразий. Но Вы никогда не только в Горкоме партии, но и на партийных активах, на районных партийных активах, да и на партийных собраниях не поднимали этого вопроса, как и при подведении итогов работы февральского и октябрьского пленумов. Так что оценка дана правильно»¹²⁶. Таким образом, Гуторову ставилось в вину то, что он, несмотря на имевшиеся претензии к бывшему начальству, лишившему его высокой должности, не смог или не захотел озвучить компрометирующие блокадных руководителей факты. Вероятно, особое внимание к Гуторову и объяснялось желанием собрать как можно больше негативной информации именно о блокадном периоде деятельности «антипартийной группы».

Иногда желание обнаружить компрометирующие материалы в деятельности блокадного руководства города приводило к просто поразительным «открытиям». На июньской 1950 г. городской партийной конференции В. М. Андрианов заявил, что во время блокады руководители города «на Васильевском острове в бане установили порядок, когда женщины и мужчины мылись одновременно <...>, этого можно было избежать, но делали это не без умысла. В эту баню подсылали людей и заставляли их вести антисоветскую агитацию»¹²⁷. В блокадном

¹²⁶ Там же. Д. 678. Л. 42–44.

¹²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 361. Л. 377.

городе, как известно, было очень мало мест, где можно было бы помыться, и представить себе, что совместное мытье устроили «с умыслом» для антисоветской агитации можно только, если поставить себе задачу опорочить бывшее руководство везде, где только возможно. Впрочем, в том же выступлении сам Андрианов и определил, как, по его мнению, можно добиться подлинной правды о блокадном времени: «Сейчас задача партийной организации, учреждений идеологического фронта, работников литературы, искусства и кино — быстрее и во всем восстановить историческую правду, шире осветить роль нашего Великого вождя и учителя товарища Сталина в защите и спасении Ленинграда <...> в годы Великой Отечественной войны»¹²⁸.

Другим важным проявлением «близости к бывшему руководству» было выдвижение работников на занимаемые посты со стороны конкретных участников «антипартийной группы». Анализ обвинений, предъявляемых партийным работникам, показывает, что, поскольку весь партийный, советский и хозяйственный аппарат среднего уровня при кадровых перемещениях получал предварительное одобрение в горкоме партии, что являлось обязательной номенклатурной практикой, подобное обвинение можно было предъявить любому руководителю, начавшему свою аппаратную карьеру до февраля 1949 г. Следует отметить, что это почти всегда и делалось.

К обвинениям в «близости» тесно примыкают и обвинения в «подхалимстве, лизоблюдстве и угодничестве» перед членами бывшего руководства. Эти обвинения использовались практически в каждом случае, тем более что определить грань между нормальной в те годы практикой отношения к вышестоящему руководству и «угодничеством» было крайне сложно.

Приведем только два примера. Характеризуя бывшего председателя Октябрьского райисполкома А. М. Белоуса, Ф. Р. Козлов заявил: «Самое главное преступление Белоуса заключается в том, что из его кабинета холуйски, подхалимски

¹²⁸ Там же. Л. 375.

была изъята скульптура Петра I и преподнесена холуйски этому Кузнецову»¹²⁹.

В обвинениях своих коллег многие не останавливались ни перед чем: на партконференции Смольнинского райкома заместителя заведующего отделом ППКО райкома Сидорову обвинили в «лизоблюдстве и угодничестве, выразившихся в сборе денег на цветы для Никитина (бывшего секретаря райкома. — *Авт.*)»¹³⁰. Как выяснилось из оправданий Сидоровой, она всего лишь отнесла букет цветов, купленный на собранные коллегами по работе в складчину деньги, в госпиталь, где находился их больной начальник.

Еще одним обвинением, использовавшимся практически во всех случаях, была «недостаточная активность при разоблачении антипартийной группы и ее прихвостней»¹³¹. Это обвинение было удобно тем, что никто не мог точно установить критерий «достаточной активности».

И. Н. Платонов, бывший 1-й секретарь Октябрьского райкома, был снят с работы и исключен из партии за то, что он «видел антипартийную линию бывшего руководства, но не принимал мер, чтобы разоблачить их вражескую деятельность, не поставил вопрос ни в Ленинграде, ни в ЦК партии <...>. После февральского пленума Платонов не помог в должной мере разоблачить антипартийную группу»¹³².

Артемьев, секретарь парторганизации Технологического института, был обвинен в том, что он «тормозил в течение нескольких месяцев рассмотрение вопросов о партийной ответственности за связь с бывшим секретарем горкома Вербицким ряда коммунистов института»¹³³. Упомянутый выше секретарь Василеостровского райкома А. Н. Климов был отстранен от должности, несмотря на всю проявленную им разоблачительную активность. Часто разоблачение «потворства» участникам

¹²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 477. Л. 81.

¹³⁰ Там же. Д. 646. Л. 192.

¹³¹ Там же. Д. 354. Л. 101.

¹³² Там же. Д. 477. Л. 78.

¹³³ Там же.

антипартийной группы принимало совсем гипертрофированные формы. На партконференции Кировского района один из выступавших обвинял второго секретаря райкома Агеева в следующем: «Когда я вернулся из ЦК, он (Агеев. — *Авт.*) спросил меня: исключен ли из партии Семенов (бывший секретарь райкома. — *Авт.*)? Я подтвердил это. Тогда Агеев заявил, что он еще может апеллировать к съезду партии. Выходит, что Агеев подсказывает им (исключенным. — *Авт.*) путь дальнейшего поведения <...>»¹³⁴.

Другое распространенное обвинение — в «потворстве засоренности кадров» — подразумевало, что подчиненные обвиняемого руководителя имели некоторые «огрехи» в анкетных данных. В большинстве случаев эти компрометирующие материалы были известны если и не всем окружающим, то во всяком случае правоохранительным органом. Именно эти органы и поставляли сведения руководству горкома, которое в свою очередь использовало их как обвинения в «недостаточном кадровом контроле». Необходимость в компрометирующих материалах во время чистки была столь высока, что соответствующие службы УМГБ не справлялись с потоком запросов из горкома, что вызывало раздражение руководства. 12 ноября 1949 г. на заседании бюро горкома был даже рассмотрен вопрос: «Записка т. Романова (зав. особым сектором горкома) о не выполненных УМГБ запросах обкома и горкома ВКП(б) по проверке работников». Причины задержек в УМГБ с рассмотрением запросов парторганов становятся понятными, если учесть, что в конце 1949 г. в Управление направлялось до 300 запросов в месяц. При этом проверки проводились более тщательно и глубоко по сравнению с предшествовавшим периодом — например, выявлялось наличие компрометирующего материала не только на самого проверяемого, но и на всех его близких родственников.

В ход шли любые, даже «притянутые за уши» факты. Приведем только несколько примеров.

¹³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 927. Л. 43.

Он (речь идет об одном из секретарей райкома. — *Авт.*) скрыл, что его мать является немкой <...>. У него служила домработницей неизвестная немка, которая за несколько дней до войны скрылась¹³⁵.

13 декабря 1949 г. бюро Петродворцового райкома приняло постановление об освобождении от работы 2-го секретаря райкома А. Ф. Михайловой «за антипартийное поведение». Вина Михайловой заключалась в том, что ее бывший муж за три года до их знакомства приветствовал от имени своего полка губернскую партконференцию в Ленинграде и «лично Зиновьева». При этом, после ареста мужа в 1937 г., Михайлова голосовала за его исключение из партии, порвала с ним всякую связь и, как она сама заявила, «вычеркнула его из своей жизни и из жизни моих трех детей», о чем и сообщила в райком партии. Видимо, она вычеркнула его из своей жизни настолько хорошо, что при заполнении анкеты при назначении на должность 2-го секретаря не указала, в чем именно заключалась вражеская деятельность бывшего мужа. Свою «вину перед партией» Михайлова признала, но это не избавило ее от снятия с руководящего поста¹³⁶.

Борьба за «кристальную чистоту» кадров проводилась даже, если при этом приходилось идти на нарушение существующего порядка и норм законодательства, как, например, при выборах народных заседателей для судов. Заведующий административным отделом горкома партии П. С. Соловьев, выступая перед делегатами партийной конференции, заявил: «Мы заметили, что в числе уже зарегистрированных кандидатов в народные заседатели оказались лица, не внушающие политического доверия. Таких оказалось 11. Мы предложили уменьшить число заседателей по некоторым округам, чтобы избежать избрания недостойных людей в состав заседателей»¹³⁷.

Обвинения руководящих работников в коррупции были чрезвычайно распространены. Само наличие фактов бытовой

¹³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 676. Л. 28.

¹³⁶ Там же. Д. 583. Л. 7.

¹³⁷ Там же. Д. 130. Л. 78.

коррупции в номенклатурной среде не означало автоматического наказания высокопоставленного работника. Часто руководству было выгоднее держать компрометирующие материалы «под спудом», чтобы использовать их в нужное время. В мемуарах П. А. Судоплатова приводится прямое указание на существование подобной практики: «Сильное впечатление на меня произвели слова (А. Цукановой — зам. заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК. — *Авт.*) о том, что ЦК не всегда принимает меры по фактам взяточничества, “разложения” и т.п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников. Если же они причислялись к соперникам, то этот компромат сразу же использовался для их увольнения или репрессий»¹³⁸.

Широкое применение обвинений в коррупции в ходе чистки в Ленинграде объясняется, скорее всего, тем, что инициаторы кампании считали такой компромат наиболее понятным для «масс». Факты подтверждают это предположение. Приведем наиболее характерный пример. На партконференции в Невском районе секретарь парторганизации цеха Смирнов рассказал о возникших у него проблемах: «Приходят товарищи после решений февральского и октябрьского пленумов и спрашивают: за что сняли этого, за что выгнали того? Мы спросили т. Ухтомскую (секретарь Невского райкома, выдвинута после февральского (1949 г.) пленума. — *Авт.*), как объяснять. Она говорит: говорите, что все жулики. Но ведь подходят старые рабочие, которые имеют по 40 лет (партийного) стажа <...> они возражают: “Не может быть, чтобы все были жуликами. Ты нас за нос водишь” <...>»¹³⁹. Этот пример показывает и реакцию рядовых коммунистов на обвинения такого рода. Тот факт, что далеко не все коммунисты верили утверждениям о том, что «все жулики», подтверждают и выдержки из выступлений на собраниях, собранные горкомом. Например, на собрании партактива Пе-

¹³⁸ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 374–375.

¹³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 430. Л. 41.

троградского района один из выступавших заявил: «Капустину сделали аккордеон на фабрике имени Крупской и он заплатил за него сразу»¹⁴⁰.

Отсутствие весомых фактов вынуждало использовать любую мелочь. Стенограммы пленумов райкомов и партконференций, протоколы заседаний бюро райкомов и горкома пестрят обвинениями такого типа: «После февральского пленума по указанию Ганичева (бывший первый секретарь райкома. — *Авт.*) была куплена лодка и отправлена на дачу бывшего секретаря горкома Левина» (Из отчетного доклада Курортного райкома ВКП(б))¹⁴¹. На собрании актива Куйбышевского района парторг дачного треста Чистов с сожалением рассказывал: «Бывший директор дачного треста самовольно уменьшила плату за дачу, занимаемую Вознесенской. Мною об этом было сообщено в горком ВКП(б), но мне ответили, что они сейчас собирают материал на одного ответственного работника Ленгорисполкома и мое сообщение им не нужно»¹⁴². Анализ выступлений на партийных собраниях различного уровня показывает, что никаких весомых подтверждений коррумпированности большинства снятых руководителей обвинители предоставить так и не смогли.

Несмотря на распространенное утверждение о том, что одной из причин возникновения «ленинградского дела» являлось стремление «группы Кузнецова» повысить политическое значение РСФСР в составе СССР, нам не удалось обнаружить в выступлениях на районных партийных мероприятиях ни одного свидетельства этого. Возможно, это связано с тем, что инициаторы дела опасались широкого распространения подобной информации, так как это могло вызвать нежелательный рост симпатий к обвиняемым руководителям.

В материалах райкомов партии отмечено только одно выступление, содержащее слабые намеки на национальные аспекты враждебной деятельности «антипартийной группы». Рассказывая

¹⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 927. Л. 53.

¹⁴¹ Там же. Оп. 47. Д. 336. Л. 103.

¹⁴² Там же. Оп. 20. Д. 927. Л. 75.

на пленуме Колпинского райкома партии об итогах IX городской партийной конференции (июнь 1950 г.), один из ее делегатов так охарактеризовал намерения бывшего руководства: «Конференция отметила тлетворное существование бывшей группы Попкова, Кузнецова, которая пыталась наложить свою черную лапу на ленинградскую партийную организацию, разложить ее и повести за собой <...>. Делегаты рассказывали, как партийная организация разобралась с этими псами, которые пытались продать интересы рабочего класса в руки не нашего народа, не русского народа, хотя они и с русскими именами»¹⁴³.

Надо отметить, что ничего подобного в стенограмме городской партийной конференции нет. Видимо, в данном случае слишком экспрессивный делегат смешал довоенные обвинения против «троцкистско-зиновьевских шпионов» и тезисы проходившей в то время кампании по борьбе с космополитизмом. Нельзя исключать, однако, что подобные разговоры велись в кулуарах делегатами конференции.

Недостаток фактов для формирования весомых обвинений и желание многих функционеров заявить о себе на фоне широкой разоблачительной кампании часто приводили к тому, что участники «антипартийной группы» оказывались ответственными за любые осложнения в партийной работе.

Приведем только несколько наиболее ярких высказываний. Серебряков, секретарь партбюро Консерватории, на партконференции Октябрьского района заявил, что «возвращение некоторых космополитов было сделано по прямому указанию <...> старого руководства горкома, в частности отдела агитации и пропаганды — Смолоникова и Шувалова»¹⁴⁴. На собрании актива Куйбышевской районной парторганизации было всерьез заявлено одной из выступавших: «Вследствие антипартийной деятельности Попкова и других у нас сильно оживилась религия»¹⁴⁵.

¹⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 270. Л. 51.

¹⁴⁴ Там же. Д. 477. Л. 67.

¹⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 927. Л. 37.

Часто усердие в разоблачении происков «антипартийной группировки» брало верх над разумом. Например, на партийной конференции Ленинского района заведующий отделом ППКО райкома партии Брагин заявил: «Деятельность антипартийной группы сказалась на ослаблении идеологической работы. Как следствие — выход в ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт. — *Авт.*) подпольного реакционного журнала “Мухомор”»¹⁴⁶. Таким образом, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов, первый секретарь обкома и горкома партии П. С. Попков и другие высокопоставленные руководители оказались ответственны за то, что «три студента 2-го курса решили издавать журнал <...> в этом журнале они пропагандировали идеи обожествления женщины»¹⁴⁷.

В установление последствий действий «антипартийной группы» внес свою лепту и Василеостровский райком партии. В постановлении пленума он обратил внимание на деятельность «группировки» по «развалу городского хозяйства»: «Большой вред городскому хозяйству Ленинграда нанесли враждебные действия антипартийной группы. Бывшее антипартийное руководство Ленинградского Обкома и Горкома ВКП(б), Ленгорисполкома своей враждебной деятельностью создавало видимость благоустройства города, стремилось нанести внешний дешевый лоск на фасадах, отвлекая внимание строителей от капитального восстановления жилых зданий (крыш, межэтажных перекрытий, водостоков и т. д.), что резко ухудшило состояние жилого фонда города»¹⁴⁸.

Кампания чистки сопровождалась огромным размахом доносительства. Как заявил Ф. Р. Козлов на пленуме Дзержинского райкома партии, «сейчас очень большое количество материала поступает в горком — до 500 писем и жалоб на руководителей и всех прочих в месяц»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 346. Л. 174.

¹⁴⁷ Там же. Л. 88.

¹⁴⁸ Там же. Д. 25. Л. 3.

¹⁴⁹ Там же. Д. 128. Л. 78.

Новое руководство горкома партии открыто призывало низовых партработников к доносительству. На партконференции Октябрьского района тот же Ф. Р. Козлов заявил: «Нам с вами надо повышать активность, если хотите, бдительность в отношении руководителей, если они допускают ошибки и особенно ошибки политического характера»¹⁵⁰.

Необычайно высока была роль анонимок в проведении кампании. Символично, что начало чистки было формально связано с анонимным письмом, направленным в ЦК ВКП(б) о фальсификациях на выборах во время партконференции. Письмо, как известно, было оглашено на февральском пленуме. Тем самым было положено начало потоку анонимных заявлений. Например, по единственному анонимному письму об организации банкета в одном из отделений милиции был снят с работы 2-й секретарь Ленинского райкома Комягин¹⁵¹.

Функционирование механизма чистки с помощью анонимных доносов можно проиллюстрировать достаточно ярким, но далеко не единственным примером. 22 июля 1949 г. на стол к В. М. Андрианову попала анонимная записка следующего содержания (орфография оригинала сохранена): «Дорогой товарищ Андриянов. Почему в Обкоме работает заведующим всеми докладчиками есер Орловцев Фома. Он во время установления советской бедняцкой власти ругал дорогого Ленина мерзавец и большевиков сволочю и всюду боролся супротив рабочих. Рабочие с крестьян»¹⁵². Автор анонимки явно и неуклюже старался подделаться под «простонародный» стиль. В этот же день на письме появилась резолюция В. М. Андрианова: «Тов. Малину (секретарь горкома. — *Авт.*). Срочно разберитесь и доложите». Через два дня — 25 июля — была представлена справка, в которой говорилось: «<...> в лекторской группе <...> работает Орловцев Ф. Я., в прошлом состоявший в партии эсеров. Брат его жены <...> был офицером-петлюровцем

¹⁵⁰ Там же. Д. 477. Л. 79.

¹⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 347. Л. 56.

¹⁵² Там же. Оп. 28. Д. 196. Л. 295.

<...>»¹⁵³. На следующий день было вынесено постановление бюро горкома об освобождении Орловцева от работы как «не внушающего политического доверия»¹⁵⁴. Всё разбирательство было проведено за четыре дня.

Размах доносов принял такие масштабы, что новому руководству пришлось реагировать на это. Пытаясь успокоить напуганных потоком заявлений аппаратных работников, А. В. Носенков, заведомо ППКО горкома партии, был вынужден, выступая на пленуме Выборгского райкома в июне 1950 г., успокаивать собравшихся: «Разве должно пугать, если в горком поступили какие-то материалы? Если человек, руководитель не чувствует за собой никакой вины, что ему бояться этих материалов. Городской комитет партии объективно разберется с ними, если они неправильны, то эти обвинения будут отмечены, если правильны, поправит данного руководителя <...>. Надо, товарищи, создавать уверенность в работе нашим кадрам»¹⁵⁵.

Часто обсуждение проступков того или иного руководителя вырождалось в обычную межличностную склоку. Например, на пленуме Пушкинского райкома обсуждение политических проступков секретаря райкома переросло в склоку по поводу того, кто из работников аппарата райкома кого подбирал пьяным¹⁵⁶.

Попытки урезонить некоторых рьяных разоблачителей оканчивались неприятностями: «Когда на расширенном бюро (Ленинского райкома ВКП(б). — *Авт.*) обсуждались итоги февральского пленума Ленинградского горкома партии, товарищи выступали и говорили, что нужно не только в горкоме смотреть, нужно смотреть и здесь, а т. Ананьев (в то время — 1-й секретарь райкома. — *Авт.*) заявил, что некоторые товарищи пытаются создать себе карьеру»¹⁵⁷. Это заявление было впоследствии поставлено в вину Ананьеву при рассмотрении его персонального дела.

¹⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 196. Л. 293.

¹⁵⁴ Там же. Л. 292.

¹⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 79. Л. 108.

¹⁵⁶ Там же. Д. 596. Л. 32.

¹⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 346. Л. 6.

Несмотря на атмосферу подозрительности, последнее слово при обсуждении кадровых вопросов всегда оставалось за вышестоящей инстанцией. На IV партконференции в Курортном районе на пост секретаря райкома партии горкомом была предложена кандидатура М.В. Лишенковой. При обсуждении ее кандидатуры у делегатов возникли сомнения: «Товарищ Лишенкова работала при старом руководстве горкома». Присутствовавший в президиуме А.В. Носенков развеял опасения: «Когда горком партии рекомендовал т. Лишенкову, то он проверил ее тщательным образом. Тогда, когда т. Лишенкова работала в Ждановском райкоме и в горкоме партии, она вела себя принципиально и никаких замечаний у горкома в отношении т. Лишенковой нет»¹⁵⁸. После такого авторитетного утверждения кандидатура была одобрена единогласно.

Как уже указывалось выше, завеса секретности вокруг кадровых решений была настолько плотной, что это приводило в недоумение даже аппаратчиков, привыкших к тотальной закрытости информации. «Очень много у нас засекреченных вопросов. У нас была чистка горкома партии, райкома партии. Может быть, и не всё надо говорить, но все-таки некоторые вещи надо говорить. Сейчас мы пойдем на избирательные участки (речь идет о проходивших в то время выборах в Верховный Совет СССР. — *Авт.*). Нам могут задать избиратели вопрос — а где же старые депутаты? Если только послушать т[ак] н[азываемое] “сарафанное радио”, то они знают больше нас <...>. Такие вопросы нельзя держать в секрете. Если кто допустил ошибку, то надо сказать, что товарищ ошибся, поэтому его нет и надо избрать новых людей» (Партконференция Невского райкома. Логинов, секретарь парторганизации ОТК завода № 800)¹⁵⁹. «Об освобождении второго секретаря райкома... работники аппарата, инструкторы и секретари партийных организаций узнали в трамваях, а не от секретарей РК»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Там же. Д. 336. Л. 146.

¹⁵⁹ Там же. Д. 430. Л. 29.

¹⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 20. Д. 927. Л. 29.

На собраниях актива информация до слушателей доводилась в весьма ограниченных объемах. Ответы на вопросы, данные секретарем ГК А.И. Алексеевым на районных партконференциях, достаточно четко демонстрируют эти границы. «Почему так долго не было партийного съезда? Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Съезд будет тогда, когда будет решение ЦК партии об этом»¹⁶¹. Другой пример: «Где находятся Кузнецов, Попков, Капустин, Николаев и другие? Вся эта антипартийная группа на находится там, где ей положено быть по заслугам»¹⁶².

Как, вероятно, в любой подобной кампании, события иногда выходили из-под контроля организаторов и принимали абсурдный характер. Обстановка постоянного страха за свое положение, атмосфера гонений, которым мог быть подвергнут в любое время практически каждый работник, вызывали желание перестраховаться, стать «святее Папы Римского», что, в свою очередь, приводило к парадоксальным с точки зрения здравого смысла ситуациям. Например, недавно назначенный директор института истории партии Князев уверял слушателей: «В нашем институте работал Шидловский — провокатор, шпионивший за т. Сталиным»¹⁶³.

На собрании партийной организации аппарата Выборгского райкома партии всерьез обсуждалось следующее сообщение: «Инструктор райкома Р. напился на банкете в 1947 г. и целовал руки секретарю райкома Кедрову, за то, что тот помог ему, как семейному человеку, получить квартиру»¹⁶⁴. Сам инструктор это отрицал. После этой информации партийное собрание стало выяснять путем опроса присутствующих: кто еще был на этом банкете, кто видел или слышал что-нибудь об этом и, наконец, кто из видевших и слышавших был пьян, а кто нет. Поскольку с момента инцидента прошло уже около 3 лет (собрание было в 1950 г.), никто толком ничего вспомнить не смог. В ре-

¹⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 127. Л. 253.

¹⁶² Там же. Д. 430. Л. 54.

¹⁶³ Там же. Д. 647. Л. 39.

¹⁶⁴ Там же. Д. 648. Л. 7–9.

зультате приняли «соломоново решение» — создать комиссию и разобраться в этом вопросе подробнее. Правда, никаких следов деятельности комиссии в последующих документах обнаружить не удалось.

Хорошей иллюстрацией служит следующая запись в стенограмме собрания: «Основной причиной антигосударственной деятельности бывшего председателя райисполкома была организация банкета в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁶⁵.

Недовольство и недоумение проходившей кампанией выражали многие партийные работники среднего и низшего уровней. Чаще всего это недоумение высказывались вслух в близком кругу. Впрочем, даже интимность обстановки не спасала от доносов и оргвыводов. Это наглядно демонстрирует случай с секретарем Фрунзенского райкома К. И. Лопатыным. Как сообщалось на пленуме Фрунзенского райкома: «6 ноября 1949 г. Лопатин заявил секретарю партийной организации фабрики имени Крупской — т. Малининой о том, что он, Лопатин не согласен с проводимой в Ленинграде политикой: “всех сажают, как будто в Ленинграде не осталось честных и порядочных людей”. Правда, такое заявление он сделал подвыпившим»¹⁶⁶. Малинина немедленно сообщила об услышанном от «подвыпившего» секретаря в горком. В итоге Лопатин «за антипартийные действия, выразившиеся в несогласии с генеральной линией партии по выкорчевыванию последствий вражеской деятельности»¹⁶⁷ был снят с работы, хотя, как было заявлено представителем горкома на том же пленуме, «других претензий к нему нет». Кроме этого, ставшего широко известным случаем за проявление своего отношения к чистке пострадали и другие работники аппарата. Любое, даже малое недовольство, становилось известным руководству, иногда благодаря сообщением таких же «пострадавших».

¹⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 430. Л. 77.

¹⁶⁶ Там же. Д. 678. Л. 47.

¹⁶⁷ Там же. Л. 43–44.

Многие партработники считали возможным «потопить» товарища, чтобы отвести грозившую им лично беду. В качестве примера можно привести дело секретаря райкома Т. С. Сергеевой, обсуждавшееся на пленуме Ленинского райкома партии 10 февраля 1950 г. На нем выступил заместитель заведующего отделом ППКО райкома Воронцов — один из активных «разоблачителей»: «Аппарат райкома был засорен. У нас еще и до сих пор есть такая засоренность. Мне приходилось готовить эти вопросы на бюро райкома, тов. Сергеева мне как-то сказала: “Ты давай поосторожней, у тебя характер кровожадный” <...>». Итогом обсуждения явилось освобождение Сергеевой от должности секретаря райкома партии.

Иногда встречалось и прямое противостояние проходившей кампании. В документах Московского райкома ВКП(б) встречается упоминание о таком случае: «Имел место случай, когда руководитель базы УГР-3 Абрамов, член ВКП(б) с 1917 г., выступил в прениях с антипартийных позиций. Вместо вскрытия причин, создавших возможность появления антипартийной группы в Ленинграде, он переложил ответственность за антипартийные действия обанкротившихся бывших ленинградских руководителей на ЦК ВКП(б). Занял позицию, идущую вразрез с решениями февральского и октябрьского пленумов <...>. Бюро райкома ВКП(б) исключило Абрамова из партии. Городской комитет утвердил это решение»¹⁶⁸. Следует отметить, что Абрамов принадлежал к старым большевикам — членам партии со стажем с 1917 г. и раньше, которых насчитывалось всего около 1 % от численности городской парторганизации.

Судя по доступным источникам, критические выступления по поводу развернувшихся чисток были если и не широко распространены, то и не единичными явлениями. Такие выступления в первичных партийных организациях не оставались незамеченными новым руководством. По каждому случаю проводилось особое расследование, иногда спустя длительное время. Так, например, 10 февраля 1950 г. бюро Кировского райкома

¹⁶⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 384. Л. 93.

партии рассматривало результаты такого следствия: «В ходе расследования установлено, что при обсуждении февральского пленума горкома и обкома партии 16 марта 1949 г. (т.е. год назад. — *Авт.*) членом ВКП(б) Егоровой в своем выступлении было допущено клеветническое заявление, выразившееся в обвинении ЦК ВКП(б) в отгораживании от Ленинградской партийной организации»¹⁶⁹. Следует отметить, что в данном случае бюро райкома не побоялось пойти на явное нарушение внутрипартийной демократии: секретарь первичной парторганизации освобожден безо всякого решения самой организации.

По всей видимости, призрак нарастающего недовольства среди рядовых коммунистов, особенно в рабочей среде, серьезно беспокоил руководство как в Ленинграде, так и в Москве. Иллюстрацией этому может послужить тот факт, что одна реплика в перлюстрированном письме военнослужащего В.С. Ульянича, находившегося в командировке в Ленинграде («Ленинград брови насупил и требует, чтобы его понимали... Чувствуется, что “струны” натягиваются всё сильнее и сильнее <...>») стала предметом серьезного расследования МГБ, о котором В.С. Абакумов несколько раз докладывал лично И.В. Сталину¹⁷⁰.

Иногда недовольство кадровой политикой нового руководства города выражалась более скрыто — при тайном голосовании на выборах партийных органов районов. При этом, как нам представляется, проявлялось в первую очередь недовольство навязанными горкомом кадрами «со стороны». Например, на партийной конференции Смольнинского района, была отведена перед голосованием кандидатура секретаря райкома Л.С. Умновой, работавшей в районе давно и, по-видимому, пользовавшейся авторитетом. На ее место была предложена кандидатура Гебель, которая при тайном голосовании не прошла в состав районного комитета, набрав 57 голосов «против». Необходимо заметить, что и работавший уже почти год 1-й секретарь райкома

¹⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 245. Л. 88.

¹⁷⁰ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Январь 1946 — март 1953. С. 322, 324–329.

Н. Н. Родионов, пришедший на смену Никитину, набрал 56 голосов «против», т. е. прошел в состав райкома только благодаря одному голосу. Весьма характерно, что недостающий голос удалось «обнаружить» только после проведения повторного пересчета бюллетеней¹⁷¹.

3.4. Партийный аппарат Ленинграда в 1950–1953 гг.

Вопрос о количестве ответственных партийных работников, снятых в ходе чистки, требует отдельного рассмотрения. Дело в том, что далеко не всем из них были при снятии предъявлены политические обвинения. Определить подлинные причины освобождения того или иного руководителя от занимаемой должности иногда достаточно сложно. Для исследования нами использовались стенограммы различных партийных собраний и конференций, а также личные дела отдельных работников. Хронологически период чистки можно ограничить началом 1949 — концом 1950 г. Верхняя граница периода выбрана из-за того, что после этого срока практически не встречаются случаи снятия из-за обвинений в «близости к АПГ» или «пресмыкательстве» перед бывшим руководством города. Дополнительным аргументом может служить упомянутое нами ранее заявление В. М. Андрианова об окончании чистки, сделанное им на городской партконференции в начале лета 1950 г.

Итоги кадровых перестановок выглядят следующим образом. За период чистки были освобождены от занимаемых должностей: все 6 секретарей горкома, все 9 заведующих отделами горкома, 12 из 14 заместителей заведующих отделами горкома, все 20 первых секретарей райкомов партии, 16 из 20 вторых секретарей райкомов, 12 из 20 секретарей по кадрам райкомов. Из перечисленных выше 75 чел. у 46 одной из причин указывалась близость к бывшим руководителям города или кому-либо из участников «антипартийной группы». Другими причинами снятия были: «зажим критики» (1-й секретарь Пушкинского

¹⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 47. Д. 646.

РК), за «растерянность в связи с большим количеством предложений и критических замечаний»¹⁷² (руководство Ждановского райкома), а также «потворство засоренности кадров».

Среди работников более низкого уровня количество снятых в ходе чистки было существенно меньше. Например, из 8 заведующих секторами отдела пропаганды и агитации горкома трое были освобождены от работы по причинам, не связанным с чисткой, а двое успешно проработали до середины 1951 и до 1952 г. и перешли на другую работу с повышением.

Среди инструкторов и зав. отделами райкомов процент снятых был еще ниже.

Таким образом, можно обоснованно предположить, что количество работников ленинградских горкома и райкомов партии, освобожденных по политическим причинам в ходе чистки 1949–1951 гг. составляет не более 100–150 чел.

Эти данные по порядку величин соответствуют цифрам, содержащимся в отчетах различных партийных структур. Например, в отчете партколлегии при обкоме и горкоме ВКП(б) за первую половину 1950 г. упоминается, что «<...> за первый квартал 1950 года исключены из партии по причинам: <...> б) за антипартийное поведение и антисоветскую деятельность (относится главным образом к группе преподавательского состава и бывшим руководящим работника районов города) — 75 человек <...>»¹⁷³.

Также в отчете указывается, что «за это время партколлегия проверила материалы и рассмотрела вопрос о непартийном поведении 87 коммунистов из числа бывших руководящих работников. Из них 59 человек партколлекцией исключено из партии и 28 коммунистам объявлены партийные взыскания»¹⁷⁴.

Следует отметить, что первый квартал 1950 г. был одним из пиков чистки. Именно в этот период со своих постов были сняты большинство районных партийных руководителей.

¹⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 20. Д. 57. Л. 20.

¹⁷³ Там же. Оп. 60. Д. 198. Л. 29–30.

¹⁷⁴ Там же. Л. 32.

Таким образом, вряд ли уместно говорить о том, что «все ведущие партийные работники и государственные служащие Ленинграда и Ленинградской области были арестованы и казнены. То же случилось и с сотнями их подчиненных <...>», как это утверждает Дж. Хоскинг¹⁷⁵.

Отстранение от должностей группы руководящих работников привело к возрастанию трудностей в функционировании партаппарата города. Немаловажное значение имела и атмосфера страха и подозрительности, установившаяся среди руководителей среднего звена. Многие из них старались не принимать на работу новых людей и не повышать в должностях старых работников, так как опасались того, что в случае обнаружения каких-либо компрометирующих обстоятельств им самим будут предъявлены обвинения в потворстве «засоренности кадров».

Многие посты замещались людьми, не имевшими опыта руководящей партийной работы или проработавшими в партакструктурах небольшой срок. В отчете отдела ППКО горкома за 1950 г. указывалось: «С февраля по начало июня 1950 г. впервые на работу в партийный аппарат пришли работники, занявшие следующие должности: заведующий отделом тяжелой промышленности ГК, заведующий административным отделом ГК, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ГК, двое заместителей заведующего отделом тяжелой промышленности, первые секретари Фрунзенского и Дзержинского РК, секретари Колпинского, Петродворцового и Петроградского РК»¹⁷⁶.

В райкомах партии кадровая ситуация была также непростой. Проверка работы Василеостровского и Московского райкомов, проведенная в 1951 г., показала: «Текучесть кадров в самом (Московском. — *Авт.*) райкоме ВКП(б) очень большая, инструкторы меняются через 5–6 месяцев. Работники райкома

¹⁷⁵ Подробную критику такого рода предположений см.: *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело»: к вопросу о количестве репрессированных. С. 378–381.

¹⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 43. Д. 217. Л. 7.

до партгрупп не доходят, их работой не интересуются <...>. Долго не заменяются вакантные должности в аппаратах райкомов партии. В Василеостровском райкоме ВКП(б) с июля месяца текущего года нет зав. отделом пропаганды и агитации, в Московском райкоме ВКП(б) с июля текущего года вакантна должность зав. особым сектором. Велика сменяемость секретарей первичных партийных организаций. В Василеостровском районе за первое полугодие 1951 г. сменилось 70 секретарей, что составляет 31 % к общему количеству. В Московском районе за это же время сменилось 84 секретаря парторганизации, или 25 % к общему количеству»¹⁷⁷.

Некомплект партработников ощущался и в руководящих структурах — горкоме и обкоме ВКП(б). Отчеты и справки содержат многочисленные подтверждения этого. В июле 1951 г. отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) проверил состояние комплектности штата отдела пропаганды и агитации Ленинградского горкома и «установил, что в настоящее время в отделе имеются 8 свободных штатных единиц и горком длительное время не принимает никаких мер к подбору кадров»¹⁷⁸.

В самом обкоме даже в декабре 1951 г. некомплект сотрудников «составлял 26 человек. Не хватало 6 заместителей заведующих отделами, 4 заведующих секторами, 14 инструкторов»¹⁷⁹.

Новые партийные руководители вынуждены были в служебной переписке признавать низкий уровень компетентности недавно назначенных районных руководителей:

В связи с тем, что на руководящую партийную <...> работу пришло много молодых работников, не имеющих достаточного опыта руководящей работы, перед обкомом ВКП(б) встал вопрос о необходимости организации различных форм обучения молодых кадров практике работы.

За истекший период обкомом ВКП(б) проведен 10-дневный семинар первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б)

¹⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 65. Д. 53. Л. 64–65.

¹⁷⁸ Там же. Д. 34. Л. 27.

¹⁷⁹ Там же. Д. 119. Л. 6–7.

области и гор. Ленинграда по вопросам партийной работы <...>. Ленинградский горком ВКП(б) проводит периодические семинары для вторых секретарей и секретарей райкомов ВКП(б) гор. Ленинграда¹⁸⁰.

Контроль над назначением номенклатурных кадров также оказался ослаблен. Например, по состоянию на 9 мая 1951 г. номенклатура обкома ВКП(б) насчитывала 3248 должностей. Замещено работниками было 3082 (94,9%) должностей, при этом утверждено на бюро из числа замещенных было только 2640 чел., или 85,7%¹⁸¹.

Особенно непростая ситуация сложилась с кадрами работников идеологической сферы и преподавателями общественно-политических дисциплин в вузах города. После прошедших чисток стало крайне трудно найти в Ленинграде требуемое количество «ничем не запятнанных» специалистов. Партийные руководители, отвечающие за идеологическую работу, были вынуждены буквально бомбардировать высокое московское начальство просьбами о командировании в Ленинград даже рядовых преподавателей вузов. В качестве примера можно привести только несколько обращений в адрес М. А. Суслова из отправленных в течение одного месяца — июня 1950 г. и по тону напоминающих фронтовые сводки: «Ощущается острая нехватка профессорско-преподавательских кадров на философском факультете ЛГУ. На кафедре диалектического и исторического материализма из 27 преподавателей имеется только 5. Просьба направить на работу в ЛГУ: зав. кафедрой диалектического и исторического материализма; 3 кандидата философских наук на эту же кафедру и по одному кандидату философских наук на кафедры истории философии и логики», «просьба прислать в ЛГПИ им. Герцена преподавателей истории СССР, истории нового времени, логики из числа окончивших АОН при ЦК», «Просьба направить из числа окончивших АОН при ЦК в Ленинградскую областную партийную школу руководителя кафедры истории

¹⁸⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 20. Д. 57. Л. 16.

¹⁸¹ Там же. Оп. 65. Д. 119. Л. 5.

ВКП(б) и из числа слушателей газетного отделения ВПШ при ЦК — одного преподавателя журналистики»¹⁸².

Как показывает анализ личных дел, новые работники, приходившие на смену освобожденным в ходе чистки, в своем большинстве имели сходные черты в карьерном росте. Как правило, они были ленинградцами, работавшими или учившимися в городе, а не приезжими. Партийная карьера начиналась у них с поста секретаря парткома организации или учреждения, после чего следовало повышение и занятие освободившегося в ходе чистки места. Проиллюстрировать сказанное можно на примере служебного роста Е. Д. Антошкиной, которая училась в 1-м Медицинском институте Ленинграда, затем, в годы войны, работала в г. Кирове и во Владимирской области. В 1945 г. она стала ассистентом на кафедре своего института, где и была в 1948 г. избрана секретарем парткома. Во время чистки ее ожидал бурный карьерный рост: в июне 1950 г. она становится 1-м секретарем Петроградского райкома ВКП(б), а в ноябре того же года — секретарем горкома партии. Ее карьерному успеху способствовали, по всей видимости, подходящие анкетные данные: с одной стороны, она была связана с городом, а с другой — отсутствовала в нем во время блокады и, следовательно, не могла иметь порочащих связей с бывшими руководителями.

Сходными с предшествующим периодом были и данные по образовательному и возрастным уровням.

19 января 1950 г. ЦК ВКП(б) принял решение о разделении постов первых секретарей обкома и горкома ВКП(б). С этого времени горком партии находился в подчинении обкома и направлял статистическую отчетность не прямо в ЦК партии, а в обком. В связи с этой реорганизацией штаты обкома были увеличены, а горкома — уменьшены на 31 ответственного работника¹⁸³. Несмотря на проведенную реорганизацию, должности секретарей горкома по-прежнему входили в номенклатуру ЦК. Более того, чтобы подчеркнуть особый статус Ленингра-

¹⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 60. Д. 645. Л. 57, 61, 84.

¹⁸³ Там же. Д. 644. Л. 71–72.

да и Москвы, где была проведена аналогичная реорганизация партийных структур, высшим партийным руководством было принято решение о том, что в этих двух городах должности 1-х секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов будут входить в основную номенклатуру ЦК ВКП(б). В дальнейшем структура аппарата горкома менялась по решению ЦК, так, например, в октябре 1952 г. количество секретарей горкома было сокращено с 5 до 3. Тем самым городской партийный аппарат Ленинграда был поставлен на один уровень с другими аналогичными структурами РСФСР областного подчинения.

Работники обкома с первых дней после переподчинения стали стремиться указать структурам горкома на подобающее им по иерархии место. Служебная переписка наполнена свидетельствами этого. Приведем только три примера.

В августе 1951 г. отдел ППКО обкома жалуется секретарю обкома Б. Ф. Николаеву:

Куйбышевский райком ВКП(б) в одном из пунктов своего постановления записал: «Обязать начальника областного управления по делам искусств <...> укрепить состав областных театров за счет привлечения творческой молодежи».

Отдел <...> считает, что Куйбышевский райком ВКП(б) присвоил себе несвойственные функции, взяв на себя руководство областной организацией.

На письмо была наложена грозная резолюция: «т. Носенкову (секретарь горкома. — *Авт.*) Куйбышевский райком принимает уже не первое такое постановление. Прошу разъяснить т. Пономареву (1-й секретарь Куйбышевского райкома. — *Авт.*) о неправильности таких решений»¹⁸⁴.

В ноябре 1951 г. 1-му секретарю обкома В. М. Андрианову была направлена жалоба:

17 октября с.г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) обсудило вопрос «О ходе завоза картофеля и овощей в город Ленинград и закладке их на зимнее хранение».

¹⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 65. Д. 53. Л. 57.

В пункте 6 постановления бюро горкома партии по этому вопросу записано:

«Просить ЦК ВКП(б) и Совет Министров Союза ССР <...> установить дополнительный план отгрузки в г. Ленинград <...>».

Нам кажется, что по таким вопросам Ленинградскому горкому ВКП(б) следовало бы обращаться в ЦК ВКП(б) и правительство через обком ВКП(б) <...>¹⁸⁵.

Руководители горкома старались демонстрировать лояльность областному руководству. Например, в марте 1951 г. секретарь горкома писал Андрианову:

<...> при проведении кампании по помощи в комплектовании библиотек для строительства Большого Туркменского канала <...> отдел пропаганды и агитации горкома ВКП(б), организовав эту работу, не поставил в известность обком ВКП(б), что является неправильным <...>.

Отделу пропаганды и агитации горкома ВКП(б) дано указание на недопустимость подобных самостоятельных решений и в дальнейшем предложено такие вопросы согласовывать с обкомом ВКП(б)¹⁸⁶.

В отношениях с союзными министерствами и ведомствами новое партийное руководство, в отличие от старого, старалось не обострять отношения. Например, когда в апреле 1952 г. выяснилось, что многие предприятия Министерства судостроительной промышленности не выполняют производственные задания и полугодовой план находится под угрозой срыва, то эта ситуация обсуждалась на заседании бюро обкома. В ходе заседания директора заводов жаловались на министерство, перегружающее их заказами, которые заводы не успевают осваивать. Руководство обкома практически устранилось от принятия решений, рекомендовав директорам «правдиво информировать министра», который и «должен решать такие вопросы»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Там же. Л. 68.

¹⁸⁶ Там же. Д. 515. Л. 82.

¹⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 70. Д. 218. Л. 12.

Приоритет интересов министерств и ведомств распространялся и на внутрипартийные кадровые вопросы. Например, в октябре 1951 г. заведующий одним из РОНО готовился аппаратом горкома на должность инструктора отдела школ. В это время, однако, он получил извещение из Москвы о том, что его кандидатура отобрана для работы в Румынии. Как пишет зав. отделом обкома, «задержать его не было возможности, так как он оформлялся соответствующим министерством»¹⁸⁸.

Такой подход разительно отличался от позиции горкома и обкома первых послевоенных лет. В те годы руководство региона стремилось переносить вопросы о неудовлетворительных действиях отдельных министерств сразу же на более высокий уровень. Например, в постановлении декабрьского (1946 г.) пленума ленинградского обкома партии одним из решений было: «Считая, что Министерство целлюлозной и бумажной промышленности не принимает должных мер для восстановления подведомственных ему предприятий на перешейке, в результате чего сроки ввода их в эксплуатацию систематически нарушаются, а на введенные в эксплуатацию мощности даются заниженные планы, пленум поручает бюро обкома ВКП(б) войти в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР с соответствующими предложениями по вопросу быстреего восстановления и развития целлюлозно-бумажной промышленности на Карельском перешейке»¹⁸⁹.

Региональный партийный руководитель В.М. Адрианов по любым, даже самым незначительным вопросам, просил указаний у Г.М. Маленкова. Только через него он предпочитал регулировать отношения и с министерствами. Например, летом 1950 г. он обращался с просьбой «повлиять на Министерство морского флота для реконструкции морского порта»¹⁹⁰.

В 1949–1953 гг. повысилось и влияние региональных органов МГБ, работники которого, не скрывая этого, контролировали

¹⁸⁸ Там же. Оп. 65. Д. 119. Л. 15.

¹⁸⁹ Там же. Оп. 2. Д. 5815. Л. 14.

¹⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 60. Д. 645. Л. 66–67.

даже ход партийных собраний. Например, типичным было сообщение начальника УМГБ ЛО о проведении партийного собрания во 2-м Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте и о выступлениях коммунистов на этом собрании или «недостойном поведении отдельных коммунистов на партийном собрании института»¹⁹¹.

Если в отношениях с министерствами и ведомствами новое руководство не проявляло настойчивости, то к делу дальнейшего очищения кадров оно относилось с большим рвением.

Как уже подчеркивалось, основным направлением деятельности нового ленинградского руководства была борьба со следами деятельности руководства прежнего.

Это подтверждает и цитата из отчета отдела ППКО обкома партии, подготовленного в первой половине 1951 г.: «Главным направлением работы ленинградской партийной организации за отчетный период явилось искоренение последствий враждебной деятельности антипартийной группы, пробравшейся к руководству Ленинградской организации <...> укрепление партийных советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов честными и проверенными людьми, преданными делу Ленина–Сталина»¹⁹².

Огромное внимание было направлено и на борьбу с «засоренностью кадров» по национальному признаку.

Отчетные документы ГК ВКП(б) ясно показывают направленность этой кампании.

Уже 12 августа 1949 г. по требованию В.М. Андрианова были подготовлены списки работников, занимающих должности номенклатуры ГК, трех национальностей: евреев, поляков и армян. Списки печатались под специальным грифом «строго секретно» и содержали данные о фамилиях, должностях и стаже работы на данном посту¹⁹³. Неполный кадровый анализ показывает, что к концу 1952 г. было заменено: из 163 работников-

¹⁹¹ Там же. Оп. 65. Д. 515. Л. 83–86.

¹⁹² Там же. Оп. 64. Д. 6. Л. 2.

¹⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 45. Л. 43–56.

евреев — не менее 124 чел., из 9 поляков — не менее 6 чел., из 16 армян — не менее 8 чел.

Подчеркнутое внимание к национальному вопросу подтверждается также кадровым отчетом Невского райкома партии за 1952 г.¹⁹⁴ Документы, входящие в состав отчета, свидетельствуют о пристальном внимании проверяющих инстанций к вопросам национального состава номенклатуры и аппарата. Так, на листе с данными о численности работников по национальностям от руки подсчитан процент евреев и русских. К отчету приложен список номенклатурных работников — беспартийных с обязательным указанием национальности¹⁹⁵. К отчету также приложен документ под названием «Список номенклатурных работников — расшифровка параграфа № 4» с перечислением номенклатурных работников — евреев с указанием предприятия, занимаемой должности и партстажа¹⁹⁶. Из 31 человека, перечисленного в списке: один на советской работе (председатель комитета по физкультуре и спорту РИК), 11 человек — в первичных парторганизациях (секретари, редакторы многотиражных газет, зав. партийными кабинетами) и один лектор районного партийного кабинета.

Представление об обстановке, сложившейся в этот период в городе, может дать один из многочисленных «актов проверки» деятельности райкомов партии. В типичном для того времени отчете сообщается:

Райком ВКП(б) слабо занимается подбором, расстановкой и воспитанием кадров и ослабил революционную бдительность.

Вследствие этого в районе ряд руководящих постов занят людьми, не внушающими политического доверия. Зам. зав. отделом райкома П. хранил в рабочем столе портрет ставленника антипартийной группы Щербакова. У нескольких инструкторов в столах обнаружены книги и брошюры врагов партии <...>. Начальник лаборатории № 2 НИИ ПП раболепствует перед иностранщиной <...>. В промышленно-транспортном отделе

¹⁹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 41. Д. 29. Л. 4.

¹⁹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁹⁶ Там же. Л. 20.

райкома ВКП(б) работают т. т. Б. и Ф., не прошедшие специальной проверки <...>. В научных учреждениях 70–80% руководящих постов заняты нерусскими людьми¹⁹⁷.

Повышенное внимание уделялось контролю над кадрами учреждений науки, культуры и искусства. Практически во всех учреждениях и организациях, связанных с идеологией или культурой, прошли масштабные кадровые чистки, методы и формы которых можно проиллюстрировать только одним примером.

2 июля 1952 г. бюро обкома партии обсуждало справку «О засоренности кадров в Государственном научно-исследовательском институте театра и музыки», подготовленную зав. отделом художественной литературы и искусства обкома Ивановым.

В документе сообщалось: «В течение многих лет в <...> институте практиковался порочный метод подбора научных кадров, при котором не принимались во внимание деловые и политические качества сотрудников». Каких именно качеств недостает преподавателям института, становится ясно из дальнейшего текста: «Из 24 сотрудников института <...> по происхождению — 9 человек из дворян, 2 из потомственных граждан, 11 из мещан, 1 из крестьян, 1 из рабочих; по национальному признаку, согласно анкетным данным — 12 русских, 9 евреев, остальных — 3 <...>. Директор института, доктор искусствоведческих наук <...>, член ВКП(б) с 1945 г. В 1918–1920 гг. служил товарищем министра юстиции по гражданским делам в бывшем гетманском правительстве в г. Киеве; брат заместителя директора по научной части был в 1938 г. осужден органами государственной безопасности за контрреволюционную деятельность; <...> один из ведущих сотрудников сектора музыки — доктор искусствоведческих наук Д. (беспартийный, еврей) подвергался в 1948–49 гг. серьезной критике за содержащиеся в его работах крупные ошибки космополитического характера; научный сотрудник К. (член ВКП(б)) <...> в 1923–25 гг. училась в Берлинской и Лейпцигской консерваториях»¹⁹⁸. В качестве недостатков

¹⁹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 65. Д. 53. Л. 14–15.

¹⁹⁸ Там же. Оп. 70. Д. 304. Л. 67.

приводилось и то, что один из сотрудников института в течение трех лет работал над подготовкой к изданию монографии «История древнерусской церковной музыки», которая была признана «методологически ошибочной и стоящей вне всякой связи с задачами строительства советской музыкальной культуры»¹⁹⁹.

При обсуждении вопроса на бюро В. М. Андрианов заявил, что директора института надо снять с работы как «случайного, примазавшегося человека», «поручить партколлегии рассмотреть вопрос о его партийности», «снять с работы секретаря парторганизации как подхалима и раболепствующего», «очистить институт от непригодных и примазавшихся людей». Был подвергнут критике и райком партии, так как там «не уделяется внимания вопросу о бдительности». Инструктор райкома, который ведал парторганизацией института, был освобожден от работы. Закончил свое выступление В. М. Андрианов несколько непонятной фразой: «Надо, чтобы на таком важнейшем идеологическом фронте, как музыкальное искусство, этот институт стал таким же прогрессивным учреждением, как это мы имеем в промышленности»²⁰⁰. Одновременно с этим партийный руководитель выступил против планов передачи института в ведение Академии наук, выразив опасение, что в таком случае институт станет труднее контролировать.

Продолжались и поиски «затаившихся врагов» среди работников партийного аппарата. Например, в апреле 1952 г. бюро обкома занималось делом 1-го секретаря Василеостровского райкома А. И. Цветковой. Как и в других подобных случаях, разбирательство началось после того, как в ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова поступило несколько анонимных заявлений, в которых районного руководителя обвиняли в том, что райком до сих пор не освободился «от недостойных лиц, которые работали при старом руководстве». Проведенная проверка установила, что в райкоме продолжали работать несколько человек, вся вина которых состояла в том, что в 1948 г. они присутствовали

¹⁹⁹ Там же. Л. 83.

²⁰⁰ Там же. Л. 18–19.

один раз на «вечере старых большевиков», после которого состоялся «банкет с угощением», а один из этих работников передал по поручению партийной организации бывшему секретарю райкома Нестерову подарок — письменный прибор.

В своем объяснении А. И. Цветкова указывала, что все эти люди уже понесли наказания за свои проступки в ходе кампании 1950 г.: они были переведены на нижестоящие должности (например, с должности зав. отделом райкома — в инструкторы райкома, что являлось существенным понижением), они неоднократно признавали свою вину, им были вынесены партийные выговоры. По мнению секретаря райкома, все эти люди были хорошими работниками, и она оставила их в аппарате потому, что они хорошо знали свою сферу деятельности и без их помощи вновь пришедшие на партийную работу товарищи не справлялись со своими обязанностями: «...честное отношение к работе, помощь новым кадрам в проведении правильной политической линии и выполнении партийных директив — дало нам основание пока оставить [их] на работе»²⁰¹. Несмотря на эти заявления, после обсуждения на бюро обкома партии было вынесено решение о необходимости увольнения скомпрометированных работников из аппарата райкома. Сама Цветкова в скором времени лишилась своего поста.

Из вышеизложенного следует, что чистка партаппарата Ленинграда 1949–1951 гг. происходила по решению высшего руководства страны. В проведении чистки можно выделить следующие периоды:

- февраль–июль 1949 г. — подготовительный период, в ходе которого были сняты работники высшего руководства ЛПО;
- июль 1949 — весна 1950 г. — проведение массовой кампании по смене большинства работников аппаратов райкомов и горкомов;
- июнь — конец 1950 г. — завершение чистки, снятие с должностей оставшихся «неподходящих» работников.

²⁰¹ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.70. Д.219. Л.184об.

Стоит отметить, что основным критерием при снятии партработников была «близость к антипартийной группе» и нахождение в составе аппарата, сформировавшегося на основе совместной работы в блокадный период. При этом снятые работники среднего звена (уровня райкомов) замещались в основном выходцами из Ленинграда, но не замеченными ранее в связях с бывшим руководством (например, из 20 первых секретарей райкомов только трое были «пришельцами из Москвы»).

Следует отметить, что в ходе чистки партработников среднего звена не звучали обвинения в попытках создания «русской коммунистической партии», что дает основание считать, что такие намерения, если они и существовали, были скорее у отдельных вышестоящих партийных работников.

Не предъявлялось также обвинений в связях с преступными элементами, более того, не приводились компрометирующие факты такого рода.

Особенностью кампании можно назвать тот факт, что она проводилась по возможности скрытно от основной части парторганизации, что вызывало закономерные недоумение и недовольство со стороны работников партийного аппарата низшего уровня. Это привело к тому, что отдельные члены партии выступали против широкомасштабных, практически немотивированных репрессий. Все выступления такого рода вызывали крайне жесткие карательные санкции против несогласных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Окончание Второй мировой войны положило начало новому периоду в истории СССР. Колоссальные материальные и человеческие потери, рост влияния Советского Союза, ставшего одной из глобальных держав, на мировой арене, надежды на «новую жизнь», возникшие в советском обществе, — эти и другие факторы придавали послевоенному времени особую значимость.

Вместе с тем сущность властного режима в стране оставалась прежней.

Большинство исследователей связывают основные сущностные характеристики сталинского режима с жестким авторитаризмом, который опирался на номенклатурную организацию системы власти. При этом часть из них отождествляет номенклатурные кадры с неким «новым классом», а другая рассматривает их с точки зрения «теории элит». Оба подхода предполагают наличие общности глубинных интересов среди правящей группы и осознание большинством ее участников этой общности. Такая модель, возможно, адекватно описывает политическую конструкцию СССР начиная с конца 1950-х гг. Однако в случае ее автоматического распространения на весь период советской истории модель начинает страдать неполнотой и не может правильно охарактеризовать многие процессы, происходившие в советском обществе.

Первые послевоенные годы ознаменовались новыми явлениями в социально-политической жизни СССР. Возросшая за время Великой Отечественной войны самостоятельность руководителей среднего и высшего звеньев в принятии решений, столь необходимая в критические моменты, стала входить

в противоречие с основными принципами жестко централизованной системы управления. Этот скрытый конфликт в первую очередь проявлялся в тех структурах, на которых была построена система власти — в том числе в партийном аппарате.

У ряда руководителей ВКП(б) возникли опасения, что за годы войны партийный аппарат, традиционно ощущавший себя одной из главных «опор» властной конструкции, начал терять власть и превращаться в своеобразный придаток государственных и хозяйственных структур. С другой стороны, в условиях начала «холодной войны» и послевоенных экономических трудностей перед руководством страны возникла настоятельная необходимость скорейшего восстановления народного хозяйства и создания принципиально новых типов вооружения. Концентрация сил и средств для решения этих задач привела к зарождению мощных структур военно-промышленного комплекса, которые тяготились постоянным контролем со стороны партийных органов. Руководители этих структур входили в ближайшее окружение И. В. Сталина.

Партийное руководство Ленинграда в первые послевоенные годы активно проводило в жизнь линию ЦК на восстановление тотального контроля партии над государственным аппаратом. Этому способствовало своеобразие властной группы в руководстве города, которая сложилась в годы войны. Положение «города-фронта», разъединенность с общесоюзными центрами власти сформировали новый тип управленческих отношений, когда партийный аппарат стал принимать решения и брать на себя ответственность в вопросах деятельности государственных и хозяйственных структур в региональном масштабе, часто не дожидаясь директивных указаний центра.

Этот активный стиль регионального руководства способствовал формированию устойчивой кадровой группы, члены которой начинали работу в городе еще перед войной, продолжали ее во время блокады и составляли после войны кадровую основу аппарата ЛПО. Большинство руководителей высшего и среднего звена имели продолжительный стаж работы на партийных и государственных постах в Ленинграде. Значительная часть из них работали вместе во время блокады.

Проведение в жизнь концепции самостоятельного регионального управления со стороны партийного руководства города полностью отвечала требованиям, которые ЦК ВКП(б) ставило перед местными партийными органами. Совпадению устремлений ленинградских руководителей с установками центра способствовало и то, что один из главных руководителей партийной организационно-кадровой работы — секретарь ЦК ВКП(б) и глава могущественного в то время Управления кадров ЦК А. А. Кузнецов — был секретарем ленинградского горкома во время блокады, и опыт, полученный в это время, несомненно оказал влияние на формирование его управленческих подходов.

Период 1945–1948 гг. характеризуется усилением контроля со стороны руководства горкома ВКП(б) над подбором и распределением кадров не только в самой парторганизации, но и в государственных органах. В тот момент горком партии оказывал существенное влияние на кадровую политику не только в хозяйственных организациях (в работе с кадрами которых в отдельных случаях противостоял интересам союзных министерств), но и в региональных подразделениях таких «всесильных» структур, как МГБ и МВД.

Осуществлению мероприятий по контролю над государственными органами через систему номенклатурных назначений способствовали и личностные характеристики работников ленинградского партаппарата.

Группа ленинградских партийных руководителей периода 1945–1948 гг. по всем основным социальным характеристикам: возрасту, уровню образования, партийному стажу, опыту руководящей работы, — была практически однородна. Эти люди сформировались как руководители в период борьбы с оппозицией и «больших чисток» 1930-х гг. Они были типичными «выдвиженцами» периода «большого террора», пришедшими на смену «старой партийной гвардии».

Сравнение с данными других регионов показывает, что средний возраст партийных работников Ленинграда был ниже аналогичных показателей; образовательный уровень у ленинградских

партработников был существенно выше, чем в большинстве других партийных организаций.

По профилю образования в Ленинграде преобладали инженерно-технические работники и экономисты, в отличие от других регионов, где значительная часть работников имела педагогическое или юридическое образование. Это способствовало более глубокому пониманию проблем народного хозяйства, прежде всего в сфере материального производства (особенно в области машиностроения, требующей наличия специальных знаний). Вместе с тем отсутствие у большинства руководителей общей гуманитарной подготовки и элементарного политического образования способствовало преобладанию административно-запретительных мер в руководстве идеологической сферой и в работе с кадрами интеллигенции. Необходимо отметить, что для ленинградских руководителей периода 1946–1948 гг. было нехарактерно проведение «национальных» чисток среди номенклатурных и руководящих кадров.

Анализ практики выдвижения на руководящие должности показывает, что предпочтение отдавалось работникам, начинавшим свою деятельность в первичных партийных организациях промышленных предприятий города. Руководство ориентировалось в выдвижении работников на поддержание сплоченного регионального состава партаппарата. В ленинградском партаппарате в 1945–1948 гг. практически отсутствовали работники, прибывшие из других регионов или переведенные из центра. В партаппарате города не было выходцев из правоохранительных органов или из кадрового офицерского состава.

По своему иерархическому строению партаппарат Ленинграда разделялся на две группы: руководство (секретари горкома и райкомов, заведующие и заместители заведующих отделами) и исполнителей (инструкторы горкома и райкомов). Работники, принадлежавшие к этим двум категориям, достаточно четко отличались и по характеру властных полномочий (сбор и анализ информации, повседневный контроль и подготовка справочных материалов — у нижестоящей группы; подготовка и согласование решений руководящих органов — у вышестоящей) и по

уровню материального обеспечения. После денежной реформы 1947 г., когда большая часть льгот номенклатурных работников была переведена в денежную форму (введение «пакетов»), еще более резко обозначился разрыв в обеспечении этих двух групп. Инструкторский состав в ряде случаев получал меньше, чем научные и инженерные работники аналогичной квалификации, что в отдельных случаях приводило к нежеланию переходить на партийную работу.

Кадровая политика 1946–1948 гг. характеризовалась постоянными перемещениями работников партаппарата как внутри города, так и за его пределы. Это приводило к отсутствию стабильности в расстановке кадров и к малому сроку работы на конкретных участках, что в свою очередь сказывалось на степени компетентности руководителей.

Следует отметить, что сформированные в Ленинграде в первые послевоенные годы управленческие кадровые практики в случае их более широкого распространения в масштабах страны могли способствовать формированию на основе партийного аппарата слоя политической элиты, что и произошло после смерти И. В. Сталина, в первой половине 1950-х гг.

Изменение политики высшего руководства страны в 1948 — начале 1949 г. привело к смене приоритетов в организации властной структуры. Рост полномочий партийного аппарата, консолидация интересов региональных партруководителей вызвали обеспокоенность И. В. Сталина, что в свою очередь стало причиной отказа от поддержки планов по изменению системы взаимоотношений партийных и государственных органов.

Так называемое «ленинградское дело» можно рассматривать как комплекс превентивных репрессивных мероприятий, предпринятых Сталиным при поддержке его ближайшего окружения с целью предотвращения формирования самостоятельной элитной группы в среде руководящих партийных работников различных регионов страны. Эта репрессивная кампания была еще одним эпизодом борьбы с последствиями «самостоятельности снизу», стихийно возникавшей на среднем уровне управления в годы Великой Отечественной войны. Проявления этой

тенденции в партийном аппарате представляли опасность для режима единоличной власти Сталина, поскольку затрагивали одну из основных его опорных конструкций.

Естественно, один из главных ударов кампании был направлен против руководителей Ленинграда, где стремление к «региональной самостоятельности» во многих вопросах было наиболее ярко выражено и опиралось в первую очередь на поддержку А. А. Кузнецова — руководителя Управления кадров ЦК ВКП(б).

Исследование показало, что чистка партаппарата Ленинграда в 1949–1951 гг. происходила по решению и указаниям и под неусыпным контролем высшего руководства страны. Главным критерием при применении репрессивных санкций были отнюдь не конкретные действия того или иного работника, а факты (пусть даже надуманные), подтверждающие его близкие отношения с руководителями города, а через них — с А. А. Кузнецовым.

Основное отличие этой кампании от аналогичных процессов 1930-х гг. заключается в ее своеобразном «скрытом» характере. Не случайно большинство репрессивных действий не оглашалось в печати и не доводилось до рядовых членов ВКП(б). Даже партийные работники часто вынуждены были строить догадки о том, в чем же конкретно заключается главное преступление «антипартийной группы». Подобная недосказанность стала, по-видимому, следствием отказа И. В. Сталина в октябре 1949 г. от проведения крупного политического процесса, в который был бы вовлечен гораздо более широкий круг партийных и государственных руководителей. Невнятность обвинений породила недоверие среди части низовых партработников, которое проявлялось скрытно, по большей части в кулуарных беседах с доверенными товарищами.

Следует подчеркнуть, что репрессии были направлены отнюдь не против абстрактных «ленинградских выдвиженцев», поскольку освободившиеся посты в основном занимали такие же выходцы из городских партструктур, главным и единственным отличием которых от предшественников было отсутствие

личных связей с бывшим руководством. Некоторые из руководителей, ранее работавших в Ленинграде, но не поддерживавших тесных связей с А. А. Кузнецовым после войны (например Т. Ф. Штыков, Д. Ф. Устинов, В. П. Мжаванадзе), не только не пострадали, но и укрепили свое положение. Показательным выглядит и пример А. Н. Косыгина. В нескольких воспоминаниях указывается, что и над его головой собирались тучи сталинского гнева. Однако после того, как в объяснениях некоторых руководящих работников, данных ими в ЦК, прозвучало упоминание о том, что Кузнецов недоброжелательно относился к Косыгину и даже «непристойно обругал его на одном из совещаний», положение Косыгина улучшилось и он не подвергся серьезным наказаниям.

Анализ обвинений, выдвинутых против ленинградских руководителей среднего звена во время партийных собраний и конференций, демонстрирует отсутствие упоминаний о якобы имевших место планах создания «коммунистической партии РСФСР» и переноса столицы республики в Ленинград. Это дает основания полагать, что такие планы, если они и существовали, обсуждались в частных разговорах отдельных высших партийных руководителей и не были известны в среде работников ленинградского партаппарата.

Новое партийное руководство города принесло с собой и новый стиль управления. Во главу угла было поставлено стремление выполнять распоряжения центра, а не инициировать собственные программы регионального развития. В отдельных случаях «кураторы из ЦК» (например Г. М. Маленков) руководили действиями ленинградского партаппарата, по современному выражению, в «ручном режиме». Главной отличительной чертой нового руководства стала широко развернувшаяся борьба против «засоренности рядов», включившая в себя чистки по национальному признаку, постоянный поиск компрометирующих данных политического характера у номенклатурных и руководящих работников, а также в среде интеллигенции. Разделение постов 1-х секретарей обкома и горкома партии и подчинение городских партийных органов областным стало завершающим

штрихом в кампании по ликвидации «региональной самостоятельности» партийных органов и их претензий на руководство всей жизнью города.

Следует отметить, однако, что идеи о доминировании парторганов в структуре власти СССР оказались весьма продуктивны. Не прошло и десяти лет, как партаппарат реализовал их, правда, уже при новом руководителе. Выстроенная Н.С. Хрущевым структура властных полномочий партии оказалась столь живучей (в отличие от многих остальных его нововведений), что просуществовала вплоть до распада советской системы.

Приложение 1

СТРУКТУРА АППАРАТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРКОМА ВКП(Б). РУКОВОДИТЕЛИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ. КОЛИЧЕСТВО РАБОТНИКОВ ОТДЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ¹

Секретари горкома ВКП(б) в период с 1945 по 1953 г.

1-й секретарь (до января 1950 г. 1-й секретарь ленинградского горкома партии являлся одновременно 1-м секретарем ленинградского обкома партии):

А. А. Жданов (декабрь 1934 — январь 1945)
А. А. Кузнецов (январь 1945 — март 1946)
П. С. Попков (март 1946 — февраль 1949)
В. М. Андрианов (февраль 1949 — январь 1950)
Ф. Р. Козлов (19.01.50 — июль 1952)
А. И. Алексеев (июль 1952 — апрель 1953)

2-й секретарь:

А. А. Кузнецов (сентябрь 1937 — январь 1945)
Я. Ф. Капустин (март 1946 — февраль 1949)
В. П. Щербаков (апрель—сентябрь 1949)
Ф. Р. Козлов (декабрь 1949 — январь 1950)
А. В. Носенков (июнь 1950 — ноябрь 1953)

Секретари

Г. Ф. Бадаев (март 1943 — август 1946)
И. М. Широков (май 1945 — август 1946)

¹ Составлено по материалам ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 3. Д. 1630; 1631; 1761; 1762; 1879; 1880; Ф. 25. Оп. 43. Д. 22; 23; 43; Д. 44; Ф. 25. Оп. 74. Д. 2; 3; Д. 4а; Ф. 1728. Оп. 1. Д. 779334. Л. 1; Д. 196958/4. Л. 1.

А. Д. Вербицкий (ноябрь 1945 — февраль 1948)
И. Г. Стожилов (ноябрь 1946 — май 1948)
Г. Т. Кедров (август 1946 — сентябрь 1948)
Н. А. Николаев (март 1948 — август 1949)
П. И. Левин (ноябрь 1948 — август 1949)
Н. Д. Синцов (октябрь 1948 — июнь 1949)
В. Н. Малин (июль 1949 — июнь 1952)
Н. А. Соколов (декабрь 1949 — сентябрь 1950)
Е. Д. Антошкина (ноябрь 1950 — октябрь 1952)
А. С. Рыжков (июль–октябрь 1952)
С. П. Князев (июль 1952 — после марта 1953)

Подразделения Ленинградского горкома ВКП(б) и их руководители (с января 1946 до реорганизации структуры аппарата ленинградского горкома ВКП(б) в ноябре 1948 г.)

Отдел кадров

Секторы: партийных организаций; профсоюзных организаций; советских органов; комсомольских организаций; НКВД и оборонных организаций; судебно-прокурорских органов; оборонной промышленности; судостроительной промышленности; машиностроительной и энергетической промышленности; легкой и текстильной промышленности; местной промышленности и промкооперации; пищевой промышленности; печати и издательств; здравоохранения; просвещения, культуры и науки; транспорта; коммунального хозяйства; торговли и общественного питания; учета кадров.

Зав. отделом — секретарь горкома по кадрам

1-й зам. зав. отделом (должность введена с апреля 1948 г.)
Грудинин В. Ф. (апрель–ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Краснов В. М. (до января — август 1946)
Грудинин В. Ф. (октябрь 1946 — апрель 1948)

Орехов Г. Э. (до января — март 1946)
Прокофьев А. Н. (март 1946 — ноябрь 1948)
Барыкина Е. И. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Зав. секторами

Прокофьев А. Н. (до января — март 1946)
Мялкин И. А. (до января — октябрь 1946)
Шибаетов И. П. (до января 1946 — май 1947)
Попов В. М. (до января 1946 — апрель 1947)
Ершова А. Н. (до января 1946 — апрель 1947)
Ангелов Ф. С. (до января 1946 — сентябрь 1947)
Качалов И. П. (до января 1946 — март 1948)
Алексеева В. М. (до января 1946 — май 1948)
Сабуров А. Н. (сентябрь 1946 — сентябрь 1948)
Манин П. В. (май 1947 — ноябрь 1948)
Доморацкий М. В. (июль 1947 — май 1948)
Котельников А. А. (октябрь 1947 — сентябрь 1948)
Истомин С. И. (до января 1946 — ноябрь 1948)
Галибина Т. С. (июль 1947 — ноябрь 1948)
Нужина Е. А. (до января 1946 — ноябрь 1948)
Мызникова Н. М. (май–ноябрь 1948)
Брусничкин П. С. (май–ноябрь 1948)
Верижников С. М. (март–ноябрь 1948)
Царев Н. И. (апрель–ноябрь 1948)

Отдел агитации и пропаганды

Зав. отд. — секретарь горкома

Зам. зав. отделом

Ходоренко В. А. (сентябрь 1946 — март 1947)
Авакумов С. И. (до января 1946 — сентябрь 1947)
Чапкевич В. С. (до января 1946 — ноябрь 1948)
Смоловик В. И. (июнь 1947 — ноябрь 1948)
Синцов Н. Д. (до января — май 1946)

Зав. секторами

Федоров А. В. (до января — январь 1946)

Ходоренко В. А. (июнь–сентябрь 1946)
Кужелькова Е. И. (июль–август 1946)
Марагин М. М. (до января — ноябрь 1946)
Артамонов В. Г. (ноябрь 1946 — февраль 1947)
Николаев К. Н. (до января 1946 — июль 1947)
Леонов Ф. Д. (октябрь 1947 — ноябрь 1948)
Шувалова М. А. (сентябрь 1946 — ноябрь 1948)
Рыбаков В. Г. (декабрь 1946 — октябрь 1947)
Прокопьев П. П. (ноябрь 1947 — ноябрь 1948)
Друзин В. П. (апрель 1947 — февраль 1948)
Дементьев А. Г. (март–ноябрь 1948)

Руководитель лекторской группой — зам. зав. отд. (должность существовала до февраля 1947 г.)

Афанасьев В. Г. (март 1946 — февраль 1947)

Организационно-инструкторский отдел

Зав. отделом

Кузьменко П. В. (до января — сентябрь 1946)
Левин П. И. (февраль 1947 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Славнов А. И. (до января — февраль 1946)
Никитин В. В. (апрель 1946 — апрель 1947)
Николаев К. И. (август 1947 — сентябрь 1948)
Садовин В. В. (август 1947 — ноябрь 1948)

Зав. сектором единого партбилета и статистики

Агеева А. П. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Зав. сектором информации

Булгаков В. В. (до января 1946 — ноябрь 1948)
Досковский Л. Л. (до января — май 1946)
Кац Я. Г. (июнь 1946 — ноябрь 1948)

Отдел оборонной промышленности²

Зав. отделом (зам. отделом являлся зам. секретаря горкома с сентября 1946 г.)

Басов М. В. (до января — март 1946)

Кедров Г. Т. (апрель — август 1946)

Левин П. И. (сентябрь 1946 — январь 1947)

Николаев Н. А. (февраль—апрель 1947)

Зам. зав. отделом

Грудинин В. Ф. (до января — сентябрь 1946)

Кузнецов К. П. (октябрь 1946 — апрель 1947)

Отдел общей машиностроительной промышленности³

Зав. отделом

Корочкин П. Г. (до января — сентябрь 1946)

Зам. зав. отделом

Кужелев Я. Д. (до января — июнь 1946)

Пустовалов С. П. (июль 1946 — апрель 1947)

Отдел машиностроительной промышленности⁴

Зав. отделом

Николаев Н. А. (апрель 1947 — март 1948)

Щербаков В. П. (март—ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Кузнецов К. П. (апрель 1947 — ноябрь 1948)

Пустовалов С. П. (апрель 1947 — февраль 1948)

Луганский Е. Ф. (март—ноябрь 1948)

Отдел судостроительной промышленности

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Егоренков И. И. (до января — сентябрь 1946)

² Существовал с 1945 до апреля 1947 г., когда вошел в отдел машиностроительной промышленности после слияния с отделом общей машиностроительной промышленности.

³ Существовал до апреля 1947 г., когда вошел в отдел машиностроительной промышленности после слияния с отделом оборонной промышленности.

⁴ С апреля 1947 — до ноября 1948 г.

Платонов И. Н. (октябрь 1946 — февраль 1948)

Чарнецкий М. Н. (май–ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Силин Н. В. (до января 1946 — май 1947)

Соболев Б. Д. (июнь 1947 — ноябрь 1948)

Отдел электростанций и электропромышленности

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Талюш П. Т. (до января — март 1946)

Шишмарев А. А. (апрель 1946 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Пирогов П. П. (до января — май 1946)

Гребеньков А. М. (июнь 1946 — июнь 1948)

Пучков М. А. (июнь–ноябрь 1948)

Отдел городского хозяйства и городского транспорта

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Утемов Е. М. (до января — октябрь 1946)

Лущик В. М. (июль 1947 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Бакулин Ф. М. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Отдел легкой и местной промышленности

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Куракин П. Г. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Почетный В. П. (до января — январь 1946)

Голованов Н. Ф. (февраль 1946 — ноябрь 1948)

Отдел промышленности и стройматериалов⁵

Зав. отделом

Сухомехов П. Т. (до января — май 1946)

⁵ В декабре 1947 г. был разделен на два отдела: отдел строительства и отдел промышленности стройматериалов. В июне 1948 г. эти отделы были вновь слиты в отдел промышленности стройматериалов.

Сердобинцев Б. А. (май 1946 — декабрь 1947)

Зам. зав. отделом

Байченко А. П. (до января 1946 — июнь 1947)

Федотов В. А. (июль—декабрь 1947)

Отдел строительства⁶

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Федоров А. Н. (декабрь 1947 — июнь 1948)

Зам. зав. отделом

Лукьянов М. В. (январь—июнь 1948)

Отдел промышленности и стройматериалов⁷

Зам зав. отделом

Федотов В. А. (декабрь 1947 — апрель 1948)

***Отдел строительства и промышленности
стройматериалов⁸***

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Федоров А. Н. (июнь—ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Лукьянов М. В. (июнь—ноябрь 1948)

Отдел газификации и топлива

Зав. отделом (зам. секретаря горкома)

Ананьев Л. С. (до января 1946 — февраль 1948)

Пустовалов С. П. (февраль—ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом (должность введена с августа 1946 г.)

Федоров Н. А. (август 1946 — ноябрь 1947)

Бутнев Я. Л. (декабрь 1947 — май 1948)

Лысенко Д. П. (июнь—ноябрь 1948)

⁶ С декабря 1947 до июня 1948.

⁷ С декабря 1947 до июня 1948.

⁸ С июня 1948 до ноября 1948.

Отдел угольной промышленности⁹**Зав. отделом (зам. секретаря горкома)**

Павлов А. Ф. (июль–ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Сивохо М. В. (июль–ноябрь 1948)

Секуторов П. С. (июль–ноябрь 1948)

Отдел торговли и пищевой промышленности¹⁰**Зав. отделом (зам. секретаря горкома)**

Клеменчук А. П. (до января — июнь 1946)

Белых А. В. (июнь 1946 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Белых А. В. (до января — июнь 1946)

Семенов В. Н. (до января 1946 — июнь 1948)

Суетов С. Л. (июль–ноябрь 1948)

Транспортный отдел¹¹**Зав. отделом**

Иванов А. М. (до января — март 1946)

Сельскохозяйственный отдел**Зав. отделом**

Васильев П. И. (до января 1946 — ноябрь 1947)

Беликова И. М. (январь–ноябрь 1948)

Отдел школ**Зав. отделом**

Дмитриева В. П. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Виноградов Н. И. (до января 1946 — ноябрь 1948)

⁹ Отдел существовал с июля по ноябрь 1948 г.

¹⁰ Отдел также носил наименование — отдел торговли, пищевой промышленности и общественного питания.

¹¹ Существовал до марта 1946 г.

Военный отдел

Зав. отделом

Вершинский Е. В. (до января 1946 — май 1948)

Афанасьев Н. И. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Зам. зав. отделом

Трахачев А. А. (до января 1946 — ноябрь 1948)

Количество ответственных работников горкома и их распределение по отделам (май 1948)

Отдел кадров

3 зам. зав. отд.; 8 зав. секторами; 30 инструкторов.

Отдел пропаганды и агитации

2 зам. зав. отделом; 4 зав. секторами; 16 инструкторов; 1 лектор-консультант; 7 лекторов.

Оргинструкторский отдел

1 зам. сек. горкома и зав. отд.; 1 зав. сектором единого партбилета; 2 зав. секторами информации; 22 инструктора.

Военный отдел

1 зав. отделом; 2 зам. зав. отделом; 3 инструктора.

Отдел машиностроительной промышленности.

1 зам. сек. горкома; 2 зам. зав. отделом; 17 инструкторов.

Отдел электростанций и электропромышленности

1 зам. сек. горкома; 1 зам. зав. отд.; 4 инструктора.

Отдел городского хозяйства и транспорта

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 5 инструкторов.

Отдел судостроительной промышленности

1 зам. сек. горкома; 1 зам. зав. отд.; 2 инструктора.

Отдел легкой и местной промышленности

1 зам. сек. горкома; 1 зам. зав. отд.; 7 инструкторов.

Сельскохозяйственный отдел

1 зав. отделом; 2 инструктора.

Отдел общественного питания и торговли

1 зам. сек. горкома; 1 зам. зав. отд.; 7 инструкторов.

Отдел школ

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 4 инструктора.

Отдел промышленности и стройматериалов

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 2 инструктора.

Отдел газификации и топлива

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 3 инструктора.

ВСЕГО: 181 чел. Из них: 29 зав. и зам. зав. отделами, 14 зав. секторами, 8 лекторов, 130 инструкторов.

**Подразделения Ленинградского горкома ВКП(б)-КПСС
и их руководители (от реорганизации структуры аппарата
ленинградского горкома ВКП(б) в ноябре 1948 до 1953 г.)**

Отдел пропаганды и агитации

Зав. отделом

Смоловик В. И. (ноябрь 1948 — июль 1949)

Соболев П. Н. (август—октябрь 1952)

Ляхов П. А. (октябрь 1952 — после февраля 1953)

1-й зам. зав. отд.¹²

Леонов Ф. Д. (ноябрь—декабрь 1948)

Зам. зав. отделом

Федоров М. М. (декабрь 1948 — июнь 1949)

Овсянкин В. А. (декабрь 1948 — декабрь 1949)

Казинкин И. Я. (февраль 1950 — ноябрь 1952)

Кривоногов Б. Д. (февраль 1950 — июль 1952)

Локтева Н. Н. (июль 1950 — январь 1951)

Суханов Н. А. (январь 1951 — после марта 1953)

Кулагин П. В. (сентябрь 1950 — июнь 1951)

Петров А. А. (ноябрь 1952 — январь 1953)

Абрамова М. А. (февраль 1952 — после марта 1953)

Сектор школ¹³**Зав. сектором**

Виноградов Н. И. (ноябрь 1948 — август 1951)

¹² Должность существовала до конца 1948 г.

¹³ Существовал в составе отдела до образования отдела школ горкома в ноябре 1952 г.

Сектор агитации

Зав. сектором

Прокопьев П. П. (ноябрь 1948 — октябрь 1949)

Серебрянников А. М. (ноябрь 1950 — после марта 1953)

Сектор пропаганды

Зав. сектором

Глебов А. Н. (ноябрь 1948 — апрель 1950)

Катков Н. Ф. (июль 1950 — после марта 1953)

Сектор печати¹⁴

Зав. сектором

Шарапов В. Н. (февраль 1950 — после марта 1953)

Сектор агитации и пропаганды¹⁵

Зав. сектором

Жарихин Л. С. (март–август 1950)

Сектор вузов

Зав. сектором

Селезнев И. Ф. (апрель 1951 — август 1952)

Горячева С. М. (сентябрь 1952 — после марта 1953)

Сектор культуры и искусства

Зав. сектором

Шувалова М. А. (ноябрь 1948 — апрель 1949)

Белова Л. Н. (октябрь 1950 — ноябрь 1952)

Овчинникова И. И. (декабрь 1952 — после марта 1953)

Сектор физкультуры (сектор физкультуры и спорта)

Зав. сектором

Афанасьев Н. И. (ноябрь 1948 — июль 1951)

Сорокин И. С. (декабрь 1952 — после марта 1953)

¹⁴ Существовал с февраля 1950 г.

¹⁵ Существовал с марта 1950 г.

Сектор науки**Зав. сектором**

Галибина Т. С. (ноябрь 1948 — август 1950)

Заведующий Домом партийного актива (сектор парткабинетов)

Щедрунова З. А. (ноябрь 1948 — ноябрь 1949)

Зав. парткабинетом

Кулагин П. В. (декабрь 1949 — август 1950)

Руководитель (заведующий) лекторской группы

Чапкевич В. С. (ноябрь 1948 — август 1949)

Александров И. К. (февраль 1950 — январь 1951)

Вощенко К. П. (март 1951 — сентябрь 1952)

Казинкин И. Я. (октябрь 1952 — после марта 1953)

Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов¹⁶**Зав. отделом**

Павлов А. Ф. (ноябрь 1948 — июнь 1949)

Носенков А. В. (июль 1949 — май 1950)

Спирин Ф. И. (июнь 1950 — январь 1951)

Попов Б. А. (январь 1951 — после марта 1953)

1-й зам. зав. отделом¹⁷

Грудинин В. Ф. (ноябрь 1948 — февраль 1949)

Зам. зав. отделом

Сивохо М. В. (ноябрь 1948 — май 1949)

Садовин В. В. (ноябрь 1948 — декабрь 1949)

Положенков А. Г. (август 1949)

Подгорнов Н. В. (август–ноябрь 1949)

Спирин Ф. И. (август–декабрь 1949)

Сафонов И. И. (февраль 1950)

Гречук В. С. (март–май 1950)

Логинов Н. П. (март 1950)

Попов Б. А. (май 1950)

Смирнова А. В. (май 1950 — после марта 1953)

¹⁶ 1948–1954.

¹⁷ Должность существовала до февраля 1949 г.

Абросимов Д. С. (июнь 1950 — октябрь 1952)
Смирнов М. П. (август 1950 — март 1951)
Сверчков В. А. (октябрь 1952 — после марта 1953)

Сектор статистики и единого партбилета

Зав. сектором

Агеева А. П. (ноябрь 1948 — апрель 1950)

Сектор информации

Зав. сектором

Кац Я. Г. (ноябрь 1948 — июнь 1949)
Строганов А. А. (май 1950 — после марта 1953)

Сектор комсомольских органов

Зав. сектором

Михайлова М. В. (ноябрь 1948 — май 1950)

Сектор профорганов

Зав. сектором

Махов И. Н. (ноябрь 1948 — декабрь 1952)

Зав. секторами

Южин И. И. (октябрь 1950 — после марта 1953)
Пазухина К. И. (ноябрь 1952 — после марта 1953)
Шарова В. А. (декабрь 1952 — после марта 1953)

Отдел тяжелой промышленности

Зав. отделом

Тихонов А. Я. (ноябрь 1948 — январь 1949)
Левичев Г. Л. (июнь 1949 — март 1950)
Попов Б. А. (июнь 1950 — январь 1951)
Ковалев М. С. (февраль 1951 — август 1952)
Веселовский Б. Ф. (январь — после марта 1953)
1-й зам. зав. отделом¹⁸
Секуторов Н. С. (ноябрь 1948 — июнь 1949)

¹⁸ Должность существовала с ноября 1948 до июня 1949 г.

Зам. зав. отделом

Пустовалов С. П. (ноябрь 1948 — июль 1950)
Лукиянов П. В. (ноябрь 1948 — июль 1950)
Ковалев М. С. (февраль 1950 — февраль 1951)
Кочкин Г. В. (август 1950 — март 1951)
Павлов М. А. (март 1951 — после марта 1953)
Веселовский Б. Ф. (февраль 1951 — январь 1953)

Отдел легкой промышленности**Зав. отделом**

Куракин П. Г. (ноябрь 1948 — апрель 1949)
Орехов Г. Э. (апрель 1949 — ноябрь 1949)
Спирин Ф. И. (декабрь 1949 — май 1950)
Тимофеев М. И. (май 1950 — после марта 1953)

Зам. зав. отделом

Чернобыльский А. И. (ноябрь 1948 — ноябрь 1949)
Голованов Н. Ф. (ноябрь 1948 — июль 1950)
Жуков А. П. (апрель–август 1949)
Тимофеев М. Н. (август–декабрь 1949)
Нечаев Г. А. (август 1950 — после марта 1953)
Павлова И. Ф. (июль 1950 — после марта 1953)
Макаров С. Д. (октябрь 1952 — после марта 1953)

Отдел машиностроения**Зав. отделом**

Щербаков В. П. (ноябрь 1948 — апрель 1949)
Чарнецкий М. Н. (апрель–сентябрь 1949)
Ключаров А. Е. (апрель 1950 — июнь 1951)
Пулин В. И. (июнь 1951 — после марта 1953)

1-й зам. зав. отделом¹⁹

Чарнецкий М. Н. (ноябрь 1948 — апрель 1949)

Зам. зав. отделом

Шишмарев А. А. (ноябрь 1948 — ноябрь 1949)
Кузнецов К. П. (ноябрь 1948 — июль 1950)

¹⁹ Должность существовала с ноября 1948 до апреля 1949 г.

Сырков А. К. (апрель–август 1949)
Замчевский И. К. (август–сентябрь 1949)
Кондратьев Л. Г. (декабрь 1949 — после марта 1953)
Мытарев А. Ф. (июнь 1950 — после марта 1953)
Фомичев М. Ф. (август 1950 — после марта 1953)

Транспортный отдел

Зав. отделом

Федоров Н. А. (ноябрь 1948 — август 1949)
Байбиков М. П. (январь 1949 — после марта 1953)

Зам. зав. отделом

Пучков М. А. (ноябрь 1948 — август 1949)
Байбиков М. П. (ноябрь 1948 — январь 1949)
Иванов А. А. (февраль–декабрь 1950)
Смирнов М. П. (март–апрель 1951)
Потемкин В. С. (июль 1951 — после марта 1953)

Отдел городского хозяйства

Зав. отделом

Лущик В. М. (ноябрь 1948 — октябрь 1949)
Верижников С. М. (июнь 1950 — январь 1953)

Зам. зав. отделом

Боровский В. Л. (ноябрь 1948 — май 1950)
Гольчек-Голыгин К. Н. (август 1950 — сентябрь 1952)
Агафонов К. Н. (декабрь 1952 — после марта 1953)

Административный отдел

Зав. отделом

Орехов Г. Э (ноябрь 1948 — апрель 1949)
Пучков И. А. (октябрь 1949 — март 1950)
Соловьев П. С. (июнь 1950 — после марта 1953)

Зам. зав. отделом

Трахачев А. А. (ноябрь 1948 — февраль 1950)
Истомин С. И. (ноябрь 1948 — ноябрь 1949)
Кузнецов Н. Я. (март 1950 — март 1953)
Чистякова В. Г. (август 1950 — апрель 1951)

Планово-финансово-торговый отдел**Зав. отделом**

Белых А. В. (ноябрь 1948 — март 1949)

Овсянников В. М. (август 1949 — апрель 1951)

Швецов А. А. (июнь 1951 — после марта 1953)

Зам. зав. отделом

Большаков П. Д. (ноябрь 1948 — август 1949)

Царев Н. И. (ноябрь 1948 — июнь 1949)

Шумилов Г. Н. (август–октябрь 1949)

Богданов П. Л. (март 1950 — после марта 1953)

Горюнов Н. П. (октябрь 1950 — январь 1953)

Разбитнов Ю. Б. (январь 1951 — после марта 1953)

Отдел школ²⁰**Зам. зав. отделом**

Хлусова А. Ф. (октябрь 1952 — после марта 1953)

Сектор учета кадров**Зав. сектором**

Мызникова Н. М. (ноябрь 1948 — август 1949)

Борисова Е. Ф. (ноябрь 1950 — после марта 1953)

Зам. зав. сектором

Борисова Е. Ф. (ноябрь 1948 — ноябрь 1950)

**Количество ответственных работников горкома и их
распределение по отделам после реформирования структуры
в 1948 и 1950 гг. (декабрь 1950)**

Отдел ППКО

1 зав. отделом; 3 зам. зав. отделом; 3 зав. секторами; 22 ин-
структора

Отдел пропаганды и агитации

1 зав. отделом; 4 зам. зав. отделом; 1 зав. лек. группой; 6 зав.
секторами; 4 лектора; 15 инструкторов

²⁰ Образован в 1952 г. С 1948 по 1952 г. существовал сектор школ в отделе пропаганды и агитации.

Отдел тяжелой промышленности

1 зав. отделом; 2 зам. зав. отделом; 10 инструкторов

Отдел машиностроения

1 зав. отделом; 3 зам. зав. отделом; 12 инструкторов

Транспортный отдел

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 4 инструктора

Отдел легкой промышленности

1 зав. отделом; 2 зам. зав. отделом; 9 инструкторов

Планово-финансово-торговый отдел

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 3 инструктора

Административный отдел

1 зав. отделом; 2 зам. зав. отделом; 4 инструктора

Отдел городского хозяйства

1 зав. отделом; 1 зам. зав. отделом; 7 инструкторов

ВСЕГО: 128 чел. Из них: 29 зав. и зам. зав. отделами, 9 зав. секторами, 4 лектора, 86 инструкторов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ.

- АПГ — антипартийная группа
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (больше-
виков)
ВПК — военно-промышленный комплекс
ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)
горком — городской комитет
ГКО — Государственный комитет обороны
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
исполком — исполнительный комитет
КПБ — Коммунистическая партия Белоруссии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
крайком — краевой комитет
Ленгорздравотдел — отдел здравоохранения Ленгориспол-
кома
Ленгорисполком — Ленинградский городской исполнитель-
ный комитет (Ленинградского городского Совета депутатов
трудящихся)
ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный инсти-
тут
ЛПО — ленинградская партийная организация
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
НКБ — Народный комиссариат боеприпасов
обком — областной комитет
орготдел — организационно-инструкторский отдел
партаппарат — партийный аппарат
ПВС — Президиум Верховного Совета
ППКО — партийные, профсоюзные и комсомольские орга-
ны

райисполком — районный исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

райком — районный комитет

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая республика

СВАГ — советская военная администрация в Германии

СМ СССР, Совмин СССР — Совет Министров СССР

Стройтрест — строительный трест

стройучасток — строительный участок

УИТЛиК — Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний

УМВД — управление министерства внутренних дел

УМГБ — управление министерства государственной безопасности

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-партийных документов Санкт-Петербурга

ЦК — центральный комитет

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Законодательные акты

Конституция Союза ССР и Конституции союзных республик. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. 275 с.

Документы ВКП(б) – КПСС

1. XVIII съезд всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1939. 742 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр.
Т. 2: 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
Т. 8: 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. 542 с.
3. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 3–23;
Вопросы истории. 1993. № 7. С. 3–24;
Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15;
Вопросы истории. 1995. № 10–11. С. 3–28.
4. Вопросы партийной работы в послевоенный период. Сборник документов. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1948. 158 с.

Работы государственных и политических деятелей

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 31.
2. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. 424 с.
3. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. 24 с.
4. Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). 5 октября 1952 г. Магадан: Советская Колыма, 1953. 119 с.

Сборники документов

1. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост.: В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: Демократия, 1999. 510 с.
2. Лубянка. Сталин и МГБ СССР, март 1946 — март 1953. / Сост.: В. Н. Хаустов. М.: Демократия; Материк, 2007. 652 с.
3. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стеногр. июн. пленума ЦК КПСС и др. документы / Сост. Н. Ковалева и др. М.: Демократия, 1998. 845 с.
4. О так называемом «Ленинградском деле» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 126–137.
5. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
6. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т. III: 1940–1952. М.: РОССПЭН, 2001. 1016 с.
7. Реабилитация: как это было: Док-ты Президиума ЦК КПСС и др. материалы. Т. 1: Март 1953 — февраль 1956 / Сост. А. Артизов и др. М.: Демократия; Материк, 2000. 502 с.
8. Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Сост. А. П. Смирнов; Государственный музей политической истории России. СПб.: Норма, 2009. 208 с.
9. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. / Сост. В. В. Денисов и др. М.: РОССПЭН, 2004. 494 с.

Периодические издания

Ленинградская правда. 1945–1953.

Организационно-партийная работа. Из истории партийного строительства. 1969–1973.

Партийная жизнь. 1946.

Партийное строительство. 1945.

Правда. 1945–1953.

Мемуары, дневники, воспоминания, записи бесед

1. Вавилов С. И. Дневники, 1909–1951: В 2 кн. / Отв. ред. В. М. Орел; сост. В. В. Вавилов. М.: Наука, 2012. (Научное наследство; Т. 35). Кн. 2: 1920, 1935–1951. 607 с.
2. Вознесенский Л. А. Истины ради... М.: Республика, 2004. 727 с.

3. Возрождение: Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда: [Сборник / Сост.: В. А. Кутузов, Э. Г. Левина]. Л.: Лениздат, 1977. 367 с.
4. Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. 636 с.
5. Н. С. Хрущев: «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 79–91.
6. Ответы П. К. Пономаренко на вопросы Г. А. Куманева 2 ноября 1978 г. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 133–149.
7. «Служить Родине приходится костями...» Дневники Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5/6. С. 41.
8. Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. 509 с.
9. Чув Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 1999. 736 с.

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Фонд 17 — «ЦК КПСС».

Фонд 77 — «А. А. Жданов».

Фонд 83 — «Г. М. Маленков».

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб):

Фонд 24 — «Ленинградский областной комитет РКП(б)-ВКП(б)-КПСС».

Фонд 25 — «Ленинградский городской комитет РКП(б)-ВКП(б)-КПСС».

Фонд 1728 — «Коллекция личных дел».

Фонд 4000 — «Институт истории партии Ленинградского Обкома КПСС — филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС»

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб):

Фонд 4965 — «Статистическое управление Ленинграда».

Монографии и статьи

1. *Авилушкин Т. Ф.* XIX съезд Коммунистической партии советского Союза о подборе, расстановке и воспитании партийных и государственных кадров: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: 1954. 16 с.
2. *Агафоненков Е. Ф.* Подготовка и переподготовка партийных и советских кадров в 1946–1950 годах // Вопросы истории КПСС. 1970. № 11. С. 101–109.
3. *Айрапетов В. А.* Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945–1982 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
4. *Аксенов Ю. С.* Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 109–121.
5. *Аксенов Ю. С.* Апогей сталинизма: Послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–104.
6. *Аксютин Ю. В.* Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1954 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН; Фонд Ельцина, 2010. 622 с.
7. *Амосова А. А.* Государственная и партийная деятельность П. С. Попкова. 1937–1950 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.
8. *Амосова А. А.* Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб.: Алетейя, 2014. 262 с.
9. *Амосова А. А.* П. С. Попков и «ленинградское дело» // Россия в XX веке. Проблемы политической, экономической и социальной истории / Под ред. М. В. Ходякова. СПб: Исторический факультет СПбГУ, 2008. С. 175–176.
10. *Афанасьев А. В.* Победитель // Они не молчали / Сост. А. В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 388–409.
11. *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 317 с.
12. *Ашин Г. К.* Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
13. *Ашин Г. К., Пониделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.* Основы политической элитологии. М.: ПРИОР, 1999. 302 с.
14. *Бадковский Д. В.* Советская политическая элита: От «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной

- системе // Вестн. МГУ. Сер. 12: Политические науки. 1995. № 1. С. 22–36.
15. *Базовский В.Н., Шумилов Н.Д.* Самое дорогое. Документальное повествование об А.А. Кузнецове. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 239 с.
 16. *Баськов П.Г.* Борьба Коммунистической партии Советского Союза за укрепление партийной и государственной дисциплины в послевоенный период (1946–1954 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1955. 16 с.
 17. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
 18. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
 19. *Болдовский К.А.* Денежная реформа 1947 г. и ленинградский парт-аппарат // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 175–184.
 20. *Болдовский К.А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 121–126.
 21. *Болдовский К.А.* Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.
 22. *Бондаренко С.Я.* Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-х — начале 1950-х гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004. 25 с.
 23. *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2: От отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. / Пер с итал. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994. 632 с.
 24. *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) = *Brandenberger D.* National bolshevism. Stalinist Mass Culture and the formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956 / Пер. с англ. Н. Алешинной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект; ДНК, 2009. 416 с.
 25. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
 26. *Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 436 с.

27. *Ваксер А.З.* «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб: Европейский Дом, 2012. 48 с.
28. *Ваксер А.З.* Настроения ленинградцев послевоенного времени. 1945–1953 гг. // *Нестор*. 2001. № 1. С. 303–326.
29. *Ваксер А.З.* Трофейное оборудование в возрождении ленинградской промышленности. 1945–1955 // *Клио*. 2001. № 3. С. 95–105.
30. *Верховцев И.П., Малов Ю.К.* Организационные основы КПСС и их «критики». М.: Политиздат, 1974. 127 с.
31. *Вознесенский Л.А.* Беззаконие — «по закону». // *Свободная мысль*. 2009. № 1. С. 143–158.
32. Вопросы работы КПСС с кадрами на современном этапе. М.: Мысль, 1976. 340 с.
33. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Изд. 2-е, испр. и доп. Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1990. 671 с.
34. *Гаман О.* Политические элиты России в историческом процессе. Закономерности формирования и тенденции развития // *Россия XXI*. 1996. № 3/4. С. 72.
35. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
36. *Гаман-Голутвина О.В.* Российские политические элиты: факторы эволюции // *Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль–май 2002 г. Пермь.* [Интернет-ресурс. http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=37&pod3_id=82. Дата обращения 21.10.2018.]
37. *Гельман В.Я., Тарусина И.Г.* Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // *Политическая наука*. 2003. № 1. С. 53–78.
38. *Говоров И.В.* Государство и преступность в Советской России, 1945–1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Нестор, 2004. 43 с.
39. *Говоров И.В.* Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1950): опыт исторического анализа. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 504 с.
40. *Горбул А.Д.* Научные основы кадровой политики КПСС. М.: Высшая школа 1989. 171 с.
41. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: Олма-пресс, 2002. 319 с.

42. Деятельность ленинградской партийной организации по совершенствованию государственного аппарата / А. Н. Арзамасцев, Б. Д. Лебин, В. А. Кутузов, Е. В. Мазалов; науч. ред. Ю. Я. Баскин. Л.: Лениздат, 1976. 280 с.
43. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 539 с.
44. *Донченко В. Н.* Перестройка рядов ВКП(б) в период перехода СССР от войны к миру (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1972. 24 с.
45. *Дорошко М. С.* Еліта чи номенклатура? // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XX. Запоріжжя, 2006. С. 449–453.
46. *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. М.: НЛО, 2012. [Т.] 1. 588 с.; [Т.] 2. 702 с.
47. *Дука А. В.* Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 1 (9). С. 64–82.
48. *Дука А. В.* Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль–май 2002 г. Пермь. [Интернет-ресурс. http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=37&pod3_id=83. Дата обращения 21.10.2018.]
49. *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Сталинские «суды чести»: «Дело «КР». М.: Наука, 2005. 423 с.
50. *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2008. 656 с.
51. *Жукова Л. Н.* Деятельность КПСС по улучшению качественного состава партии (1945 — начало 1950-х годов). На материалах Ленинградской партийной организации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 152 с.
52. *Жукова Л. Н.* Изменения качественного состава Ленинградской партийной организации в 1945–1961 годах: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 32 с.
53. *Зайцева А. В.* Социально-профессиональный облик партийной номенклатуры Свердловской области в послевоенный период // История как ценность и ценностное отношение к истории: XIV всероссийские историко-педагогические чтения. Ч. II Екатеринбург: УГПУ, 2010. С. 146.
54. *Зеленов М. В.* Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 97–116.

55. *Золотов В.А.* Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 36 с.
56. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
57. *Зубок В.М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011. 671 с.
58. *Иванов В.А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб: ЛИСС, 1997. 462 с.
59. *Иванов В.А.* «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 г.) // Политический сыск в России: история и современность. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. С. 238–250.
60. *Иванов П.А., Сеславин М.К.* Подбор и воспитание кадров — главное. М.: Политиздат, 1963. 48 с.
61. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2010. 255 с.
62. История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1960. 744 с.
63. *Калинина О.Н.* Формирование и эволюция партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. 32 с.
64. *Каприканян П.С.* Развитие организационных форм и методов работы Коммунистической партии Советского Союза в Уставах, принятых на 18 и 19 съездах партии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МЭСИ, 1954. 15 с.
65. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография / Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2009. 328 с.
66. *Клюкин А.И., Кончаков Р.Б., Сельцер Д.Г.* Компьютерные методы в исследовании номенклатуры КПСС // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: Материалы интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 — март 2004 г.) / Ред. и сост. В.П. Мохов. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2004. С. 62–73.

67. Колесников А.К. Подбор кадров и проверка исполнения — главное в организаторской работе Коммунистической партии Советского Союза: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
68. Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2009. 207 с.
69. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово: Сибирская книгоиздательская фирма, 2005. 312 с.
70. Коновалов А.Б. Повседневные управленческие практики городских и районных номенклатурных кадров Западной Сибири в период «позднего сталинизма» // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 474–475.
71. Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.
72. Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири (1945–1991): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 54 с.
73. Корнатовский Н.А. Состояние и задачи изучения истории ленинградских рабочих в советский период // История рабочего класса Ленинграда. Вып. 1. Сборник статей / Отв. ред. В.А. Овсянкин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 228 с.
74. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизм и действие // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
75. Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция. М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2010. 415 с.
76. Котельников П.И. О работе с кадрами. М.: Госполитиздат, 1956. 126 с.
77. Кочерга Б.Н. Советская бюрократия: путь к власти (исторический очерк) // Вестник высшей школы. 1990. № 12. С. 56–65.
78. Круглова Л.Н. Деятельность Ленинградской партийной организации по укреплению рядов партии и марксистско-ленинскому просвещению коммунистов в первой послевоенной пятилетке (1946–1950 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1971. 17 с.

79. Кузнецов И. С. Эволюция сталинской мобилизационной модели: проблемы изучения. Статья 1 // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 105.
80. Кутузов В. А. А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193–203.
81. Кутузов В. А. А. А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 146–152.
82. Кутузов В. А. Алексей Александрович Кузнецов: начало политической биографии // Россия в XX веке. Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина / Под ред. В. М. Ковальчука. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 288–305.
83. Кутузов В. А. Алексей Александрович Кузнецов. Страницы послевоенной политической биографии // Клио. Журнал для ученых. 2001. № 3. С. 162–167.
84. Кутузов В. А. Возрождение земли ленинградской: Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 246 с.
85. Кутузов В. А. Главный экзекутор «Ленинградского дела» // Ленинградская панорама. 1991. № 7. С. 32–34.
86. Кутузов В. А. Деятельность ленинградской партийной организации по совершенствованию аппарата управления (1946–1958 гг.) // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XV. Испытанный авангард масс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 124–138.
87. Кутузов В. А. Дискуссионные и малоизученные вопросы «Ленинградского дела» // Мавродинские чтения — 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 110–112.
88. Кутузов В. А. Как это было? // Вечерний Ленинград. 1988. 16, 18, 20, 21, 23 мая.
89. Кутузов В. А. Конец «ленинградского дела» // Диалог. 1988. № 17. С. 12–18.

90. *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. С. 15–21; № 19. С. 15–23.
91. *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело» // Страницы истории. Дайджест прессы. 1987. Л.: Лениздат, 1988. С. 228–243.
92. *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело»: к вопросу о количестве репрессированных // Петербургские чтения 1998–1999: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» / Ред. Е. А. Адаменко, М. В. Стукалина. СПб.: Петербургский институт печати, 1999. С. 378–381.
93. *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело»: судьбы исполнителей // Российская государственность: история и современность / Ред. А. Ю. Дворниченко, В. Н. Барышников и др. СПб.: Знаменитые университеты, 2003. С. 614–623.
94. *Кутузов В.А.* «Ленинградское дело». Удар по идеологическим кадрам // Диалог. 1989. № 36. С. 14–19.
95. *Кутузов В.А.* «Много сделал для защиты города...»: Страницы военной биографии Алексея Александровича Кузнецова // История глазами историков: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию Евгения Романовича Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 304–311.
96. *Кутузов В.А.* Несостоявшийся генсек // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 7. С. 33–35.
97. *Кутузов В.А.* Партийное руководство восстановлением народного хозяйства: организационная и идеологическая работа (Из опыта Ленинградской партийной организации, 1942–1950 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: Ленингр. ВППШ, 1988. 38 с.
98. *Кутузов В.А.* Совершенствование структуры и методов работы местного партийного аппарата в 1945–1950 годах (на материалах Ленинградской партийной организации) // Вопросы организации партийной и советской работы (Ученые записки Ленинградской Высшей партийной школы). Л.: Лениздат, 1976. С. 214–227.
99. *Кутузов В.А.* Так называемое «ленинградское дело». Подлинные страницы истории // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.
100. *Ланцов С.А., Ланцова Л.А.* Политические процессы в России XX века в свете теории элиты // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М.А. Василики, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 66–82.
101. *Латина Н.Ю.* Региональные элиты России. М.: ИНИОН, 1997. 64 с.

102. *Левин М.* Номенклатура — Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управления // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 75–80.
103. *Левин М.* Советский век. М.: Европа, 2008. 680 с.
104. *Лейбович О.Л.* В городе М: очерки социальной повседневности российской провинции (в 40–50-х гг.). 2-е изд., испр. М.: РОСС-ПЭН; Фонд Б. Н. Ельцина, 2008. 294 с.
105. «Ленинградское дело» / Сост.: В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. 413 с.
106. *Леонова Л.С.* Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. М.: Изд-во МГУ, 1979. 305 с.
107. *Лешукова Т.В.* Историография «Ленинградского дела» // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докладам 10–12 октября 1994. СПб., 1994. С. 231–234.
108. *Люцко А.В.* Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1946–1950 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1975. 176 с.
109. *Малейко Л.А.* Партийный аппарат. Становление и развитие (1917–1941 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1981. 135 с.
110. *Манаков Н.А.* Городское хозяйство Ленинграда. Л.: Лениздат, 1949. 180 с.
111. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
112. *Михеев В.Ф., Михеев Г.Ф.* «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 214–232 — 2013. № 1. С. 178–198.
113. *Михеев В.Ф., Михеев Г.Ф.* Перечеркнутая память // История Петербурга. 2008. № 5. С. 96–99.
114. *Морозов П.Д.* Ленинские принципы подбора, расстановки и воспитания кадров. М.: АОН при ЦК КПСС, 1959. 56 с.
115. *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 238 с.
116. *Мохов В.П.* Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2000. 204 с.
117. *Муштаков А.П.* Опыт КПСС по подготовке руководящих партийных и государственных кадров высшей квалификации в Академии

- общественных наук при ЦК КПСС (1946–1978 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1982. 21 с.
118. Новейшая история России. 1914–2008: Учебное пособие. 4-е изд., исп. и доп. / Под ред. М. В. Ходякова. М.: Юрайт, 2010. 532 с.
119. *Обичкин О. Г.* Краткий очерк истории Устава КПСС. М.: Политиздат, 1969. 111 с.
120. «Основные задачи ВКП(б) по строительству коммунистического общества». Из проекта Программы партии 1947 года (Комментарий А. В. Пыжикова) // Исторический архив. 2002. № 6. С. 3–10.
121. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938–1961 гг. М.: Политиздат, 1986. 231 с.
122. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1883–1985: В 3 томах / Сост. З. С. МIRONЧЕНКОВА. Т. 3: 1945–1985 гг. Л.: Лен-издат, 1985. 991 с.
123. Партийное строительство: Учебное пособие / Н. А. Петровичев и др. 6-е изд. М.: Политиздат, 1981. 511 с.
124. *Пихоя Р. Г.* О некоторых аспектах историографического кризиса», или О «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 15–28.
125. *Пихоя Р. Г.* СССР: История власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
126. *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1956). 2-е изд., испр. М.: Изд-во РАГС, 2002. 157 с.
127. *Попов Д.* За дальнейший подъем партийного просвещения // Большевик. 1950. № 17. С. 19–29.
128. *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.): Историография. СПб.: Нестор, 2001. 430 с.
129. *Разумов Е. З.* Проблемы кадровой политики КПСС. М.: Политиздат, 1983. 192 с.
130. *Разумов Е. З.* Крушение и надежды. Политические заметки (О том, что и почему произошло с КПСС, о перспективе возрождения партии коммунистов). М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 1996. 188 с.
131. *Романовский А. П.* Перестройка партийной работы при переходе от войны к мирному строительству: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1978. 25 с.
132. *Руткевич М. Н.* О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 19–28.

133. *Свириденко Ю.П., Пашин В.П.* «Кадры решают все?!..» // Россия: идеи и люди: Сборник научных трудов. Вып. 1. М., 1994. С. 1.
134. *Сидоровский Л.* Разгром // Совершенно секретно. 2008. № 8. С. 26–27.
135. *Смирнов А.П.* «Ленинградское дело». Портрет поколения // История Петербурга. 2006. № 6. С. 18–23.
136. СССР и холодная война / Под ред. В. С. Лельчука, Е. И. Пивовара. М.: Мосгорархив, 1995. 310 с.
137. *Старков Б.А.* Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера / Отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб: Европейский Дом, 2008. С. 95–110.
138. *Старков Б.А.* Дела и люди сталинского времени. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 1995. 212 с.
139. *Старков Б.А.* Проблемы эволюции политической элиты Ленинграда-Санкт-Петербурга в 20–90-е годы (Ретроспективный взгляд) // Социальные и политические ориентации санкт-петербургской элиты: Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / Под ред. С. А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. С. 67–73.
140. *Сторожев Я.* Воспитание кадров на практической работе // Партийная жизнь. 1954. № 9. С. 9–18.
141. Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А. М. Кулегина. СПб.: Норма, 2009. 224 с.
142. *Твердюкова Е.Д.* Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 45–53.
143. *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 254 с.
144. *Федоров А.Н.* Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: Дис. ... к. и. н. Челябинск, 2006. 298 с.
145. Феномен бюрократии и социальная структура советского общества // Социально-политические науки. 1990. № 5. С. 48–68.
146. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Н. Ельцина, 2010. 479 с.
147. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Н. Ельцина, 2011. 231 с.

148. *Ходяков М.В.* Люди и деньги: денежная реформа 1947 г. и деятельность Ленинградской бумажной фабрики Гознак // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 54–65.
149. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991 гг. М.: Вагриус, 1994. 510 с.
150. *Черемных В.Г.* Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за подбор, расстановку и воспитание руководящих партийных и советских кадров в четвертой пятилетке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 23 с.
151. *Чернявский Г.И.* Дневники Г.М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 47–58.
152. *Чистиков А.Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2007. 293 с.
153. *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон: OPI Ltd, 1990. 933 с.
154. *Шевляков А.А.* Опыт Коммунистической партии по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров (1946–1959): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989. 24 с.
155. *Шерemet М.А.* Марксистско-ленинское воспитание руководящих партийно-советских кадров в послевоенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Военно-политическая ордена Ленина академия им. В.И. Ленина, 1953. 17 с.
156. *Яцков В.А.* Организация работы с номенклатурой партийных комитетов // Проблемы партийного и государственного строительства. 1982. Вып. 2. С.131–142.
157. *Blackwell R.* Career development in the Soviet obkom elite: a conservative trend // Soviet studies. 1972. Vol. 24. N 1. P. 24– 40.
158. *Boterbloem K.* Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal etc.: McGill — Queen's Univ. press, 1999. 435 p.
159. *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // Russian Review. 2004. N 63:2. P. 241–255.
161. *Conquest R.* Power and Policy in the USSR: the struggle for Stalin's succession, 1945–1960. New York: Harper & Row, 1967. 484 p.
162. *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, 1958.
163. *Harris J.R.* The Great Urals: Regionalism and the evolution of the Soviet System. L: Ithaka: Cornell University Press, 1999. 235 p.
164. *Hosking G.* A History of the Soviet Union. London, 1985. 465 p.

165. *Hough J.* The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969. 409 p.
166. *Scharndorf W.* Die Geschichte der KPdSU. Munchen, 1961. 523 p.
167. *Tromly B.* The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949–1950 // *Europe — Asia Studies*. 2004. Vol. 56. N 5. July. P. 707–729.

Справочно-библиографическая литература

1. Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / Отв. ред. А. В. Дука. СПб.: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2001. 152 с.
2. *Косых Г. Т.* Против буржуазных фальсификаций истории КПСС и советского общества (Указатель литературы) / Под ред. В. В. Привалова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 118 с.
3. Ленинградская организация КПСС в цифрах / Сост. Н. И. Кондрашова, С. А. Портов. Л.: Лениздат, 1968. 68 с.
4. Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917–1973 гг. / С. С. Дмитриев, А. А. Кирилина и др. Л.: Лениздат, 1974. 144 с.

СПИСОК ПЕРСОНАЛИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

- Абакумов В. С. 179, 180, 221, 247
Авторханов А. 55
Агапов В. В. 198
Айрапетов В. А. 72, 293
Аксенов Ю. С. 55, 184, 187, 293
Акулинин В. С. 206
Алексеев А. И. 209, 210, 244, 271
Амосова А. А. 190, 193, 293
Андрианов В. М. 80, 92, 122, 195,
196, 198–203, 209, 210, 213, 218,
219, 227, 228, 232, 233, 241, 248,
254, 255, 257, 260, 271
Антошкина Е. Д. 112, 253, 272
Афанасьев А. В. 182, 293
Афанасьев М. Н. 71, 293
Ашин Г. К. 39, 40, 42, 293
- Бадаев Г. Ф. 125, 156, 196, 210, 271
Базовский В. Н. 76, 294
Байбикова М. П. 204, 285
Балканская З. В. 130
Барыкина Е. И. 110, 273
Басов М. В. 156, 275
Белопольский В. О. 208
Белоус А. М. 216, 233
Бердяев Н. А. 31, 294
Берия Л. П. 15, 46, 54, 55, 58, 61,
180, 183, 185, 208, 227, 291
Блеквелл М. 71
Блеквелл Р. 70
Бондаренко С. Я. 72, 90, 99, 107,
109, 112, 294
Борисов А. М. 228
- Ботерблём К. 70
Боффа Дж. 50, 294
Бранденбергер Д. 23, 25, 52, 188,
227, 294
Бубнов А. А. 200, 206, 210
Булганин Н. А. 180
Бурова Е. В. 204
Бухарин Н. И. 32
Быстрова А. М. 215
Быстрова И. В. 43, 44, 52, 294
- Вавилов С. И. 60, 291
Ваксер А. З. 75, 77, 189, 192, 294,
295, 303
Вейдемейр И. 35
Верт Н. 50, 51
Витгофель К. 40
Вознесенская М. А. 199, 201, 203,
205, 210, 238
Вознесенский А. А. 191, 199
Вознесенский Л. А. 25, 191, 291,
295
Вознесенский Н. А. 61, 189, 199
Волокитина Т. В. 53, 61
Восленский М. С. 35–38, 40, 45,
295
- Галина А. И. 110, 217
Галкин В. П. 200, 210
Гаман-Голутвина О. В. 41, 42, 185,
295
Ганелин Р. Ш. 25
Ганичев С. Н. 212, 238

- Гефтер М. Я. 230
Говоров И. В. 78, 295
Гогосов В. А. 228
Голубева А. В. 212
Горбунов Н. М. 133
Гордиенко А. А. 193
Горлицкий Й. 50, 303
Гребеньков А. М. 214, 215, 276
Григорьев А. М. 122, 125, 165, 211, 215
Грудинин В. Ф. 195, 272, 275, 282
Гусев Д. Н. 211
Гуторов Г. П. 231, 232
- Данилов А. А. 50, 295
Демидов В. И. 181, 195, 221, 301
Джилас М. 4, 33–36, 38, 44, 54, 296
Димитров Г. 57, 304
Дмитриева В. П. 110, 278
Дмитриев Г. Н. 216, 217
Дмитриев Н. М. 215
Донченко В. Н. 29, 296
Дорошко М. С. 48, 296
Дружинин П. А. 193, 296
Дубинин Л. А. 204
Дука А. В. 39, 40, 46, 296, 305
- Егоренков И. И. 131, 275
Ежов В. А. 75, 76
Епишев П. И. 204
- Жданов А. А. 7, 10, 15, 24, 54, 59, 61, 80, 81, 86, 143, 147, 182, 183, 184, 212, 271, 292, 299
Жидков А. А. 204
Жуков Ю. Н. 55, 58, 185, 284, 296
- Забродин Н. И. 130
Зайцев А. Ф. 204
Зайцева А. В. 72, 99, 296
Замчевский Т. В. 110, 172, 197, 198
Зеленов М. В. 25, 55, 144, 296
Зими́на С. С. 204
- Зиновьев Г. Е. 225, 236
Злобин А. С. 228
Зубок В. М. 53, 54, 61, 183, 297
- Иванов В. А. 25, 77, 78, 297
Иванов И. И. 211
Иванов И. Л. 204
Иванов С. Г. 201
Игнатов Т. И. 204
Илиевский Н. В. 78
Истер Дж. 70, 297
- Калинина О. Н. 72, 297
Капитонова В. М. 214
Капустин Я. Ф. 92, 149, 174, 195, 197, 205, 209, 228, 238, 244, 271
Карасев Е. М. 216
Кедров Г. Т. 106, 125, 163, 244, 272, 275
Кип Дж. 49, 297
Китаев С. В. 41
Климов А. Н. 213, 214, 234
Князев С. П. 204, 244, 272
Козлов В. Я. 135, 158, 201, 202
Козлов Ф. Р. 21, 214–216, 218, 226, 230, 231, 233, 240, 241, 271
Колобашкин В. А. 159, 195, 197, 205, 211, 216
Колушев В. И. 216
Комиссаров Н. А. 204
Кондратьева Т. С. 124, 298
Конквест Р. 54
Коновалов А. Б. 71, 107, 298
Конохова А. С. 25
Коржихина Т. П. 46, 298
Корнатовский Н. А. 73, 214, 228, 298
Королев Г. С. 206
Коршунов И. Г. 204
Косыгин А. Н. 227, 269
Кочерга Б. Н. 38, 298
Краснов В. М. 130, 131, 207, 211, 272

- Круглова Л. Н. 74, 76, 298
Крупин Д. В. 115
Крыштановская О. В. 40
Кузнецов А. А. 7, 10, 20, 59, 61–67, 76, 80, 82, 83, 88, 95, 97, 101, 111, 115, 121, 133, 138, 143, 146, 148, 157, 165, 168, 175, 181, 182, 184, 185, 195, 197, 202, 205, 207, 209, 215, 219, 221, 226, 227, 234, 238–240, 244, 265, 268, 269, 271, 294, 299, 300
Кузнецов К. А. 212
Кузнецова О. И. 204
Куприянов Г. Н. 193
Куракин П. Г. 211, 276, 284
Кутузов В. А. 25, 74, 76, 180–182, 193, 195, 221, 250, 292, 296, 299–301

Лавриков Ю. А. 75
Лагуткин Е. С. 211
Ладыгин Н. А. 198
Лазарева А. М. 204
Лазутин П. Г. 205, 210
Лапина Н. Ю. 71, 300
Левин М. 43, 56, 61, 62, 301
Левин П. И. 125, 131, 172, 199, 207, 209, 238, 272, 274, 275
Левичев Г. А. 212
Лейбович О. Л. 72, 301
Ленин В. И. 5, 27, 35, 36, 241, 257, 290
Литвин А. 49, 297
Лишенкова М. В. 243
Лопатин К. И. 217, 245
Лосик А. В. 78, 79
Лузин Н. Н. 57

Мазалов Е. В. 74, 75, 296
Малейко Л. А. 29, 301
Маленков Г. М. 15, 17, 24, 46, 54, 55, 58, 61, 66, 142, 180, 183, 185, 194–198, 200, 208, 213, 227–229, 237, 256, 260, 269, 290, 291, 292
Малин В. Н. 205, 241, 272
Манаков Н. А. 73, 149, 207, 301
Марецкий Д. П. 32
Маркс К. 35, 36
Матковская М. В. 208
Машанский Ф. И. 200, 211
Медушевский А. Н. 48, 301
Мжаванадзе В. П. 180, 269
Микоян А. И. 24, 61, 292
Миллс Ч. 38
Михайленко Т. Т. 204
Михайлова А. Ф. 236
Михеев В. Ф. 192, 301
Михеев Г. Ф. 191, 301
Михеев Ф. Е. 191, 198
Михельс Р. 38
Молотов В. М. 15, 24, 46, 58, 61, 175, 180, 223, 227, 291, 292
Моска Г. 38
Мохов В. П. 39, 41, 42, 47, 48, 71, 297, 301
Мясников О. Г. 44

Нестеров Г. М. 127, 128, 163, 208, 211, 213, 215, 261
Никитина А. М. 25
Никитин В. В. 194, 195, 199, 217, 223, 234, 248, 274
Николаев Б. Ф. 210, 244, 254
Николаев-Журид Н. Г. 139
Николаев Н. А. 131, 199, 209, 272, 275
Николаевский Б. И. 55
Новиков А. Я. 204
Носенков А. В. 84, 201, 205, 218, 242, 243, 254, 271, 282

Овсянников В. М. 204, 286
Орехова Л. Г. 110
Орехов Г. Э. 131, 162, 169, 273, 284, 285

- Орловцев Ф. Я. 241, 242
Оснос В. М. 223
- Павлова З. А. 207, 211
Павлов А. Ф. 84, 201–203, 205, 211, 214, 278, 282
Парето В. 38
Пашин В. П. 47, 303
Пивоваров Н. Ю. 25
Пихоя Р. Г. 17, 55, 186, 193, 302
Платонов И. Н. 137, 206, 216, 234, 276
Плюхина М. А. 213
Подгорнов Н. В. 204, 282
Подугольников А. П. 205, 211
Попков П. С. 10, 80, 132, 138, 161, 171, 173, 175, 184, 190, 195, 209, 215, 219, 221–224, 229, 239, 240, 244, 271, 293
Попов Б. А. 215, 282, 283
Попов Г. М. 184
Пузанков В. М. 222, 223
Пыжиков А. В. 50, 55, 186, 295, 302
- Разумов Е. З. 29, 302
Ревский Б. С. 18
Решкин В. М. 148, 200, 207, 211
Родионов Д. Г. 211
Родионов М. И. 195, 221
Родионов Н. Н. 199, 200, 209, 217, 248
Романов Н. А. 198, 235
Ромашова Р. Г. 204
Рупасов А. И. 25
Русанов Е. С. 204,
- Садовин В. В. 25, 274, 282
Сафонов И. И. 167, 215, 282
Сафонов К. И. 200, 211
Свириденко Ю. П. 47, 303
Семенов П. И. 207, 211, 235
Сергеева Т. С. 246
Сержантов Ф. И. 198
- Синцов Н. Д. 199, 205, 272, 273
Склемин А. А. 204
Скрыпнев Н. П. 204
Слуцкий Б. А. 126
Смирнов А. П. 15, 190, 191, 291, 303
Смирнов В. И. 204, 237
Смоловик В. И. 139, 206, 239, 273, 280
Соболев Г. Л. 25
Соловьев Н. В. 117, 209
Соловьев П. С. 236, 285
Спиридонов И. В. 215, 218
Спирин Ф. И. 204, 232, 282, 284
Сталин И. В. 4, 5, 10, 15, 21, 27, 28, 32, 34, 44, 45, 49–61, 66, 67, 80, 85, 101, 119, 123, 133, 143, 168, 174, 175, 179, 180, 183, 185–189, 199, 212, 220, 221, 223, 224, 227, 228, 233, 237, 244, 247, 257, 264, 267, 268, 290–292, 294, 296–298, 302, 303
Старков Б. А. 77, 192, 303
Стожилов И. Г. 138, 197, 272
Суворов Г. И. 211
Судоплатов П. А. 222, 237, 292
Суслов М. А. 252
- Тимофеева М. Н. 204, 284
Тимошков Г. В. 204
Тихонов А. Я. 194, 195, 197, 224, 283
Тромли Б. 193
Троцкий Л. Д. 32, 33, 303
- Ульянич В. С. 247
Умнова Л. С. 217, 247
Устинов Д. Ф. 180, 184, 269
Устрялов Н. В. 31, 292
Утемов Е. М. 131, 276
- Федоров А. Н. 25, 277
Федоров Н. А. 130, 211, 277, 285
Фейнсон Д. М. 70

- Фигатнер Ю. Ю. 46, 298
Филиппов А. А. 214
Фурсенко А. А. 54
- Харрис Дж. 70
Хлевнюк О. В. 15, 25, 50, 52, 58,
183, 187, 291, 303
Холостов Д. И. 95
Хоскинг Дж. 50, 54, 186, 188, 250,
304
Хоув Д. 70
Хрущев Н. С. 21, 24, 28, 46, 50, 51,
148, 179, 180, 183, 200, 270, 292,
294
Цветкова А. И. 260, 261
- Черепенина Н. Ю. 25
Чернецов В. И. 210
Чистиков А. Н. 25, 100, 304
Чупахин И. Я. 204
- Шантыр И. К. 216
Шапиро Л. 38, 55, 304
Шарндорф В. 55
Шестаков В. А. 59
Шикторов И. С. 169
Широков И. М. 138, 271
Шишкин В. Ф. 198
Шмаргунов К. Н. 212
Штыков Т. Ф. 180, 195, 269
Шульгина Н. И. 191
Шумилов Г. Н. 204, 215, 286
Шумилов Н. Д. 76, 294
Шутов А. И. 204
- Щерба А. Н. 78, 79
Щербаков В. П. 172, 199, 200, 207,
209, 258, 271, 275, 284
- Яковлев П. И. 204, 214

Научное издание

К. А. Болдовский

ПАДЕНИЕ «БЛОКАДНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ»
Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела»

Редактор А. М. Никитина
Корректор И. В. Маленкина
Оригинал-макет Л. Е. Голод
Дизайн обложки И. А. Тимофеев

Подписано в печать 24.10.2018. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 19,5. Заказ № 1208. Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86